

ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 27

Нереал:

Андрей Якушкин. Экстаз от Канопуса	5
Марзия Габдулганиева. Икар и его брат	8
Марзия Габдулганиева. Последний ангел	12
Алекс Грарк. Конфликт с богом	18
Юлий Шанс. Ключи	22
Юлия Цыбульская. Осторожно, сосульки!	38
Д. В. Амурский. «Argil»	43
Д. В. Амурский. Тряпичная кукла	52
Д. В. Амурский. Голубой эдельвейс	63
Д. В. Амурский. Тайна горы Гроу	72
Василиса Грунина. Попутчик	86
Сергей Белаяр. Товар на экспорт	92
Руслан Шагманов. Вершина мироздания	94
Максим Кирилук. Последняя минута	95
Елена Шмидт. Сюжетный продавец	103
Вадим Вербицкий. Мардук	105
Андрей Зорин. Порог	110
Владимир Торин. Себастьян	114
Владимир Торин. Не.На.Висть. Рассказ-ненависть .	117
Владимир Булат. Промахнулся	122
Владимир Булат. 1900 год	127
Станислав Янчишин. Не бойся!	139

Поэзия:

Николай Проценко. Непознаваемость:	
Тайна Мироздания	90
Постигнуть Бога я не смог	91

Мнение:

Анна Проценко. Психология страха	152

* * *

Авторы о себе	157
Призеры выпуска 26	159

Украина
Кропивницкий
(Кировоград)
2018

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«ПОРОГ-АК». Выпуск 27. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: porog-anturage@yandex.ru

Телефон: (0522) 36-23-43

Почтовый адрес: 25006, Украина, г. Кропивницкий, а/я 5-50.

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – Ю. Тарасова.
Підписано до друку __.06.2018. Формат 60x84/16

Андрей Якушкин
ЭКСТАЗ ОТ КАНОПУСА

«Четвертак» я отметил на околоземной орбите. Арендовал йохохо-бар на десять витков, пил, угощал, горланил шансон и танцевал ламбаду в невесомости. Выиграл в нехитрую лотерею мягкую игрушку – рыжего кота и подарил рыжей официантке. Мне подмигнули и предложили задержаться. Не вышло. К парому «Индевор» подскочил на ржавом такси за полчаса до нуля-перехода. Припоздавших юбиляров тут не жаловали – ледяная улыбка стюардессы, буклет-схема корабля, термокружка с алкобуфером и спешная прогулка до камеры анабиоза. Я летел на Канопус. Но лучше бы старое такси развалилось на стыковке.

Если верить земному календарю, свою очередную годовщину я нахраписто проспал, а вот следующий цветущий рубеж встречал измученный бессонницей, в полном одиночестве, слоняясь по пустому кораблю с буклетом под мышкой. Экскурсия по «Индевору», безнадежно затянувшаяся на год, настроение не поднимала. Всё казалось серым, знакомым и, что хуже всего, тошно родным.

Помню, в первые часы после пробуждения я обшарил каждый доступный уголок – каюты, буфеты, подсобки, туалеты... Стальные двери рубки и кормового отсека удачно пережили мою паническую атаку – они были заперты. Отчаянный вопрос, что срывал голос до хрипоты и побуждал отборно выражаться: «Куда все подевались?..» – исчез на вздохе у табло аварийного телепорта. В бегущей строке мелькало невыносимо оранжевое слово: эвакуация! Навал чемоданов, вогнутая дверь и вдавленные переборки подсказывали – бегство случилось организовано. Затоптанная капитанская фуражка усиливала впечатление. Воняло нашатырем, дико мельтешили тревожные маячки. Настоящий полуночный кошмар по мотивам «Марии Целесты». За одним исключением – я не спал. Уже не спал.

Загадка чудной летаргии, случившейся со мной под аккомпанемент сирены, нудные причитания «почему никто не разбудил?» настigli и мучили меня много позже. Тогда же я очнулся прошлогодним трупом. Труп испытывал зверское похмелье, пугался теней и впадал в ступор от зыбкого отражения в иллюминаторах. Оценить непроглядную тьму за бронированным стеклом тоже удалось не сразу. Хотя вывод напрашивался элементарный: корабль застрял в гиперпространстве. Чумовая невезуха!

Смятение, перерастающее в панику, развеял бортовой компьютер, объявив о неиссякаемых запасах еды, воды и кислорода. Дышать стало заметно легче. Я побрел в буфет. Расшатанная нервная система срочно требовала валерьянки.

За баночкой горького тоника появились первые трезвые соображения. Итак: дыма не было, лампы не мерцали, кровать не прыгала, и в иллюминатор никто не скребся – всё не так плохо. Я успокоился и вернулся за капитанской фуражкой. Кубрик телепорта выглядел по-домашнему уютным – там я и остался. У пульта.

После недельного бдения система наконец включила монитор и выдала запрос о маршруте телепортации. Да воздастся космическим робинзонам! Я уселся за клавиатуру. Прыгать к Канопусу категорически не хотелось, да и не получилось бы – джамп-станции там давно не работали. Полная глушь. И как я соблазнился высокой зарплатой у аборигенов? Впрочем, дело прошлое. Передо мной открылась безгранично обжитая Вселенная. Курорты Цефея, сауны Персея, карнавалы Кассиопеи... – в полном моем распоряжении. Перелет аварийный, а значит, бесплатный. Плюс страховка.

Я ликовал... недолго. Названия планет в кириллице, латинице и прочих алфавитах навигатор не воспринимал и требовал коды. Лихорадочно перепробовав всё, вспомнив даже о заброшенных колониях, я поднял руки. В безумной лотерее «введите код» диплом филолога оказался бесполезен, тыкать же цифирками наугад я не рискнул. Пришлось с кубрика съехать, занять каюту капитана и радоваться вегетарианскому меню у пищевого принтера.

Дни протекали тоскливо и однообразно. Встал, поел, походил, лег, встал, поел... примерил фуражку. До взросления в анабиозе жизнь представлялась мне вертикальной прямой: учеба, работа, карьера, Олимп. «Индевор» же явно намекал на параболу, стремящуюся к эллипсу. Медленно и неотвратимо я приближался к отчаянию. Нытье «чего дома не сиделось?» не прекращалось ни на минуту. Изредка снились добрые спасатели в сияющих скафандрах. Тут же вскипал праздничный марш, скафандры летели ко мне с широко раскинутыми рукавами и... пролетали мимо. Фанфары неизменно заканчивались траурным минором. От такой досады хотелось бежать к телепорту, набирать, не глядя, абракадабру чисел и отправляться в неизвестность, к черту на кулички. Куда угодно, но подальше от гнетущей тишины, прочь из консервной банки.

Спасало только одно: знакомство с личными вещами пассажиров, щедро забытыми и разбросанными по каютам. В шкафчике капитана вдруг обнаружилось два десятка женских нарядов. Чудесное зеленое платье в мелкий алый горошек я носил, не сни-

мая, неделю. Вместе с фуражкой. Жутко хотелось с кем-нибудь поговорить, поделиться горестями, излить печаль. Но вокруг не было ни души. Я беседовал с зеркалом, подолгу рассуждая о невозможности как разновидности возможности, которая сопровождается позитивную и негативную возможность выжить. Иначе говоря, убеждал себя в том, что моя нерешительность у телепорта есть опасная невозможность для собственных возможностей. С учетом возможностей и невозможностей телепорта, естественно...

В зеркале что-то шевельнулось. И я увидел... кота! Толстая рыжая бестия, развалившаяся на панели отопления, лениво покачивала хвостом и снисходительно рассматривала мою фиолетовую блузку. От неожиданности я потянулся к отражению и родил грязную реплику – кот моментально утек в воздуховод.

Отгоняя дурацкие вопросы «как?», «где?» и «чем питался?», я принялся выслеживать невольного собрата по несчастью. Часами призывал его по отдушинам вентиляции. Рассыпал по углам свеженький, только из принтера, эрзац-корм с запахом лосося. Напевал ночные серенады, и мой голос звучал нежно. Придумал ему достойное имя – Канопус. В конце концов, даже переоделся в мужское, приняв во внимание, что кот может оказаться кошкой. Безуспешно! Мысль о том, что огненно-рыжей животинки не существует вовсе, я безжалостно гнал. Верил, еще немного усилий, неделя-другая, и меня перестанут игнорировать, меня оценят и полюбят. Это обязательно должно случиться. Главное – уверовать.

И мне воздалось – я услышал кота внутри себя! Он мяукал мягким баритоном. История жизни, которую мне поведали, отличалась мудростью и отвагой. Знания пленили истиной, а советы звучали поэтично.

Я отправился к телепорту, включил шлюз и набрал семь семерок. Коту я доверял, ведь он всегда найдет дорогу домой. Куда бы его ни забросила судьба-злодейка. В голове томно мурлыкало: «Возможность, предстоящая после осуществления всех возможных возможностей, есть экстаз». Я поправил фуражку. И нажал кнопку.

Марзия Габдулганиева

ИКАР И ЕГО БРАТ

Обычно сдержанный и спокойный Илья возбужденно мерил комнату шагами от окна до дивана, где сидела его мать, и говорил, говорил...

– Ты не понимаешь! Возможности света неисчерпаемы. Энергия окружает нас повсюду – бери и пользуйся! Не надо изнурять планету, она и так еле-еле нас терпит.

– Есть куча научных институтов, которые занимаются этим, ученые, а ты всего лишь обыкновенный программист. Тебе не сделать того, что не смогли сделать целые научные институты! Многие годы люди бьются, пытаюсь найти дешевые и неисчерпаемые источники энергии... Неужели ты думаешь, что это под силу тебе одному?

– Мне иногда кажется, что существует какой-то гениальный программист, создавший нашу Вселенную. И я в ней – лишь звено программы будущего. Вот поэтому и должен использовать свои способности, показать, что есть другой путь развития, с бесплатной и доступной всем энергией, необходимой для жизни. Тогда прекратятся войны, которые идут за владение полезными ископаемыми, тогда с детских лет будут развивать способности, подобные моим. Ведь если они у меня есть, значит, не зря даны!

– А Данька?

– И Данька тоже со мной. Ты не беспокойся, я ему не все рассказываю, а то сразу же начнет на практике применять, сама знаешь. Да и живем мы далеко друг от друга.

– Ваш отец погиб на полигоне! И вы туда же? Левитацию практиковать пытаетесь – это опасно!

* * *

Из центра сада, где уютный топчан для посиделок целый день жарился на солнце, его общими усилиями деда, сына и внуков перенесли в дальний закуток. Теперь он расположился среди вишневых деревьев и виноградных лоз. С трех сторон нависали ветки со спелыми сочными вишнями, с четвертой – еще несозревшие гроздья винограда. Мягкая полутьма спасала от зноя, и дети, мальчишки-погодки, тотчас стали использовать топчан для игры в солдатики. Они выстраивали друг против друга армии «зеленых» и «серых» (по цвету фигурок) и разыгрывали бесконечные сражения с попеременной победой, чтобы не было обидно командирам. А вечером наотрез отказались идти спать в дом. Тогда бабушка с

мамой, не споря, вынесли им одеяла с подушками, а сами ушли вечером у телевизора.

Было далеко за полночь, когда мать на цыпочках подошла к топчану, стараясь не шуршать опавшими веточками и сухими листьями. Но без шороха не получилось.

– Мама, – заворочался младший.

– Спи, спи...

– Я не сплю, – заговорил старший, шестилетний Илюша.

– А давно бы пора, – укладываясь, пробормотала мать.

– Очень красиво!

– Что?

– Виноград, как звезды, и звезды, как виноградины, только дальше и ярче.

Темное южное небо сверкало россыпью голубых, белых и желтоватых звезд различной величины и яркости, полупрозрачные незрелые виноградины вписывались в эту картину большими матовыми и светло-зелеными космическими светилами.

– Да... – с грустью вздохнула мать. – Когда-то и я мечтала туда полететь.

– К звездам?

– Видишь вон ту голубую, над головой? Это Вега из созвездия Лиры. Мне всегда казалось, что она близко, и я вырасту и долечу до нее.

– А кто придумал звезды?

– Они сами образовались из космической пыли. Наше Солнце тоже звезда, только она к нам намного ближе, чем те звезды, которые нам кажутся маленькими.

– Почему мы ее не видим сейчас?

– Земля вращается и теперь повернулась к Солнцу другой стороной.

– Вырасту, долечу обязательно...

– Долетишь, долетишь, – согласилась мать и лучше укрыла одеялом засыпающего сынишку.

Предрассветный прохладный ветерок подул с гор, которые стали проступать на горизонте. Звезды постепенно тускнели и исчезали, уступая место дневному светилу, чьи розовые лучи скользили по кромке неба.

* * *

С той ночи каждый раз перед сном дети подолгу рассматривали звездное небо и задавали все новые и новые вопросы. Больше интересовался спокойный Илюша. Данька, живчик, отличался неукротимой энергией и, в отличие от старшего, засыпал, едва коснувшись головой подушки. Для ответов на нескончаемые

«зачем?» и «почему?» родителям пришлось вспомнить весь курс школьной астрономии и физики. Отец, физик-атомщик, шутил, что даже ученики-аспиранты не задают ему столько вопросов, как всемирные дети. Обычные ответы их не устраивали, а законы абсолютного тяготения и Кеплера с формулами, как ни странно, вызвали неподдельный интерес. Пришлось даже объяснять, что такое ускорение свободного падения, и почему на Луне вес человека в шесть раз меньше, чем на Земле.

Осенью Илюша пошел в первый класс и больше не думал о звездах – ему интересней было решать арифметические задачки. Эти задачки вызывали в нем способность размышлять, что он подспудно понимал. Илюша отличался безупречным поведением, учился хорошо – и поэтому всегда был любимчиком учителей. Жизнь его шла по накатанной колее.

В шестом классе он попал запасным участником на городскую математическую олимпиаду и неожиданно занял первое место. Школьная учительница рассказала родителям, что, увидев весьма необычный алгоритм решения задач, она подала на апелляцию. Илюша долго и обстоятельно объяснял комиссии, в чем суть, и с неприметного места в середине списка переместился на первое. Она же и посоветовала перевести ребенка с такими способностями в математическую школу.

Сын долго упирался, но в конце концов согласился:

– Хорошо, я перейду, только больше не поеду ни в какой летний лагерь.

Тысячи раз мать сожалела потом, что согласилась на безобидное с виду условие: Илья забросил прогулки и все время проводил за письменным столом. Она часто заглядывала к нему в комнату и видела одни и те же картины: Илья либо что-то сосредоточенно читал, либо делал выписки из книг в тетрадь, либо сидел, закрыв глаза.

В сердцах она как-то сказала:

– Хоть бы пошел с братом прогуляться, а то сладу с ним нет! Все его где-то носит, не знаю, где искать.

Ответ последовал незамедлительно:

– Не мешай мне думать. А с Данькой ничего не случится, я всегда знаю, где он и что делает.

– Как знаешь? И где же он сейчас?

– Играет на водозаборе. Придет часа через два. Они там плотину делают.

– Лучше бы к обеду, через час, чтобы не подогреть... А думаешь о чем?

– Как – о чем? О полете на звезды! Помнишь, ты говорила, что хочешь долететь?

– Помню. Это же мечта, а мечты не всегда сбываются.
– Если очень захотеть, сбываются, ты это тоже говорила. А я очень хочу.

К обеду появился Данька, веселый, запыхавшийся, и с порога затараторил матери:

– Илья сказал мне, чтобы я срочно шел домой, а то обед остывает, и ты будешь ругаться. Я за десять минут добежал.

– Данька! – сердито окрикнул брата Илья.

Охнув про себя, мать стала накрывать на стол. Чтобы добежать домой от водозабора требовалось никак не меньше тридцать минут.

– И давно вы так?

– Что? – братья вскинулись, как нашкодившие котят.

– Бегае... перемещаетесь...

– Это все Илья! – воскликнул Данька. – Он мне рассказал, что делать, а я попробовал. Надо сильно захотеть и представить то место, и все. Теперь я и в школу хожу раздетый. Вместо десяти минут за минуту успеваю! Только Илья ругается, говорит, что надо сначала все вычислить, а потом делать.

Илья молчал. В голове матери ясно прозвучали его слова: «Все равно долечу до звезд».

– Слушайся брата, он старше, ему видней. А сейчас обедать.
«Спасибо, мама», – завершил Илья мысленный разговор.

* * *

Забинтованный с ног до головы Данька лежал в больничной палате и виновато смотрел на мать. Говорить он не мог, но и без этого они прекрасно понимали друг друга.

«Это я виноват... Я в гости приехал. Илья рассказал мне свою теорию...»

«Он же обещал не говорить тебе!»

«А он подробностей и не раскрывал, но и так все понятно и легко: нужно представить себя наконечником стрелы, направленной туда, где хочешь очутиться... Помнишь, мы так в детстве баловались?»

«Помню...»

«Илья меня всегда ругал, что я сначала сжимаю время, а потом представляю – а надо наоборот! Говорил, что я скоро стану старше его, а он не хочет быть младшим братом такого балбеса».

«И?...»

«Он же программист, все ходы у него последовательно расписаны, а я физик. Как только он сказал, что стрела должна быть из света... Не плачь... Я найду способ его вернуть!»

«Где он?»

«На Солнце. Ему пришлось лететь за мной вдогонку и отшвырнуть меня обратно, истратив всю свою энергию. Он теперь – Свет. Программу перехода назад, в материю, не успел дописать».

Мать подошла к окну, подняла жалюзи. Зима. Хрупкие ветви рябины согнулись под утренним инеем, на подоконнике и на земле лежит снег, вдали виднеется речка, скованная льдом. Все кругом застыло и замерзло, как ее сердце. Солнечный луч, вынырнув из-за облаков, коснулся ее лица, лаская, согревая и осушая слезы.

ПОСЛЕДНИЙ АНГЕЛ

Я лежу в больнице. Говорят, у меня кома и множественные ожоги, поэтому забинтован с головы до ног. Мне неизвестно, что такое кома. Я слышу все, что происходит вокруг, но отозваться не могу: лицо в бинтах, и любое усилие выдавить из себя звук напоминает попытку разорвать стальной канат. Поэтому молчу и только слушаю. Вдобавок к ожогам у меня пропало зрение, и я – последний ангел на свете.

Так сказал доктор. Узнаю его по бархатистому сочувствующему голосу. Многое отдал бы за то, чтобы взглянуть на него и поговорить. Мне кажется, человек с таким голосом никогда не сможет обмануть. Даже по бережному отношению ко мне, полуживому, можно понять, что все свои знания в медицине доктор отдал ради здоровья пациента.

Денно и ночью слышу я его мягкие шаги, похожие на кошачьи: так подкрадывается дикий зверь к добыче, которая еще не знает, что обречена стать обедом или ужином для сильного и беспощадного хищника. Но это только мои ощущения на слух, а в общении со мной доктор – милейший человек и хороший специалист. Вот и сейчас привел на консультацию глазного врача и уговаривает его совершить невозможное – восстановить зоркость моих обожженных глаз. Офтальмолог, светило науки, предлагает вставить современные импланты, но мой лечащий врач упорно не соглашается:

– Что вы, доктор! Этот человек уникален! Никакие чудеса современной науки не заменят ему живого зрения. Прошу вас, не отказывайтесь, это вопрос вашего престижа и вопрос жизни для больного.

Состояние мое удивительно: все слышу, все понимаю, но физически не чувствую ничего – ни боли, ни манипуляций медсестер с капельницами и шприцами, ни процессов, происходящих в теле.

Сколько интересного и важного прошло мимо за то время, что я нахожусь здесь, в больнице... Кто я? С тех пор, как осознаю себя, ко мне никто не приходил, из чего напрашивается вывод, что одиночество и уникальность – мои существенные отличия от других пациентов. Доктор то и дело называет меня последним ангелом на свете и сокрушается этому обстоятельству с неподдельной горечью. Когда он так говорит, его бархатистый баритон наполняется трагическими обертонами, и чувство неизбежности и горя окутывает меня, как пеленой. Или это марлевые повязки, скрывающие тело, не дают вздохнуть в полную силу? Но факт остается фактом: вот и сейчас при понижении интонации докторского голоса становится невыносимо горько и тоскливо, и воображение рисует грустного кудрявого мальчика на краю белого пушистого облака, разглядывающего радужный мост, перекинутый с одного края неба на другой.

– Пациент выходит из комы! – это голос медсестры.

Вокруг начинается суматоха, а мне хочется остаться маленьким мальчиком. Но радужный мост тускнеет, а облако стремительно проваливается в оглушительную бездну...

Темнота кругом. Это бездна? Нестерпимая боль обволакивает и скручивает тело, острыми жалами впивается в мышечные покровы. Впервые осезаю обгоревшую кожу, и бинты, что прежде мягко и нежно обволакивали, теперь кажутся кроваво вросшими струпьями, которые нужно содрать немедленно, неме...

– Бинты! Он срывает бинты! – истошный вопль медсестры над моей головой.

Глубокий невозмутимый голос доктора успокаивает ее:

– Он возвращается, благодарение... тому, кто это смог видеть.

Его заминка порождает у меня смутное подозрение – не так должна была закончиться только что произнесенная фраза, не так! Но тут я слышу, как он обращается ко мне:

– Как вы? Что-то беспокоит? Только пару слов, вам нельзя много говорить.

Его дружелюбный голос дарит магическое успокоение. Или это действие укола, который я впервые чувствую острой иглой в вене?

– Да, беспокоит! Что такое – последний ангел?

Лекарство на секунду перестает поступать в вену – вероятно, медсестра замирает и смотрит на доктора. После некоторой паузы вкрадчивый баритон отвечает:

– Понимаете, после воздушных боев вы единственный, кто выжил. Это не по силам обычному человеку – выжить со стопроцентным ожогом кожи.

– Воздушные бои? С кем?

Доктор, не обращая внимания на мой поспешный вопрос, невозмутимо продолжает:

– Мы запеленали вас в антисептический кокон, и вы стали похожим на сказочное сверхсущество с крыльями. Их называли ангелами. А теперь спать, спать! Вам непременно надо выздороветь!

Сон не приносит успокоения. Снятся отрывки упомянутого доктором воздушного боя... Я был летчиком? Умел летать? И с кем был воздушный бой?

Вопросы эти всю ночь не дают покоя, и медсестра утром с упреком обращается ко мне:

– В коме вы вели себя тише... – И, сообразив, что сказала глупость, тут же извинительно добавляет: – Вы совсем не отдохнули, а доктор требует, чтобы за вами был самый тщательный уход.

Сегодня новый визит офтальмолога. Он просит снять повязки с глаз, долго молча осматривает мои незрячие зеркала души (откуда всплыло в мозгу это выражение?) и задает не вполне понятный вопрос моему лечащему врачу:

– Зеркала специально?

Затянувшееся молчание, затем ответ голосом, полным печального сострадания:

– Так удобнее лечить пациента. Ведь у него почти не было шансов выжить, поэтому мы сделали палату полностью зеркальной, чтобы любое движение можно было фиксировать одному человеку.

– А на потолке зачем?

– На случай возможной неподвижности, чтобы он привыкал к своему новому лицу после восстановления зрения. Видите, профессор, мы делаем все возможное для его лечения. Помогите восстановить ему зрение. Этот человек уникален и бесценен для общества.

Медсестра, у которой я позже спросил про свою уникальность, не разрешила мне говорить. Сама она сказала, что все дело в зеркалах и моих глазах. Мне, по словам доктора, обязательно надо увидеть свое отражение, и это каким-то образом ускорит выздоровление. И хотя у меня сильнеешие ожоги и слабое сердце, в первую очередь займутся восстановлением моего зрения, а дальше организм сам справится с остальными повреждениями.

Следующие дни в больнице были конвейером лечебных процедур с нескончаемыми перевозками на каталке из кабинета в кабинет, от прибора к новейшему прибору, от техники к чуду техники. Если б я не был так слаб, что едва мог шевельнуть рукой, то

давно сбежал бы от этой сумасшедшей медицинской гонки или снова закатился в блаженную, как нирвана, кому.

Но доктор так неподдельно огорчился из-за моего медленного выздоровления, а мне самому так безумно надоели перевозки с этажа на этаж, что на этом эмоциональном фоне началось резкое улучшение моего физического состояния. Незаметно для себя обнаружил, что марлевый кокон нисколько не беспокоит, а по ночам снилось, что я свободен от бинтомогильника и независимо расхаживаю по палате, дотрагиваясь до зеркальных стен. Я даже изучил мысленно размеры своей палаты: в ней хватало места для койки и тумбочки, и еще по десять шагов в ширину и в длину. После таких снов я просыпался умиротворенный и отдохнувший, и весь день потом не отпускало радостное предощущение новой ночи и встречи с таинственными стенами.

Одно смущало, и не только меня – не хотелось открывать глаза, ни во сне, ни наяву. Сколько ни пытал офтальмолог, вижу ли я хотя бы малейшее изменение в своем зрении, ответом ему было упорное молчание, необъяснимое с точки зрения логики врача. А внутренняя логика остро сигналила в мозг: молчи, молчи, что прозреваешь! И я молчал, боясь высказать основную причину своего неосознанного страха. Нет, пугали не ожидаемые шрамы или обезображенное рубцами лицо: подспудное шестое чувство из укромных уголков подсознания подсказывало, что увидеть свое отражение в зеркале – неизбежная катастрофа.

– Вы уже можете видеть, мой самый главный пациент, – с такими словами вошел в палату доктор. – Еще пара дней, чтобы вы привыкли к этой мысли, и мы снимем повязки с глаз, а вы морально готовьтесь взглянуть на себя в зеркало. Не бойтесь, все специалисты будут рядом.

– Доктор, нельзя ли занавесить зеркальные стены и дать мне в руки маленькое зеркальце для первого раза?

Мой вопрос на неопределенное время повис в воздухе. Кажется, врач с великим трудом подобрал слова, таким насыщенным эмоционально показался мне его внешне сдержанный голос.

– Мы понимаем вас, но это необходимо, поверьте. Это – часть медицинского эксперимента по ускоренному выздоровлению безнадежных больных.

Я хотел задать еще вопрос, но почувствовал, что медсестра неожиданно сильно и дольше, чем обычно, протирает мой локтевой сгиб для укола, словно просит помолчать. Когда дверь палаты закрылась, она еле слышно зашептала:

– Доктор в ярости, вы уже третью ночь подряд разбиваете все зеркала в палате. И непонятно как, ведь следов на теле у вас не

остаётся, и ходить, по всем медицинским показаниям, вы еще не можете. Вот поэтому мы возим вас из кабинета в кабинет, пока палату заново отделявают зеркалами. И неясно всё...

Неожиданно открылась дверь, будто доктор стоял за ней. Вновь послышался бархатный голос:

– Мы договорились с вами, мой дорогой пациент. Через два дня снимаем повязку, и вы должны оправдать надежды нашего светила глазной науки. Вам все понятно, дорогой пациент?

После явно и неслучайно выделенного слова «дорогой» мне оставалось только кивнуть в знак согласия.

– Да. Я готов, все понятно.

У меня всего два дня на то, чтобы понять три вещи: с кем была воздушная битва, почему палата зеркальная, и чего я боюсь увидеть в зеркальном отражении, когда открою глаза. На мое несчастье, медсестры стали меняться каждый день, и все упорно отмалчивались на самые безобидные вопросы. А из того, что меня продолжали возить на каталке из кабинета в кабинет, вытекало одно: я продолжал разбивать зеркала ночами самым невероятным образом, не причиняя себе никакого вреда и незаметно для сиделок.

Все громче и громче щелкал в голове невидимый счетчик, приближая день истины. Ответ нужно искать здесь, закутанным в бинты, прикованным к постели, прокручивая и анализируя услышанные обрывки фраз.

Последний ангел. Наверно, в этом что-то есть. Буду вспоминать все подряд, цепляясь за каждое слово. Последний? Значит, были еще ангелы? Воздушный бой. Значит, там все погибли? С кем воевали ангелы, кто же их враги? Значит, в нашем мире существуют ангелы, люди и еще... кто? Эх, была не была, спрошу у доктора.

– Доктор, скажите, у вас есть враги?

– Какие? Имя нам... извините, нам нечего бояться. Мы живем в цивилизованном обществе, ни у кого нет врагов.

Ответ прозвучал молниеносно, и я сделал вид, что не заметил оговорку. Под бинтами не видно мою усмешку. Моя догадка подтвердилась, и у меня нет выбора.

– Да, доктор, я согласен и готов увидеть себя в зеркале.

– Мама, мама! Посмотри, какой смешной дяденька, в черных очках и черных перчатках. Почему он не вставит себе новые глаза? Ведь это так легко! – Кучерявый мальчуган с интересом разглядывал худощавого, высокого по земным меркам человека, ведомого собакой на поводке.

–Тише, малыш! Это наш спаситель. Он навечно выцарапал свои глаза, чтобы не стать Демоном.

«И чтобы человечество не погибло», – улыбнувшись, подумал Последний Ангел.

Если ты не хочешь изменить свою сущность на противоположную, увидев свое отражение в зеркале-перевертыше, можно поступить только так. Десять шагов вслепую до стены, руки к глазам, и пламя в глазницах.

Алекс Грарк КОНФЛИКТ С БОГОМ

Жизнь – штука настолько серьезная, что никогда заранее нельзя догадаться, какой фортель она выкинет в ближайшее время. Однажды у меня случился конфликт с богом войны. Я – человек, в общем-то, нерелигиозный, всегда держался материалистического мировоззрения, однако после того случая что-то во мне надломилось, убеждения свои я поменял и с тех пор регулярно в церковь хожу грехи замаливать – и свои, и чужие. Не думаю, что много в жизни нагрешил, но...

Все произошло на даче у Пашика поздно вечером, когда мы с ним и Васьком Хмурым дожирали подгоревшие шашлыки и допивали последнюю бутылку водки. Вяло уже ели и тем более вяло допивали. Сидели мы на даче шестой час после крайнего рабочего дня недели, устали, конечно, и от работы, и от дачи. Когда все повторяется изо дня в день, то устаешь безмерно. Уже приготовили себе лежаки для ночного отдыха, жен предупредили, чтобы сильно не волновались и не искали нам замену на стороне. Сидели у мангала, смотрели на догорающие угли, нехотя перебрасывались глубокими мыслями.

– Други! – воскликнул Пашик. – Я доверяю своей жене, никогда не сомневался в ее честности и верю, что сегодня она вновь меня не подведет...

– А вот я такой уверенности не имею, – заявил Васек. – У каждой букашки свои таракашки. Жена моя Марина, сами знаете, баба видная и всем мужикам сильно нравится. Я из-за нее столько драк затевал, что не сосчитать!

– Это нам известно, – заметил я. – Ты перебил столько народу, что страшно становится.

– Как перебил? – перепугался спяну Васек. – Насмерть?

Васек после приема пары стаканов постоянно придумывает всякие черные истории. Его послушать, так можно сильно удивиться, почему его из тюрьги выпустили и на какой срок. Сами посудите, что и с кем может что-то сделать мужик полутораметрового роста и весом полцентнера. А что касается его Марины, то и не Марина она вовсе, а Машка, и тоже Хмурая, причем на вид полностью оправдывает фамилию мужа. Какой нормальный самец на нее глаз положит? Если только слепой. Но и голос Машкин ангельским не назвать, скрипит, как старая ворона...

– Не бойсь, Вась! – успокоил я его. – Насмерть ты никого не покалечил, только слегка.

Пашик начал придремывать под эти разговоры, и тогда я решил открыть им свою тайну. После предыдущего нашего подобного времяпрепровождения мне пришла сдуру мысль написать письмо на соседнюю красную планету. Я никому еще об этом не говорил, даже закадычным друзьям по Пашиковой даче. И вот теперь сказал.

– Ты что – придурок? – сразу проснулся хозяин дачи. – Зачем ты это сделал?

– Откуда я знаю – зачем? Просто стало на душе муторно, дай, думаю, поохмлю над почтовыми работниками. Пусть вместе со мной посмеются, может, мне что-нибудь пришлют аналогичное, диалог получится.

– И что ты там написал, в письме-то? – заинтересовался наш полутораметровый друг.

– Немного о себе рассказал. Кем работаю и с кем дружу, водку с кем вместе хлебваю.

– И свои координаты оставил? – любопытствовал Васек.

– А то! И адрес свой указал, и номер телефона.

– И ты, дурень, теперь со дня на день ответа ждешь? – спросил Пашик.

Я даже расстроился за бестолковость моего друга.

– Ты в своем уме? Какой ответ я получу с Марса, если он в миллионах километров от нас? А почтовые работники, мне кажется, настолько тупые, что ответ будут придумывать не меньше месяца, да и то на таком же сборище, как наше... А я в письме напрямую спросил: есть ли там, ребята, у вас жизнь или нету? Мы, мол, здесь волнуемся многие годы, гадая на кофейной гуще, но ответа ни советские межпланетные станции, ни американские не дали.

Как я и ожидал, склонность ко сну у моих пацанов совсем пропала. Даже хмель заметно уменьшился.

– А кому ты письмо-то адресовал? – задал разумный вопрос Пашик.

– Так говорю же: на Марс! Так и написал на конверте: «На красную планету Марс, главе правительства».

– Слушайте, – спохватился Васек, – хватит баланду травить, давайте зальем угли водой и будем ложиться. А когда ответ Колюха получит, то нам сообщит.

Действительно было уже поздно, августовские звезды таращились на нас с небосвода, где-то вдали лаяла шальная собака...

Комары после тушения огня моментально совершили мерзкое нападение на подданных дачников, и они, то есть мы, отступили в комнату. Открытая форточка была обтянута потемневшей от времени марлей, и комары остались с носом.

Как только мы улеглись, быстро, по-солдатски, расстелив постели, у меня голосом Натали запел сотовый телефон. «О боже, какой мужчина!..» – надрывалась певица. Только я хотел отреагировать, как вызов прекратился. Что за фигня? Посмотрел информацию, но вместо номера телефона стояло ненавистное слово: «Неизвестно». Такие вот дурацкие порядки в компании «Билайн»! Зато я обнаружил, что пришла эсэмэска. Открыв ее, я прочитал текст и присвистнул от неожиданности.

– Мужики! – обратился я к еще бодрствующим приятелям. – Мне здесь любопытное письмо пришло. Хотите послушать?

– Валяй! – разрешил Пашик.

– «Дорогой Николай Иванович! Спасибо Вам за внимание к моей планете. Сообщаю, что жизнь на Марсе существует, можете не сомневаться. Лично я не против с Вами познакомиться и предлагаю небольшую экскурсию по памятным и дорогим мне местам. Сообщите, когда и куда прислать за Вами летуна, он будет снабжен нужным скафандром и запасом кислорода. Пищу возьмите себе на двое суток».

Васек упал с постели, но тут же вскочил на ноги и включил свет.

– Ни фига себе! Ты такой ответ желал получить? Что за тобой какого-то летуна пришлют?

– Да ладно тебе! – отмахнулся я. – Быстро же почтовые работники сообразили, что написать! Они что – думают, я еще на один конверт деньги тратить буду?

Подумав, Пашик сказал:

– А зачем тебе конверт? Ты дай ответ на это сообщение по мобильнику обычным порядком. Может быть, дойдет?

– Попробую, – согласился я. – Итак: «Спасибо за предложение. Но у меня нет времени на всякие экскурсии, отдыхаю с друзьями на даче и вынужден отказаться. Пошли Вы куда подальше!» Нормально, как думаете? Отсылаю? Хотя нет, хохмить так хохмить! Вместо «куда подальше» вписываем чисто русское матерное, любимое Никитой Михалковым выражение. Готово. Шлю?

Пашик сейчас среди нас был самым разумным – хоть пили мы одинаково, но из-за избыточной массы тела алкоголь на него почти не действовал, и мозги у него были чистые, как полированное стеклышко.

– Колюха! – сказал он. – Я тебя понимаю, но сообщение в твой адрес выдержано в вежливом духе, даже не верится, что такое на почте придумали. А вдруг письмо и впрямь попало на Красную планету? А ты их по матери посылаешь.

А вот у меня в голове хмеля было больше, чем нужно, потому что я совсем не к месту удивился:

– Паша, а что они мне сделают с Марса, из такой космической дали?

Не дожидаясь ответа, я нажал кнопку для отправки сообщения, и оно ушло!

Мы вновь легли и спокойно уснули. И новую эсэмэску я проспал.

Утром я взглянул на телефон и увидел ее. Прочитал – и волосы у меня на голове зашевелились. Глава правительства Марса общал, что никому не прощает подобных оскорблений и поэтому направил на наш город Минусинск микроядерный заряд. Он так и написал: «...для Вашего уничтожения. Снаряд достигнет указанной точки на Земле через восемь часов, и из-за Вас пострадают жители всего города. Иначе поступить я не могу, потому что Вы можете улизнуть со своей поганой дачи...»

Я заорал:

– Подъем! К нам летит бомба с Марса, быстро тикаем отсюда!

Конечно, мои собутыльники стали надо мной смеяться, даже не взглянув на мой сотовый. Причем на этот раз они оба от хохота скатились с постелей на пол, наслаждаясь моим испуганным видом и скоростью, с которой я пытался одеться.

И тут за окном рвануло... Марсианский снаряд по какой-то причине немного отклонился от курса, и город почти не пострадал: только во всех домах вылетели стекла, развалилась старая брошенная ТЭЦ и кое-кто попал в больницу с переломами. В двух километрах от города возникла огромная воронка с небольшим радиационным фоном, нестрашным для здоровья населения.

Пашик и Васек с тех пор сильно заикаются, пить мы бросили, а я стал верующим. Как же, ведь я прогневил самого бога – Марс с отдаленных древнегреческих времен является богом войны...

Юлий Шанс КЛЮЧИ

Отдай ключи, а сам у ворот стучи. Русская пословица

Прошел уже год с тех пор как прослушки американских спецслужб на компьютерах и смартфонах некоторых российских чиновников и бизнесменов перестали срабатывать. Затем из «эфира» стали постепенно пропадать Китай, Европа, Сирия и страны Латинской Америки. Белый Дом теперь терялся в догадках, почему Германия столь упорно сопротивляется его нажиму и продолжает вести переговоры по строительству газопровода «Северный Поток-2». Какие конкретно условия предлагает Россия? Стало непонятным также, почему Исламское государство в Сирии терпело фиаско столь стремительно. Ситуация медленно, но верно выходила из-под контроля. Мировой лидер терял преимущество действий на опережение. И виной всему была какая-то, возникшая из ниоткуда, российская фирма с раздражающим спецслужбы названием «Бесследный Герой». Две сотни хакеров Агентства национальной безопасности США вот уже несколько месяцев тщетно бились над головоломкой. Особенно оскорбительным был тот факт, что система «Бесследного Героя» использовала для пересылки сообщений все обычные средства коммуникации, контролируемые спецслужбами, но при этом умудрялась оставаться недосягаемой. Поток секретных сообщений плыл у них прямо под носом по доступным им серверам, по подконтрольным им каналам, по известным им протоколам, но прочитать не удавалось ровным счетом ничего. Под боссом Департамента телекоммуникаций и компьютерных служб Крэйгом Стивенсоном кресло качалось, как во время девятибалльного землетрясения. Само собой, кресла качались и под всеми его подчиненными.

Дверь распахнулась, и в кабинет начальника отдела компьютерного перехвата вошел недовольный Крэйг.

- Ну что, все еще не взломали?
- Нет, – виновато ответил начальник отдела Ник.
- То есть лучшие хакеры Штатов, прослушивающие весь мир, включая президентов многих стран, не способны взломать канал коммуникаций какой-то дрянной русской фирмы?

– Это не совсем обычная фирма, сэр. Мы навели кое-какие справки. Их главный программист Антон имеет двойное университетское образование – свое российское и наше западное. А криптографическим отделом там вообще руководит наш соотечественник, доктор философии по кибернетике Принстонского университета некий Дэниэл.

– Какими бы хитрыми ни были эти ребята, у вас есть то, о чем всему миру разболтал Сноуден – доступ к компьютерам и смартфонам с «черного хода» благодаря сотрудничеству с нами ведущих производителей телекоммуникационного оборудования! Вы не способны этим воспользоваться? Что, миллиарды долларов налогоплательщиков на принуждение ведущих фирм телекома к внедрению потайных лазеек потрачены впустую? Мне так и доложить главному?

– Это нестандартный случай, сэр. Мы столкнулись с чем-то необъяснимым.

– Нестандартный? Ха! А за что вы получаете немалую зарплату? Именно за то, что от вас ожидают решения именно таких вот нестандартных задач. Те же, кто умеет лишь стандартное, катаются не на новеньких «Бентли», как у вас, а на подержанных «Тойотах». И живут не в особняке на побережье, как вы, а в двухкомнатной квартирке в мрачном спальном пригороде. Вы хотите, чтобы мы устранили это несоответствие?

– Прошу прощения, сэр, но вам должно быть известно, что отдел под моим руководством всегда великолепно справлялся со всеми задачами, включая нестандартные. Но, повторяю, этот случай особый, нам нужно еще время.

– Время – деньги!.. Сколько вам его еще нужно, чтобы взломать защиту «Бесследного Героя»?

– Мы уже давно взломали их компьютерную систему, сэр. Мы проникли как на их сервер, так и на компьютеры их сотрудников. Но там нигде нет даже и намека на криптоключи...

Крэйг задумался на секунду и махнул рукой:

– Да черт с ним, с их сервером! Скорее всего, они хранят ключи на съемном носителе в сейфе. Взламывайте компьютеры их клиентов! Уж там-то ключи есть – они же ими шифруют!

– Увы, сэр, их там тоже нет...

– Как так? – опешил Крэйг. – Чем же они тогда шифруют свои послания?

– Вот это мы и пытаемся выяснить.

В этот раз Крэйг впал в ступор уже на целую минуту. Потом улыбнулся и выдал с видом знатока:

– Не тратьте время на выяснение. Раз вы уже взломали их клиентов, то я не понимаю, на кой вам эти ключи вообще сдались.

Ведь чтобы получатель смог прочитать послание глазами, оно на экране его компьютера расшифровывается и предстает в виде нормального текста на английском, русском, китайском или на еще каком-либо языке. Все что вам нужно – это просто попкисельно копировать скриншот с экрана компьютера получателя после расшифровки сообщения или же с экрана отправителя до шифровки. Мы ведь именно так и поступаем с абонентами непокорных провайдеров типа «Консонатор» и «ЧтоТам?», которые пока еще не пошли на сотрудничество с нами, не так ли?

– Совершенно верно. Мы идем именно по этому пути и видим все, что происходит на экранах мониторов клиентов «Бесследного Героя». Но, похоже, что они... не расшифровывают послания.

Крэйг посмотрел на Ника странным взглядом, как бы пытаясь понять, кто из них двоих идиот.

– Да ну? А как же они их читают?

Ник повернул монитор своего компьютера к шефу.

– Посмотрите сами. Я сейчас удаленно подключился к экрану компьютера одного из их клиентов. Вот клиент открыл сообщение электронной почты и не расшифровывает его. И так всегда.

Крэйг наклонился к монитору – на нем пестрело сообщение в виде абракадабры из всевозможных букв, цифр и прочих символов. Через несколько секунд пользователь того компьютера написал ответ на... нерасшифрованное сообщение! И притом сразу уже в зашифрованном виде абракадабры!

В этот раз Крэйг застыл в недоумении минут на пять, прежде чем радостно воскликнул:

– Олухи! Это означает лишь то, что к компьютеру подсоединено внешнее дешифрующее устройство. И на мониторе того прибора все отображается в расшифрованном виде!

– Да, часто у клиентов подключены принтеры, сканеры, ай-пи-телефоны или видеокамеры. Но все они обычных известных нам моделей и вне подозрений. А к некоторым компьютерам, включая этот, не подключено вообще ничего! Мы проверили все порты и все протоколы.

Крэйг принялся ходить из угла в угол кабинета. На сей раз он хранил молчание с полчаса. Потом остановился и раздраженно выпалил:

– Значит, вы не с того конца ищите – погрязли в стереотипах! Не думайте как американцы! Представьте себя русскими! Нахричьтесь водки, в конце концов!

Крэйг вышел из кабинета и с силой хлопнул за собой дверью.

Растерянный взгляд Тома, руководителя отдела телефонных перехватов, говорил сам за себя.

- Понятно, – недобро сказал Крэйг. – Ключей нет, не так ли?
- Да, ключей нет, – кивнул Том.
- И премии у вас уже тоже нет, кстати! Ха-ха! А скоро не будет и работы. У всех у нас!
- Простите, сэр, но мы делаем все, что можем. Уже месяц работаем без выходов по двенадцать часов, – попытался оправдаться Том.

Крэйг подошел к нему вплотную и с оттенком отчаяния в голосе спросил:

– Ну а вам-то ключи зачем? Ведь к вашим услугам секретные вставки в схемы микрочипов. Вы же можете подключиться напрямую к микрофону смартфона и подслушать разговор еще до того, как он будет зашифрован. Или тоже не можете, как те олухи из отдела компьютерного перехвата?

Том взял со стола наушники и протянул Крэйгу:

– Вот, послушайте сами. Это то, что мы слышим у них прямо с микрофона еще до шифровки.

Крэйг надел наушники и услышал нечто похожее на писк птеродактилей. Или на разговор дельфинов, переведенный в слышимый человеческому уху диапазон. Да, примерно такие звуки он слышал в познавательной телепередаче про дельфинов. «Дельфин» на одном смартфоне что-то проскрежетал – второй, на другом аппарате, ответил в том же стиле.

Гнев Крэйга улетучился. Он обреченно сел в кресло и долго молчал. Потом произнес:

– Нужно привлекать ЦРУ...

Тяжело поднялся и поплелся прочь, в приемную «самого».

Секретарь директора Агентства национальной безопасности сообщил Крэйгу, что тот беседует с госсекретарем и потому освободится, вероятно, не скоро.

Крэйг плюхнулся на диван ожидания, откинулся на спинку и устало произнес:

– Буду ждать хоть до утра. Дело не терпит отлагательств. Принесите мне кофе, пожалуйста.

Антон вернулся с тайландского пляжа в номер четырехзвездочного отеля и уже собрался было вздремнуть на диване, когда в дверь постучали. Удивившись, кто бы это мог быть, Антон открыл. В номер вошли четверо полицейских, пятый остался в коридоре.

– Вы арестованы! Вот ордер! Следуйте за нами! Все личные вещи оставьте здесь. После обыска вернем.

Неделю спустя самолет американских ВВС приземлился на бетонную полосу аэродрома. Вместо здания аэропорта тут были

только какие-то мелкие служебные строения. Сопровождаемый целой группой работников американских спецслужб, Антон спустился с трапа. После долгих унылых дней в душной одиночной камере предварительного заключения это было для него хоть каким-то разнообразием. Антон огляделся по сторонам, пытаясь догадаться, где же он оказался. Это не могло быть Таиландом, так как они летели слишком долго. Это не могло быть Прибалтикой или Польшей, так как здесь росли пальмы. И это не было похоже на США.

Пройдя метров триста среди кустарников по вымощенной плитками дорожке, они вошли в двухэтажное здание из красного кирпича. На его портале колыбался все-таки флаг США! Охрана в серой униформе без знаков различия почтительно расступилась на крыльце. Внутри его уже ждали.

– Добро пожаловать в Гуантанамо! – некто в черной униформе, предположительно, офицер ЦРУ, дружелюбно протянул Антону руку.

– Я требую предъявить мне официальное обвинение и предоставить адвоката, – проигнорировал протянутую руку Антон.

– Вы обвиняетесь в пособничестве терроризму, а адвокаты в военном суде, извините, не предусмотрены.

– Тогда я требую предоставить мне возможность связаться с посольством России и обосновать обвинение фактами.

– Требовать вы будете у своей русской любовницы, если вернетесь. В Гуантанамо нет посольства России. А факты вам будут предъявлены позже.

– Вы нарушаете сразу несколько международных конвенций!

– Сбавьте тон – никто не знает о вашем нахождении здесь. Пока вы просто без вести пропали. Вас вообще нет. Может, вы скрылись. Может, утонули. А может, погибли в пьяной русской драке. И появитесь ли вы вообще – зависит от вашего здесь поведения. Я ясно выразился?

– Что вам нужно?

– Всего лишь сотрудничество. Уведите заключенного!

Камера была чистой и аскетичной. Без окон. Внутри только кровать, тумбочка и полотенце. Пока его держали в Таиланде и транспортировали, Антон держался стойко. Теперь же депрессия накрыла его. Он осознал, что находится полностью во власти этих военных тюремщиков – и ни Россия, ни весь остальной мир, включая рядовых американцев, не знают, что он схвачен. На кону может стоять даже сама его жизнь – тюрьма-то секретная. Антон лег на кровать и стал размышлять. Пособничество терроризму – это меньше, чем сам терроризм. Прилепить столь нелепое об-

винение программисту компании, не числящейся в санкционных списках, в нормальном суде нереально. Однако в Гуантанамо – возможно. Скорее всего, ему грозит тюремное заключение на чужбине. Может быть, и пожизненное, как у Виктора Бута.

Сон приходиться не хотел. Антон закрыл глаза и принялся медитировать.

Нимфа в белом воздушном платье танцует на краю утеса. Антон никогда раньше не видел таких сказочных женщин. Он зовет ее, и, о чудо, она повинуется и начинает спускаться к нему! Антон не верит своим глазам. Она приближается к нему, она останавливается перед ним, она улыбается ему, обнажая белоснежные зубы с голубоватым оттенком. Ее руки обвивают его, он замечает у нее родинку рядом с мочкой правого уха. Нимфа зачем-то покачивает его из стороны в сторону... Затем, вдруг начинает трясти... Сильнее... Еще сильнее... С неженской силой!.. Со звериной силой!!!

Антон в ужасе проснулся – и увидел склонившегося над ним зрителя.

– На допрос!

Через лабиринт коридоров Антона привели в ярко освещенную комнату с серыми стенами без окон. Дознаватель средних лет уже поджидал его. Сбоку от стола стоял мощный мордovorot в черной униформе без опознавательных знаков, которым можно было бы пугать детей. Он показал на стул. Антон сел.

– Вы программист из русской компании «Бесследный Герой», не так ли? – спросил дознаватель.

– Допустим.

– Вы понимаете, что криптографические фирмы, подобные вашей, наносят вред обществу? – начал издали дознаватель.

– Странно слышать это от представителя страны, которая с момента своего рождения декларировала тайну частной жизни как одно из неприкосновенных прав человека.

– Нам до лампочки чьи-то личные тайны. Нас интересуют только коммуникации террористов и государственных преступников.

– И чтобы выудить их, вы прослушиваете всю планету...

– Вы верите всему, что наболтал Сноуден? У нас и намерений-то таких никогда не было!

– Не было намерений? В тысяча девятьсот семьдесят шестом году по настоянию Агентства национальной безопасности длина ключа государственного стандарта шифрования США была намеренно снижена со ста двенадцати до пятидесяти шести разрядов. И это породило уязвимости, через которые спецслужбы вскрывали любую переписку. Чуть позже АНБ с той же целью убедило компанию IBM снизить стойкость шифра в

своих устройствах. В восьмидесятих годах АНБ препятствовало распространению стойкого алгоритма шифрования Ривеста, Шамира и Адлемана. Тогда же руководству Национального научного фонда США вменили в обязанность направлять все работы по криптографии на согласование в спецслужбы. В девяносто первом году по законопроекту двести шестьдесят шесть всех производителей коммуникационного оборудования пытались обязать оставлять «черные ходы» в их устройствах, которые бы позволили правительству читать переписку в нешифрованном виде. В девяносто третьем году был выдвинут проект «Клиппер чип». На всех телефонах с функцией шифровки предлагалось установить микросхему, которая давала бы доступ спецслужбам к секретному личному ключу владельца. Ближе к двухтысячному году США и у себя, и в Европе проталкивали идею принудительного депонирования всех закрытых ключей в общее хранилище, доступное Штатам. Продолжать?

– Это было давно и неправда! Все, что вы перечислили, уже отменено официально, – дознавателю не понравилась осведомленность Антона.

– А неофициально?

– В Писании сказано, что все тайное станет явным. Криптография – это от дьявола! – резко перескочил на религиозную ноту дознаватель.

Антон с удивлением поднял на него глаза:

– Наоборот, сама природа благоволит к частной тайне. Все компьютеры современного мира не успеют взломать шифровку двухсотразрядного ключа до того, как потухнет Солнце, хотя на генерацию такого ключа требуются лишь секунды.

– Как бы там ни было, закон, будь он плох или хорош, обязаны соблюдать все, в том числе и ваш «Бесследный Герой»! – начал терпеть терпение дознаватель.

– Мы не американская фирма и потому не подпадаем под вашу юрисдикцию. Кроме того, на территорию США мы свои устройства пока не экспортировали, а значит, никаких сугубо американских законов не могли нарушить в принципе.

– Нам нужны ключи в обмен на вашу свободу, – решил взять быка за рога дознаватель.

– Увы, ничем не могу вам помочь. Их нет ни у меня, ни у нашей фирмы.

– Но они вообще-то существуют? – в голосе дознавателя слышалась тревога, смешанная с надеждой.

– Конечно, – признался Антон, сообразив, что в очевидных фактах ему лучше быть откровенным.

– И где же они тогда? – спросил дознаватель уже спокойным тоном.

– Только у наших клиентов.

– Вы действительно не оставляете себе копий ключей, на всякий случай? – теперь в голосе дознавателя сквозили досада и сомнение.

– Нет. Во-первых, мы ведем честную игру с нашими заказчиками. А во-вторых – как раз таки для того, чтобы я сейчас не смог вам эти ключи передать даже под пытками.

На лице дознавателя отразилось глубокое расстройство. Повисла пауза. Он собирался с мыслями. Наконец дознаватель пошел на устрашение, все еще не в силах поверить в то, что в мире вообще могут существовать фирмы, ведущие бизнес столь честно, как «Бесследный Герой»:

– Я не первый год в разведке, парень. Тебе не удастся надуть меня насчет отсутствия копий ключей. Против тебя выдвинуты очень серьезные обвинения в пособничестве терроризму. Ваши средства коммуникации позволяют террористам передавать нерасшифровываемые сообщения. Это значит, что либо ты нам даешь ключи, либо прощаешься со своими прелестными детками, молодой женой, любимой фирмой, свободой, а возможно, даже и со своей дерзкой башкой, сам понимаешь.

– Вы должны были бы повнимательнее ознакомиться с моим досье из ЦРУ перед допросом. Половину из перечисленного у меня нет. Вы причисляете «Газпром» к террористическим организациям? – съязвил Антон.

– У вас много и других клиентов. Например, венесуэльские и российские нефтяные компании, которые обходят наши санкции.

– Эти компании не числятся в списке террористических организаций ООН. Наложённые на них санкции – это внутренние аферы Соединённых Штатов и их союзников. Они не обязательны для исполнения всеми во всех странах, тем более компаниями на территории самой России.

– Ваши коммуникаторы использует преступный режим Асада в Сирии! – рявкнул дознаватель.

– Этот режим тоже не числится таковым в списках ООН.

– Выборы там сфальсифицированы! Там людей бросают в застенки и пытаются без суда и следствия, нарушая международные конвенции, к которым присоединилась и Россия!

– Я не в курсе того, что там, но я вижу то, что здесь: вы схватили меня в третьей стране и бросили в свои застенки тоже без адвоката, следствия и суда! – парировал Антон.

– У нас есть сведения, что вы поставили свои средства связи и Талибану! – раздраженно сказал дознаватель.

– Ха-ха-ха! Не сочиняйте.

Дознаватель кивнул мордвороту, и тот внезапным ударом в подбородок опрокинул Антона на пол вместе со стулом.

Антон поднялся на ноги:

– А я-то наивно полагал, что в вашей демократической стране узников не избивают... как в какой-нибудь там Сирии.

– Гуантанамо не подпадает под юрисдикцию Соединенных Штатов, так как находится вне их территории, – констатировал дознаватель стальным голосом.

– Подтоплением пытаться будете?

Новый удар мордворота, нацеленный в голову, Антон блокировал – сработали боксерские навыки. И хоть пошатнулся, но на ногах устоял. Мордворот подступил было к нему снова, но тут дверь открылась, и раздалась резкая команда:

– Прекратить! Оба – немедленно покиньте помещение!

Мордворот и дознаватель нехотя повиновались. Вошедший прошел к столу и сел на место дознавателя. Он был в форме майора Агентства национальной безопасности. За ним проследовала симпатичная женщина лет тридцати, в штатском, с упругими ягодицами под обтягивающей юбкой. Вошедшие поздоровались, но, как и прежние двое, своих имен не назвали. В женщине Антон шестым чувством почуял специалиста по информационным технологиям и тут же окрестил про себя Нёрдой – женским вариантом клички компьютерных зануд.

Нёрда подняла стул и вежливо предложила Антону сесть. Поколебавшись, он так и сделал. Майор кивнул Нёрде, и та, заняв место дознавателя, бархатным голосом произнесла:

– Приносим извинения за наших коллег. Это грубияны из ЦРУ, что с них взять?

– Ничего, кроме анализов, – удачно изложил по-английски русскую шутку Антон, зная, что АНБ и ЦРУ друг друга, мягко говоря, недолюбливают.

Несколько секунд царил тишина, а затем оба, майор и Нёрда, почти одновременно разразились громким смехом. Обстановка разрядилась.

– Так вы говорите, что ключ хранится только на компьютере клиента? – продолжила дело дознавателя Нёрда, все еще улыбаясь.

– У клиента, но не на компьютере, а в коммуникаторе.

Нёрда чуть не подпрыгнула от удивления на стуле и подалась к Антону, непроизвольно примяв свой бюст о стол, что резко повысило уровень тестостерона в крови Антона.

– В коммуникаторе? Что он собой представляет? – поинтересовалась она.

– Напоминает шлем космонавта.
– Шлем? – вытянули шеи майор и Нёрда.
– Ну да, – кивнул Антон. – Звукоизолированный, с внешними динамиками и микрофоном, внутренними динамиками и микрофоном, внешними видеокамерой и дисплеем и внутренним визором.

– Каким еще визором? – буркнул майор, заметивший, что этот русский пялится на его коллегу.

– Типа игровых очков виртуальной реальности, только проще – не нужны гироскоп, трекер, акселерометр и прочие датчики. По функционалу заменяет внутренние дисплей и камеру.

– Ваши коммуникаторы работают ведь просто через Интернет, сотовую связь, обычные компьютеры и телефоны, – сказала Нёрда. – Значит, эти шлемы все же как-то сообщают ключи компьютерам или смартфонам для шифровки и дешифровки? – в ее вопросе звучало искреннее любопытство.

– Нет. Шифровка происходит лишь в самих коммуникаторах. Ни компьютеры, ни телефоны ничего не шифруют и не дешифруют. Они просто перекачивают через себя информацию в уже зашифрованном виде – и всё.

Антон незаметно подмигнул Нёрде. Та сделала вид, что ничего не заметила и продолжила подчеркнуто официальным тоном:

– В уже зашифрованном виде? Допустим. Но ведь для того, чтобы передать зашифрованную информацию в компьютер или получить ее из него, коммуникатор все же должен как-то соединиться с компьютером или телефоном, не так ли? Почему же мы не засекли на аппаратах ваших клиентов никаких подключенных коммуникаторов?

– Коммуникатор электрически никак не подключается к компьютеру или телефону. В плане своей идентификации и взаимодействия с компьютером он сделан пассивным устройством – ничего о себе не сообщает, – медленно ответил Антон, нацеленный на ее кливидж.

– Пассивным? Но как тогда это все работает, черт возьми? – напряглась под его взглядом Нёрда, выпрямилась и поправила кофту на груди.

– Абонент произносит слова внутри шлема, как обычно. Внутренний микрофон воспринимает голос, оцифровывает и шифрует. Шифрованный голос, напоминающий крик птеродактиля, воспроизводится динамиком снаружи шлема. Именно этот звук и уходит в телефон или смартфон. На другом конце все происходит в обратном порядке: шифрованный звук из телефона через внешний микрофон шлема поступает на дешифровку и

воспроизводится динамиками внутри шлема уже как обычный человеческий голос.

– То есть, надев шлемы, абоненты общаются как обычно, но если подслушать их разговор, то будут слышны типа крики птеродактилей? Гениально! – Нёрда снова воодушевилась и посмотрела на майора. Тот не разделил ее восторга. – А как работает видеокommunikатор?

– Аналогично. Только вместо внешнего микрофона – видеокамера, а вместо внутренних динамиков – дисплей визора. При получении видеосообщения сюрреалистичное зашифрованное изображение считывается с экрана компьютера камерой коммуникатора и после дешифровки отображается внутри визора в первоначальном виде.

Нёрда, видимо, глубоко разбиралась в компьютерной технике и потому застыла с приоткрытым от удивления ртом. Ее белые зубы имели такой же голубой оттенок, как у нимфы из его сна! Антон был заморожен ими.

– А как отсылается видео? – гаркнул майор.

Антон очнулся и ответил:

– В точности наоборот: зашифрованное изображение с дисплея на внешней лобовой стороне шлема ловится видеокамерой компьютера и отсылается получателю.

– А почему же мы не видели шлемов, когда перехватывали изображения с камер компьютеров ваших клиентов? – наседал майор.

– На лобовой части шлема есть держатель в виде штыря. Камера компьютера крепится на него и затем фокусируется так, чтобы границы ее обзора не выходили за границы дисплея шлема.

Вопросы у майора закончились. Он опустил взгляд на заранее заготовленный листок с пометками. В это время Нёрда закинула прядь своих рыжих волос за правое ухо, и Антон заметил родинку возле мочки – тоже как у нимфы из его сна! Обручального кольца на ее руке не было. Их глаза встретились, и Антон послал ей откровенный воздушный поцелуй. В этот раз она уже не могла притвориться, что ничего не заметила, и стыдливо покраснела. Чтобы выиграть время и прийти в себя, она прокашлялась и спросила как можно более ровным голосом:

– Не секрет, что профессиональным криптографам порой удается взломать даже теоретически невзламываемые шифры. Почему ваш коммуникатор оказался им не по зубам? Только ли большая длина ключа сыграла здесь роль?

– Не только. Криптографам нужны зацепки. При классическом шифровании зацепки есть, поскольку шифруется весь файл целиком, вместе с так называемым описательным заголовком,

где строго в определенных позициях указаны тип файла (Эксель, Ворд, графика, видео, музыка и так далее), тип кодировки данных и прочая техническая информация. Обычно легко предположить, к какому типу принадлежит зашифрованный файл. В любом случае, количество форматов ограничено, и тип файла может быть определен путем простого перебора. Поэтому у взломщиков есть зацепка – они сравнивают зашифрованный заголовок файла со стандартным нешифрованным. Это резко упрощает их задачу, так как делает шифр и ключ уже частично взломанными. Мы же не шифруем весь файл целиком, не шифруем заголовок файла. Шифруем только его содержимое. То есть мы не скрываем тип того, что пересылаем: видео, картинку, звук или текст. Наши зашифрованные файлы внешне выглядят как обычные, нешифрованные, с той лишь разницей, что внутри они содержат сюрреалистическую мазню, крики птеродактилей или абракадабру. Поскольку содержание изменчиво и нестандартно, то и зацепиться взломщикам не за что.

Нёрда слушала как завороженная, открыв рот.

– Гениально! – воскликнула она. – Это придумали вы?

– Нет, это придумал другой наш сотрудник, – улыбнулся Антон.

– Этим у вас занимается наш соотечественник Дэниэл, не так ли? – встрял в разговор майор.

Антон замялся на секунду, но скрывать сей факт было бессмысленно – они наверняка знали об этом.

– Да, – кивнул он. – Ваш бывший соотечественник.

– Почему он нос не кажет из России? – русским фразеологизмом спросила по-английски Нёрда и лучезарно улыбнулась.

Антон был озадачен. Откуда эта американка могла знать такое специфическое выражение? Или просто слова так случайно у нее подобралась? Антон решил проверить и ввернул русскую поговорку:

– Береженого бог бережет. Дэниэл же видит, как вы преследуете Сноудена и Ассанжа... Я понимаю, что вам он был бы более полезен, но, увы, довольствуйтесь мною...

– Да ладно, пусть он там дальше бережется. Вы нам даже больше подходите, – уже нескрываемая симпатия прозвучала в голосе Нёрды.

Майор насупил брови.

– Откуда вы знаете русские выражения? – прямо спросил Нёрду Антон.

– Моя прапрабабка была родом из России, – ответила она. – Семья иммигрировала сюда после революции – не приняла коллективизацию. Но я уже совсем не русская, во мне больше американской крови.

– Тот, в ком есть хоть одна капля русской, остается русским на все сто процентов, – уверенно пошутил Антон.

– Правда? – обрадовалась Нёрда.

Майора уже окончательно разозлил столь откровенный флирт между допрашиваемым и его подчиненной. Он гневно посмотрел на Нёрду и рывкнул на Антона, как ротвеллер:

– Так, с видео понятно! Что насчет обычных текстовых сообщений? Пишете послание на бумаге рукой и просто подносите его к видеокамере коммуникатора?

– Да, это часто практикуемый способ. Но к шлему также подключены клавиатура и мышка. Коммуникатор имеет еще и встроенный простенький графический редактор, через который можно набросать на дисплее визора текст, рисунок или примитивную схемку. Снаружи, на внешнем дисплее шлема, после шифровки это отобразится в виде сюрреалистичной картинки-несуразицы. Она захватится видеокамерой компьютера и отправится адресату любым способом, хоть по электронной почте.

– А если нужно отправить уже существующий сложный и большой графический файл?

– Предусмотрена возможность загрузить в коммуникатор графику одного из стандартных форматов со съемного флеш-носителя.

– А если на нем вирус? – оживился майор.

– Не проблема. Коммуникатор не имеет операционной системы в обычном понимании, типа Виндоус, Линукс, Андроид и им подобным. Большинство технических решений внутри коммуникатора не программные, а аппаратные. Считывание графических форматов тоже происходит почти на аппаратном уровне. Никакой нестандартный графический формат, и уж тем более вирус, просто не будет считан вообще. Вирус не сможет не то что жить в коммуникаторе, но даже и влезть в него. У вас больше шансов допрыгнуть до Марса и выжить там.

– Почему у меня больше? – по-детски удивился майор.

Нёрда беззвучно хихикнула. Антон с бесстрастным лицом ответил:

– Потому что на Марсе вас может спасти живая марсианка, а в коммуникаторе даже дохлого трояна нет, чтобы вирусу руку подать.

В этот раз Нёрда не сдержалась и громко прыснула в ладоши. Лицо майора стало каменным, и он процедил сквозь зубы, обращаясь уже как бы к ним обоим:

– Что, позвать назад тех двоих из ЦРУ, чтобы закончили допрос?

Антон поправился:

– Извините. Потому что про Марс вы хоть что-то уже знаете, а про внутреннее устройство коммуникатора писатели вирусов не знают вообще ничего.

– То есть закрытые ключи можно добыть только через физический захват самих коммуникаторов? – сделал вывод майор.

– Серьезные клиенты не таскают с собой коммуникаторы в ночные клубы, знаете ли.

Нёрда едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться снова. Антон под столом провел кончиком ботинка по ее голени. Нёрде стало не до смеха – она испугалась, вновь зарделась и онемела от смущения.

– Ну а если все же у нас получится? – напирал майор.

– Почти бесполезная затея.

– Потому что там есть дополнительная защита, которая уничтожит ключ при попытке взлома?

– Да, но не только. Вам не удастся прочитать никаких прошлых сообщений, так как коммуникаторы не хранят их внутри себя. Мы специально их так спроектировали.

– Но мы можем послать дезинформацию абонентам владельца коммуникатора или запросить какие-либо сведения от его имени.

– Если к тому времени наш клиент обнаружит пропажу, то он удаленным сигналом сотрет ключ в коммуникаторе. Или же просто сообщит партнерам по обычному телефону, что его коммуникатор украден.

– А если мы нейтрализуем на время хозяина коммуникатора, так что он не сможет ничего предпринять? – не сдавался майор.

– Пойдете на риск нейтрализации лица из высшего руководства корпорации и вскрыете тем самым свои карты? Хм... Ну, тогда вам придется еще угадать пароль. После трех неудачных попыток ключи будут автоматически уничтожены.

Майор презрительно фыркнул.

– Обычный пароль? Вы не смогли задействовать биометрию – рисунок радужной оболочки глаз или отпечатки пальцев, например?

– В ведомствах, подобных вашему, накоплены огромные биометрические базы данных не только на уголовников, но и на многих уважаемых известных деятелей. Кому, как не вам, знать, что современные технологии позволяют даже без ведома человека считать рисунок его радужной оболочки через видеокамеру наблюдения, а отпечатки пальцев с листа документа или любого предмета, который он держал в руках. Биометрическую защиту вы бы взломали в два счета.

Нёрда подтверждающее покивала и вдруг выпалила:

– Вы понимаете, что вам грозит в России за разглашение нам столь секретных сведений?

Антон посмотрел ей прямо в глаза. Она их не отвела. Они влажно блестя от страха за него. В них читалось отчаяние от предстоящего расставания. Антон понял, что Нёрда хочет оставить его рядом с собой, спасти его от смерти и тюрьмы любой ценой, пусть даже вербовкой на американскую сторону. Антон оценил ее искренний порыв. Он тоже был ею впечатлен. Но у него был иной план.

– Ничего не грозит, – ответил он. – Я работаю не на спецслужбы, как вы, а на частную компанию. Но еще важнее то, что я сообщил вам не технические «ноу-хау» или коммерческие тайны, а лишь общее описание продукта, которое за день до моего ареста было выложено в открытом доступе на интернет-сайте «Бесследного Героя». Малюсенькая такая ссылочка «дополнительные сведения» под основной рекламой коммуникатора. Для того чтобы убедить даже технически дотошных клиентов в абсолютной защищенности их коммуникаций.

Майор и Нёрда нервно переглянулись, уткнулись в компьютер и открыли сайт. Действительно, все это было в открытом доступе! Майор откинулся на спинку стула и озадаченно спросил Нёрду:

– Ну, что думаешь?

– Думаю, что технология прошлого века в данном случае побилла современную, – ответила Нёрда, пребывая в смешанных чувствах. – Нет электронно-цифрового контакта с компьютерами и телефонами. Нет доступа к ключам. Нет зацепок. Нет шансов...

Майор осознал, что допущен непростительный профессиональный промах. Что Антон им был бесполезен. Что они провели крайне рискованную и противозаконную операцию по его задержанию зря. Что даже если они пытками сотрут его в порошок, то все равно ключей им не видать как своих ушей. Что теперь им нужно как-то выпутываться из этой мерзкой ситуации и при этом сохранить лицо как своего ведомства в частности, так и Соединенных Штатов в целом. Нёрда тоже была озадачена, но, естественно, иным.

Обмен Антона на какого-то второстепенного американского шпиона произошел в Таиланде в том же самом номере отеля, где Антон был схвачен. Собственно говоря, этого неумелого и давно раскрытого шпиона и арестовали-то лишь с этой единственной целью. Обмен состоялся в присутствии представителей спецслужб обеих сторон и таиландской полиции. Спокойно и без эмоций. Можно даже сказать, скучно.

Антон отпил из предложенного ему стюардессой бокала красного вина, посмотрел на облака за бортом и погрузился в размышления. О Нёрде. Как она себе представляет Россию? По рассказам прапрабабушки? Сказочной и обетованной, где девушки румяны, как матрешки, а суровые казаки пьют водку в кругу с медведями? Увидятся ли они еще когда-нибудь? Он вряд ли сможет ее найти. Он даже и имени-то ее настоящего не знает. Только она может восстановить их связь, если захочет – через сайт «Бесследного Героя».

Антон отпил еще вина и вдруг осознал, что их сайт в США теперь наверняка заблокируют, если уже не сделали этого. Кроме того, Нёрда, как любой сотрудник спецслужб, по рукам и ногам связана контрактными обязательствами, ограничивающими ее свободу. Возможно, что она вообще не сможет самостоятельно приехать в Россию, пока на службе и еще несколько лет после того... Жаль. Антону было уже далеко за сорок, но еще ни семьи, ни детей... Улыбнулось было счастье многоцветьем, но растаяло, как радуга-дуга. Ладно, как-нибудь в следующей жизни.

– Уважаемые пассажиры, просим всех сесть на свои места и пристегнуть ремни безопасности. Наш лайнер начинает посадку в аэропорту «Шереметьево».

Несколько часов спустя Антон в окружении сотрудников российских спецслужб вошел в кабинет начальника Департамента киберразведки ФСБ в Москве. Уже не молодой, но еще молодцеватый служака пожал ему руку, дружески похлопал по плечу и предложил стул. Антон сел.

– Ну, Антон, нам-то поведай, где ключики.

Разочаровав своих чекистов так же, как ранее заморских, и кое-как через сутки от них отделавшись, Антон наконец-то открыл дверь своего кабинета в «Бесследном Герое». Кабинет был битком набит веселыми сослуживцами! На столе стояли торт и шампанское! Но никто не произнес ни слова. Антон кинулся было к Дэниэлу, чтобы обнять и заорать от радости, но директор Виктор жестом остановил его, приложил палец к губам и указал на плотную кучку сотрудников в сторонке. Группа расступилась, и перед ним предстала Нёрда в вышитом русском сарафане.

– Горько! Горько!.. – неумолимо и бесконечно долго скандировала толпа.

Юлия Цыбульская ОСТОРОЖНО, СОСУЛЬКИ!

– Бабушка, пошли истории рассказывать. – Дайко проворно взобрался на свое спальное место и свернулся калачиком под пушистым одеялом.

– Какая история из «утвержденных» тебе сегодня необходима – для радости, для науки или для храбрости? – Марийна присела в ногах у внука и легкими движениями подоткнула одеяло, а сверху еще набросила плед. К вечеру заметно похолодало.

«Неужели опять диверсия? Уже второй раз за месяц. И сын что-то со смены задерживается...» – Она зябко повела плечами.

Дайко повозился немного и, вздохнув, сказал:

– Для храбрости. Сегодня на уроке мужества я опять не смог долго смотреть на сосульки. Дольше всех смотрела Зарийна. Она сказала, что представляет там меня, и все засмеялись. А учитель ее похвалил. Бабушка... – Дайко сжался и прошептал тихо-тихо: – А меня не отдадут сосулькам?

– Нет, конечно, миленький. За что? Давай расскажу тебе подходящую историю, и ты вырастешь настоящим храбрецом. – Марийна задумалась, вспоминая давно заученный текст, оперлась спиной о переборку и, мерно похлопывая Дайко по ноге, начала: – Когда-то давным-давно звездолет покинул свой любимый, но холодный дом – планету Земля. Двести смельчаков с тоской смотрели на прекрасную голубую жемчужину, стремясь навечно запомнить ее образ. Сменилось шесть раз по десять поколений, и глаза новых людей с надеждой взглянули на бирюзовую бусину, сулящую желанный приют. Здесь было все, что необходимо человеку, и ни одного живого существа. Только трава, кустарники и множество губчатых столбов, похожих на огромные перевернутые рогатки. Они стояли на расстоянии трех метров друг от друга, не имели листьев, веток, только белесые стволы, покрытые морщинистой эластичной корой. Ответь, Дайко, что помогло людям найти такой прекрасный дом?

– Вера в то, что Цель достигается Терпением, – отозвался Дайко.

Марийна кивнула и продолжила:

– Но радость была недолгой. Оказалось, что у этого дома все-таки есть владельцы – хищные и кровожадные...

Что-то свалилось с неба. Вместо подруги с семьей перед Вий-ей теперь вздымалась гора. За этой громадой дальних соседей

не видно, захочешь пообщаться – не докинешь, слишком высоко. Да и не знает их Вийя почти.

*Родные замерли, придерживают свои коммуникаторы и наблюдают. В жару от перегрева коммуникатор иногда промашивается, а новый пока вырастишь. Она тоже лучше пока при-
смотрится, подождет.*

– ...Не прошло и трех суток, как люди были атакованы. Длинные прозрачные твари, напоминавшие сосульки, напали неожиданно. Почти невидимые, они появлялись откуда-то сверху, пробивали людей насквозь, втыкались в почву и выбрасывали из своего тела тонкую липкую пленку, накрывающую человека с головы до ног. И так и оставались стоять трехногими неподвижными фигурами, словно насекомые, насаженные на иглу. Сквозь незамутненное стекловидное вещество можно было отчетливо разглядеть лица, искаженные гримасами боли и ужаса. – Марийна помолчала и задала положенный вопрос: – Ответь, Дайко, жертвы ли они?

– Они герои, каждый – ступень, приближающая к Цели, – сурово ответил Дайко.

Вийя первой их заметила. Это удивительно! Такие же двуногие, но не привязанные к одному месту. Поделиться бы новостью с подружкой, но... Интересно, откуда они? Надо расспросить, сказать, что рада новым знакомым, хоть и грустит о подружке. Она прицелилась и послала коммуникатор ближайшему из существ. Двуногий дернулся и замер.

Вийю потрянуло, как при землетрясении. Казалось, эмоции переполняют все полости ее тела, разорвут тонкую кожу и выплеснутся наружу. Коммуникатор выбросил защитный кокон, почти полностью покрыв существо, и чуждое незнакомое ощущение схлынуло. Над ней замелькали другие коммуникаторы. Всем не терпелось пообщаться. Каждый попал в цель.

Часть существ быстро скрылась. Оставшиеся почему-то больше не двигались и коммуникаторы не отдавали. Непривычно яркого цвета сок каплями падал из-под коконов и впитывался в песок. Странное чувство пустоты невидимым липким туманом расплозлось в воздухе.

– ...Люди были вынуждены отступить, – продолжала Марийна. – Корабль поколений – неприступная крепость. Он дал им надежную защиту, но одновременно стал тюрьмой для своего народа. Выходить наружу стало возможным только в скафандрах. Люди устали жить взаперти. Они хотели исследовать новый дом. Они мечтали узнать, как это дышать свежим воздухом, бегать по

траве, купаться в прозрачных озерах. Ответь, Дайко, почему люди были лишены этой радости?

– Мерзкие твари встали на пути к Цели! – разгорячился Дайко.

– Некоторые ученые стали изучать их, чтобы найти способ избавления. Другие назвали нападения оправданной самозащитой и потребовали возобновления полета для поиска нового свободного пристанища. Тогда Верховный Коммодор и Духовный Патриарх, да продлятся их дни, вместе с Советом Десяти приняли решение запретить малодушные разговоры о бегстве под страхом смерти и вечного презрения. Назови, Дайко, причину такой жесткости.

– Малодушие ведет не к Цели, а к бесцельности, а бесцельность – к бесславной смерти.

– Были те, кто не смог справиться с малодушием. Для них наказание стало неизбежным. Предателей отводили к тем, кого они возлюбили больше своего народа, чтобы принять судьбу в назидание. Ответь, Дайко, для чего нужны уроки мужества?

– Только Мужество делает дорогу к Цели прямой и потому – короткой. А на короткой дороге и опасностей всего ничего. – Дайко не дождался следующего вопроса, вскочил на кровати и, подпрыгивая, начал скандировать звенящим голосом: – Через Терпение и Мужество – к Цели! Через Терпение и Мужество – к Цели! Через Терпение и Мужество – к Цели!

– Вот и молодец! – Марийна поправила сбившуюся постель и сморгнула слезы гордости за внука. – В следующий раз ты точно не испугаешься, я верю в тебя.

* * *

Дежурный офицер постучался в дверь командного отсека и, не дожидаясь приглашения, вошел.

– Докладываю: аварийные блоки заменены. Причина поломки – код сто тридцать три. Задержан Райко Пембрович – техник.

– Опять диверсия, – процедил Верховный Коммодор. – Усилить охрану. Лично проверьте все посты. Идите. – Он отвернулся, заложил руки за спину и, покачиваясь на каблуках, обратился к Духовному Патриарху, расслабленно листающему в кресле старый фолиант: – Что предложите на этот раз? Как видите, путь насилия себя не оправдывает. Ну, казним еще пару преступников, что дальше?

– Рано вы разочаровались в насилии. – Патриарх положил тяжелый том на стоящий рядом низкий столик. Извлек из складок широкой коричневой тоги белый платок и, промокнув глаза, посетовал: – Что-то слезятся последнее время. Линзы, что ли, другие попробовать? – Крепко сжал дряблые веки и, поморгав

несколько раз, продолжил: – Путь насилия долг и восхитительно разнообразен, и вы, уважаемый Коммодор, только в самом его начале.

– Вы предлагаете... – Коммодор не решился озвучить догадку.

– Мы предлагаем... – Духовный Патриарх ненавязчиво подчеркнул слово «мы». – Думаю, желающих рискнуть семьей будет гораздо меньше.

Он снова занялся фолиантом, неразборчиво напевая под нос. Если бы Верховный Коммодор прислушался, то разобрал бы что-то вроде: «... неволей иль волей, а будешь ты мой». Но искусство его не интересовало.

* * *

Марийна осторожно поцеловала ямочку на покрасневшей щеке тихо сопящего в подушку Дайко. Попробовала позвонить сыну – долго слушала гудки. Тревога участила пульс, будто ватой забила уши. Райко всегда предупреждал, если задерживался на работе. Только бы ничего не случилось.

Она стояла напротив двери, когда та распахнулась. Сначала Марийне показалось, что она не знает появившейся в проеме женщины, так серо было ее лицо, глубоки и резко очерчены складки у рта. Не успела невестка сделать шаг в комнату, как сзади подошли трое в форме офицеров внутренней охраны. Пока один надевал на нее наручники, двое приблизились к Марийне.

– Вы мать Райко Пембровича? – спросил один из них.

– Да. Простите, а... – Марийна растерянно взглянула на невестку, но та едва стояла, почти мертвая, опустошенная.

– Вы подтверждаете, что это его жена, а это его сын? – перебил второй и коротко кивнул в противоположные стороны.

– Конечно. А зачем...

– Не будем пугать ребенка, возьмите его на руки и следуйте за нами. Вам всё объяснят.

* * *

Пообщаться с незнакомцами не получалось. Обездвиженных становилось все больше, пустота густела и уплотнялась. Вийя думала, кропотливо перебирала все испытанное ранее – ничего похожего. Давящая атмосфера становилась невыносимой. Даже любимое щекочущее покалывание травы не радовало.

Солнце уже поднялось высоко, когда они снова появились. Одни – в крепкой непробиваемой коже, другие – без нее. Существа остановились вне пределов досягаемости. В группе был очень маленький двуногий, Вийя таких еще не видела. Вдруг маленький резко отпрыгнул и побежал в ее сторону. Вийя замер-

ла, она чувствовала, как легкие удары его ног о почву разбивают монолит пустоты, как постепенно становится легче дышать.

Маленький остановился, потом сделал шаг, еще один, и Вийя ощутила прикосновение. Она постаралась выдавить коммуникатор из своего губчатого тела медленно, чтобы тот не выстрелил из макушки, а съехал по стволу вниз. Коммуникатор легко скользнул по ее изогнутой ноге и шлепнулся на упругий зеленый ершик травы.

Существо долго смотрело на коммуникатор. Подняло его и осторожно прижало к щеке. Вийя уловила толчок едва нарождающейся доверчивости, и теплый ток мыслей наполнил ее:

«А ты совсем не страшная, сосулька».

Д. В. Амурский
«APRIL»

В 1969 году группа «Deep Purple» выпустила свой третий студийный альбом. Музыканты и не подозревали, что создают самое важное творение в истории человечества. Жаль, что они об этом никогда не узнают, ведь мы с Лёшкой вынуждены молчать обо всем, что произошло с нами.

Дело было зимой. Я вернулся из школы и не успел даже переодеться, как в дверь позвонили.глянул в глазок: на лестничной площадке стоит Лёшка Нагорный, мой приятель. Уже два года мы сидели с ним за одной партией. Лёшка – очень увлекающаяся натура. Помню, когда он читал «Спартак» Джованьоли, то каждый день докладывал мне, как идут дела у восставших гладиаторов и сколько римских отрядов удалось разбить Криксу и Эномаю. Похоже, что и сейчас Нагорный загорелся какой-то идеей.

Я впустил одноклассника в квартиру. Он снял пальто, разулся и направился в гостиную. Устроился на диване, достал из портфеля помятый журнал «Техника – молодежи» и раскрыл его перед моим носом.

– Димон, смотри! Это же классно! Мы можем сами такой сделать!

Я взял в руки журнал и по диагонали прочитал статью о том, как сделать велосообиль. Сейчас-то, наверное, многие видели подобные средства передвижения в парках или на бульварах, а тогда это было в диковинку. Почти машина, только без двигателя, или, если говорить более точно, с экологически чистым двигателем в одну или две человеческих силы. Судя по статье и фотографиям, некоторым людям удалось смастерить велосообиль, и они потом эффектно раскатывали на нем по улицам. Я представил себе, как мы с Лёшкой совершаем круг почета по двору, а все ребята с восхищением смотрят вслед, и между лопатками пробежался приятный холодок.

– Да, интересно. Можно попробовать. А где колеса брать? И остальные железяки? Их там целая гора.

– Выдохни, я все уже продумал! Серый сказал, что у него в гараже старых великов – навалом! По самую крышу! Забирайте, говорит, если очень надо.

– Странно. Ты про Веслика говоришь? Он же жмот – у него на трудах опилок не допросишься!

– Не-а, я про Серегу Кругликова из «Б». У него батя на автобазе работает и всякий хлам в гараж все время тащит. А мамка на него орет, что устроил помойку. Вот Серый и говорит, что забирайте.

– Классно! Ты гений! Погоди, а собирать-то где? У нас гаража нету!

– Да ладно, не вопрос! Около старой свалки сарай сколотим!

– А доски?

– Димон, ты меня удивляешь! А завод на что?

Вы спросите, при чем тут завод? А дело в том, что на уроках труда Николай Романович учил нас резьбе по дереву. При некотором прилежании и капельке сноровки даже восьмиклассники создавали что-то интересное: маску божества с каких-нибудь тихоокеанских островов или печальный профиль Ибн Сины. Резцы и стамески в школе имелись, точильный станок тоже. А вот широкие доски приходилось добывать с определенным риском для репутации. Самые отчаянные мои одноклассники ходили в набеги на упаковочный цех близлежащего станкостроительного завода. Возвращались они оттуда с большими горбылями, из которых Николай Романович формировал на циркулярной пиле болванки для резьбы. Заводским это очень не нравилось, они даже приходили жаловаться, но директрисе как-то удавалось замять дело, намекая на то, что завод шефствует над нашей школой и пиломатериалы для уроков мог бы выделить и сам, по доброй воле.

Тут Нагорный остановил свой взгляд на полочке с магнитофонными кассетами.

– Что-то новое записал?

– Да. Вовян раздобыл где-то «April» и «The Dark Side of the Moon». Я вчера у него вечером сидел, переписывал.

– Дашь послушать?

– Бери, но только ненадолго. Мне самому хочется.

Лёшка спрятал кассеты в портфель.

Потом мы с приятелем оделись и вышли из дома. День стоял морозный и ветреный. На голубом небе не было ни облачка – ветрюган постарался на славу. От его холодных порывов мы быстро закоченели. Снег под ногами бодро похрустывал. Лёшка сострил, что это мы слышим, как ломаются скелеты ни в чем не повинных снежинок. При этом изо рта Нагорного вырывались клубы пара. Я хмыкнул, не разжимая губ.

Пройдя насквозь наш большой двор, мы вышли на пустырь. На краю этого неухоженного пятка поднимался пригорок, на котором серой полосой возвышался железобетонный забор завода. Со стороны ограда казалась мощной стеной, но ученики нашего класса прекрасно знали, что под плитами имеются подкопы. Через один такой лаз мы с Лёшкой и пробрались на территорию упаковочного цеха. Обошли целый штабель деревянных коробок и осторожно выглянули из-за последней. Одна бригада свежемороженых рабочих сколачивала из досок и фанеры квадратные

щиты, а вторая закрывала этими щитами станки, обернутые брезентом и установленные на деревянных поддонах.

Лёшка осмотрелся и указал рукой направо. Мы прокрались к штабелям пиломатериалов. Ближе к забору обнаружилась стопка калиброванного бруса. Я прикинул, что это именно то, что мы искали. Осторожно вытянул из штабеля одну двухметровую деревяшку, затем вторую. Мы с приятелем подтащили балки к забору и перекинули через него. Затем вернулись за второй парой. Все складывалось на редкость удачно – ни один рабочий нас не заметил. Перекинув через ограду еще две деревяшки, мы добрались до подкопа и вылезли на пустырь.

На белом снегу хорошо просматривались двухметровые балки. Но еще лучше был замечен дедок в телогрейке, который бежал к уворованным нами пиломатериалам и громко ругался. Что делают в таких случаях уважающие себя восьмиклассники? Конечно же, дают деру! Сбежав с пригорка, мы с Лёшкой изо всех сил рванули через пустырь к гаражам недалеко от свалки. Обычно зимой все ребята нашего двора развлекались тем, что прыгали с крыш этих металлических коробок в сугробы.

Дедок несся за нами, забыв про старческую немощь. Я бежал, как лань, вспугнутая охотником. За мною, тяжело дыша, улепетывал Лёшка. Оказавшись между двумя ржавыми гаражами, мы вползли в кусты и начали осторожно пробираться к сараюшке из почерневших досок. К стене этой неказистой постройки были прислонены листы шифера. Мы с приятелем спрятались за ними и неожиданно обнаружили отверстие, ведущее в хибару. Юркнули в него – и оказались в помещении, где стоял накрытый брезентом автомобиль. Нагорный нырнул под ткань, я последовал за одноклассником. Убежище показалось надежным – скорее всего, дедок не заметит этого логова в кустах и пробежит мимо.

Просидев несколько минут в полумраке и не услышав шагов преследователя, мы осмелели. Вылезли из-под брезента и начали рассматривать гараж. Ничего необычного в нем не обнаружилось. Вдоль стен тянулись деревянные полки, на которых лежали кое-какие инструменты и стояли пустые стеклянные банки и канистры из-под бензина. Когда я уже собрался выползть обратно на улицу, Лёшка предложил посмотреть на автомобиль. Ох уж это его любопытство! Я, глядя на очертания, сказал, что машина похожа на «Победу». Приятель хмыкнул и скинул на пол ткань.

Сразу стало ясно, что машина не имеет ничего общего с продукцией советского автомобилестроения. Ее невероятные плавные обводы разительно отличались от всего, что я когда-либо видел на дорогах или на даже экране. Это был какой-то очень странный экипаж, не похожий ни на старинный, ни на совре-

менный. Нагорный, как будто читая мои мысли, назвал это авто «машиной неопределенного времени». Я робко предположил, что перед нами какой-то иностранный автомобиль, но Лёшка авторитетно заявил, что на зарубежных автомобилях всегда есть фирменные значки, а на этом ничего такого нет и в помине. Произнеся данную тираду, приятель похлопал экипаж по крыше. Тут же две боковые двери непонятной машины пришли в движение и поднялись вверх. Перед нами открылся салон.

Что делает уважающий себя восьмиклассник, если у него появляется возможность забраться в диковинную лайбу? Конечно же, он садится на место водителя. Нагорный так и сделал, среагировав чуть быстрее меня. Мне пришлось довольствоваться сиденьем, расположенным рядом.

Передняя панель этой машины выглядела необычно – там не было руля! Обнаружив это, я посмотрел на приятеля. Тот тараторсил перед собой округлившимися глазами, но, заметив мой взгляд, принял самый уверенный вид и небрежно нажал какую-то кнопку на панели. Ничего не произошло. Тут Лёшка торопливо вдавил соседнюю кнопку, а потом еще одну. Двери загадочного экипажа бесшумно опустились, а из боковин сидений выползли ремни и обхватили наши животы. Одновременно с этим включилось освещение салона. А потом необычное авто бесшумно рвануло вверх. Я еще удивился, что не услышал грохота проламываемой крыши, но, похоже, хозяева хибары-гаража всё предусмотрели, в том числе и подъемный механизм, который убирал кровлю на время запуска аппарата. Расчетливые!

Нас вдавило в кресла, а потом я услышал какой-то странный звук, такой громкий, пронзительный, но в то же время очень жалобный. Не сразу до меня дошло, что это оралы мы с Нагорным. Такого аттракциона мы не ожидали! Я скосил глаза вправо и увидел, как наш родной город стремительно проваливается вниз. Параллелепипеды зданий быстро превращались в маленькие, едва заметные черточки, а потом и вовсе слились в черную запятую на белом фоне. Еще какое-то время угадывались изгибы замерзшей реки, но вскоре и они исчезли. И вот мы уже поднялись туда, где небо делалось из синего черным. Мамочки! Край земли уже начал загибаться. Мы же сейчас вылетим в космос!

Я повернулся к приятелю. На Лёшку было смешно смотреть: огромные растерянные глаза на побелевшем лице, разинутый рот. Таким ошарашенным я его еще ни разу не видел. Но, думаю, что моя физиономия выглядела примерно так же. Странная лайба неумолимо уносила нас от родной планеты в неизведанную даль. В крошечной черноте сияло множество звезд. Сколько же их

вокруг! Тысячи или десятки тысяч? С Земли столько не увидишь без телескопа!

– Ну, мы с тобой и влипли! – прошептал я Нагорному.

Он жалобно посмотрел на меня и ничего не ответил.

– Как думаешь, чем всё закончится?

– А я откуда знаю? – буркнул Лёшка. И обреченно добавил: – Меня же мать просила в гастроном за молоком сходить.

Тут я захохотал. Мы несемся с невероятной скоростью куда-то в космос, а этот типчик про молоко вспомнил! Приятель посмотрел на меня, как на психа, но потом тоже улыбнулся. Страх куда-то пропал, а его место заняла какая-то невероятная легкость.

Через некоторое время мы вдруг почувствовали, что нас снова начало вдавливать в кресла, но только с креном на левый бок, как в обычном автомобиле при повороте. Наверное, эта «машина неизвестного времени» резко изменила курс. Картина звездного неба за стеклами тоже пришла в движение. Ну, точно, куда-то заворачиваем. Но почему? Мы ведь с Лёшкой ни на какие кнопки больше не нажимали. Почему же этот аппарат так внезапно сменил траекторию?

И тут я увидел, что мы стремительно приближаемся к какому-то невероятному объекту – гигантскому серебристому бублику. Пока наша лайба подлетала, этот бублик становился все крупней и крупней. Вот он уже занял весь обзор: кроме громадных матовых сегментов, соединенных фермами и трубками, мы больше ничего и не видели сквозь стекло. Я и не думал, что могут существовать такие колоссальные сооружения, а Лёшка – тот так широко рот открыл, что я испугался, как бы он челюсть не вывихнул ненароком.

Наконец мы влетели через отверстие в бублике и оказались внутри исполинского ангара. Наше загадочное транспортное средство опустилось на пол. Ремни сами отстегнулись, затем ушли вверх боковые двери. Я выглянул наружу: в нашу сторону двигались люди в странной форме, с оружием наперевес. Вот только люди ли? Стоило взглянуть, как сразу стало ясно, что эти существа – не человеческой природы. Гуманоиды – да, но точно не люди. Чем-то они неуловимо отличались от нас. То ли пропорции тела другие, то ли форма лица, то ли разрез глаз.

Существа в форме оцепили экипаж и навели на нас свое оружие. Из этой группы вышел самый высокий и жестом повелел нам покинуть машину. Мы с приятелем повиновались. А что еще оставалось делать? Ведь под прицелом держали! Вылезли, и тут к нам подбежал гуманоид с каким-то приборчиком. Обвел им меня, потом Лёшку. Вроде как исследовали нас, и результаты этого

исследования оказались хорошими. По крайней мере, оружие гуманоиды сразу опустили.

Самый высокий инопланетянин что-то спросил у нас, но мы не поняли ни слова. Тут он кому-то махнул рукой, и на нас с Нагорным надели какие-то прозрачные шлемы.

– Вы глимпсы? – раздался чей-то тихий голос у меня в голове.

Пока я соображал, о чем, собственно, идет речь, Лёшка выпалил:

– Мы люди с планеты Земля! Мы пришли к вам с миром! А кто такие глимпсы?

– Если вы не глимпсы, то как вы оказались в спасательной капсуле Глимпсонианской федерации?

– А мы не знали, что это спасательная капсула. Мы думали, что это диковинный автомобиль. А потом эта штука вдруг сама включилась и куда-то полетела. А мы ничего сделать не могли.

– Вы включили режим эвакуации. После этого капсула действует автоматически. Значит, вы знакомы с управлением. Откуда?

– Да я случайно нажал на несколько кнопок подряд. Если бы я знал, я бы никогда и близко не подошел к этой машине... к этой капсуле! Меня мама в гастроном за молоком посылала! – чуть не плача, взвыл Нагорный.

Высокий что-то скомандовал, и нас повели вглубь исполинского бублика. Одно из существ в форме прихватило заодно и Лёшкин портфель. Пройдя по широкому коридору, мы вошли в обширное помещение, похожее на лабораторию. Нас с приятелем загнали в прозрачные кабинки. Пока мы там томимся неизвестностью, инопланетяне собрались группками у больших экранов и что-то оживленно обсуждали. Потом высокий скомандовал мне и Лёшке раздеться. Нас уложили на мягкие кушетки на колесиках, обмотали белой лентой, и меня закатали в нутро какой-то внушительной машины. Пока я там лежал, аппарат натужно гудел. Было прохладно, и мое тело покрылось гусиной кожей. В какой-то момент стало щекотно, и я дернул ногой. Тут же замигала синяя лампа, и меня обругали на неизвестном языке. Пришлось снова замереть. Затем настала очередь Нагорного, а мне разрешили одеться.

После того как все закончилось, высокий инопланетянин снова распорядился, и на нас надели прозрачные шлемы.

– Мы обследовали вас. Вы и в самом деле не глимпсы. Это хорошо. Но тот факт, что на вашей планете находилась спасательная капсула Глимпсонианской федерации, мне совершенно не нравится. Это означает, что вы, люди, представляете интерес для глимпсов. Я как старший офицер звездного патруля Истмии должен принять решение, что же нам делать с вашей цивилизацией. Если есть опасность, что вы поражены скверной и через

какое-то время станете союзниками Глимпсонианской федерации, мне надлежит уничтожить ваше человечество.

– Но это же негуманно! – возмутился Нагорный. – Цивилизации третьего типа так себя не ведут. Они обязаны заботиться о таких, как мы!

– Я не знаю, что такое «негуманно» и никогда не слышал, что Истмия обязана заботиться о каких-то дикарях. В Уставе звездного патруля об этом не сказано ни слова.

Мы с Лёшкой похолодели. Ну и дела! Вот тебе и собратья по разуму! Просто так, из-за каких-то дурацких подозрений, уничтожить всех людей? Но ведь это же бессердечно!

А высокий меж тем взял в руки магнитофонные кассеты и продолжил свою речь:

– Наши специалисты проанализировали содержимое вашей сумки. Все носители информации декодированы и показывают, что ваша цивилизация находится еще на очень примитивном уровне. Но вот эти два предмета нас озадачили. Судя по всему, это простейшие ленточные накопители, но мы не смогли их расшифровать. Что здесь записано? Голограммы? Ольфактометрограммы?

– Просто музыка, – ответил Лёшка. – Такие приятные звуки, чтобы их слушать.

– Музыка? Последовательность упорядоченных звуковых колебаний?

– Да, что-то в этом роде.

Старший офицер звездного патруля Истмии отдал какие-то распоряжения. Перед ним появилась искусственная рука, подхватила кассеты и куда-то их вставила. Вскоре на всю лабораторию раздался треск, шум, шипение, а потом все эти звуки сменил ритмичный гитарный проигрыш, к которому присоединились ударные. Затем голос Яна Гиллана запел про нищего, сидящего на углу и собирающего милостыню морщинистой рукой. Я во все глаза смотрел на высокого инопланетянина, а тот вдруг начал непроизвольно покачивать головой в такт песне. Определенно, ему понравилась музыка «Deep Purple»! А когда закончилась эта композиция и началась следующая, старший офицер и вовсе, казалось, забыл обо всем. Он закрыл глаза и вроде как весь отдался музыке. И не мудрено. Ведь это же «April», а не какая-нибудь «Вестсайдская история». Даже инопланетянину понравится!

Но вот кассета закончилась. Истмийский офицер открыл глаза и с некоторым недоумением посмотрел на нас. Потом в наших шлемах раздался его голос:

– Главный вычислитель звездного патруля провел семантический и культурологический анализ так называемой музыки.

Ваша цивилизация представляет интерес для Истмии. Оценочная шкала, составленная по результатам исследования, показала, что вероятность укоренения скверны на вашей планете невелика. Мы не будем уничтожать ваше человечество.

Затем нас отвели обратно в огромный ангар. Возле странного экипажа дежурил инопланетянин среднего роста. Высокий пояснил:

– Стрен полетит вместе с вами. Он знает, как управлять глимпсонианской капсулой. Доставив вас назад, он вернется сюда. Мы же будем пристально наблюдать за вашей цивилизацией, и когда вы достигнете определенного уровня развития – предложим вступить в наше содружество планет. Будем надеяться, что ваша музыка не обманула, и вы действительно достигнете гармонии и уберетесь от проклятой глимпсонианской скверны. Я произвел фрагментарное психокодирование, и теперь вы не сможете никому рассказать о том, что происходило с вами с момента старта капсулы до самого вашего возвращения. Прощайте! И желаю удачи человечеству!

Стрен доставил нас обратно на родную планету, в то самое место, из которого мы улетали. Покинув хибару-гараж, мы вернулись по домам. Оказалось, что на Земле прошло всего лишь три часа. Лёшка успел даже сходить в гастроном за молоком. А я как вошел в квартиру, так сразу же плюхнулся на диван и впал в оцепенение. То, что произошло с нами за эти три часа, не укладывалось ни в какие рамки! Получается, что мы не одиноки во Вселенной. Более того, в окрестностях Солнечной системы существуют по меньшей мере два противоборствующих союза планет, находящихся на высочайшей ступени развития. Как же хочется это обсудить с кем-нибудь. И я позвонил Вовяну. Но странное дело, как только я собрался рассказать однокласснику об этом важном факте вселенского масштаба, язык перестал меня слушаться. Как будто мне вкололи наркоз. Но стоило сменить тему – и способность разговаривать вернулась.

После нескольких попыток подобного рода я был вынужден смириться с тем, что никогда и ни с кем не смогу обсудить ни Истмию, ни Глимпсонианскую федерацию. Даже с Лёшкой мы могли обмениваться лишь намеками, впрочем, хорошо понятными нам обоим.

Веломобиль мы с приятелем так и не построили. Вскоре мой сосед по парте нашел новое увлечение – радиолюбительство. Он приходил в школу с книжкой какого-то японского инженера «Двадцать простейших схем на транзисторах для начинающих», после уроков проводил много часов у витрины отдела радиодеталей, пожирая глазами резисторы, потенциометры, конденсаторы

и прочие диоды. Думаю, что Нагорный хотел построить приемник сигналов от звездного патруля Истмии или тайных агентов Глимпсонианской федерации. Но, как это часто случалось с моим другом, он успел охладеть к радиолюбительству раньше, чем у него что-то начало получаться.

А потом, как-то весной, когда мы всем классом ходили в краеведческий музей, в одной из витрин зала, посвященного истории рабочего движения в нашем городе, Лёшка увидел фотографию, сделанную в Китайской слободе – жутком трущобном районе на берегу речки Лесопилки. На пожелтевшей карточке были запечатлены два странных человека возле хибары-развалюхи. На подписи значилось, что это хунхузы, но для китайцев люди на картинке выглядели странно. Высокие, нескладные, больше напоминающие богомоллов, по прихоти фотографа облаченных в темные маньчжурские халаты, сутулые фигуры отличались еще и странной формой лица.

– Это они! – выдавил из себя Лёшка.

– Кто? – не понял я.

– Те... Хибара... Лайба, – пробулькал Нагорный и подавился последним словом.

И тут до меня дошло, что он имел в виду. Мой приятель решил, что на дореволюционной карточке запечатлены глимпысы, но произнести этого не смог из-за проклятого психокодирования.

Я всмотрелся в старую фотографию. С одной стороны, на хунхузов эти незнакомцы были совершенно не похожи, но с другой стороны, мало ли кого носило тогда по окраинным землям империи. А вот хибара и в самом деле чем-то напоминала гараж, где скрывалась «машина неопределенного времени».

– А давай мы... – Я сделал страшное лицо.

Лёшка понял меня и кивнул.

Выскользнув из музея, мы сели на троллейбус и доехали до своей остановки. А оттуда отправились на пустырь возле завода. И что же мы там увидели? Все гаражи, среди которых так замечательно маскировалась хибара, были снесены. По пустырю деловито катался бульдозер, ровняя площадку, а чуть поодаль рабочие монтировали ограждение. Мы подошли к тому месту, где еще зимой росли кусты, и с грустью отметили, что развалюху, в которой мы с Лёшкой спрятались от деда в телогрейке, тоже разобрали.

– Вот и всё, – упавшим голосом пробормотал Нагорный.

За весну и лето на пустыре построили новый цех завода. Тайна глимпсонианской базы оказалась погребенной под толстым слоем бетона.

Так и завершилась эта невероятная история.

Но всякий раз, когда мне уже начинало казаться, что все это приснилось, я вставлял в магнитофон кассету с записью альбома «April» и вспоминал огромный серебристый бублик звездного патруля Истмии. И мне постоянно становилось не по себе, когда я задавался простыми вопросами:

«А что бы произошло, если бы Лёшка не взял у меня эту кассету?»

«А что бы произошло, если бы “Deep Purple” не записали этот замечательный альбом?»

ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

Крепко сбитый мужчина среднего роста стоял на берегу широкой реки и задумчиво глядел на свежий лед, кое-где прорезанный торосами. Но размышлял он вовсе не о том, когда можно будет перейти на другой берег. Глянув раскосыми глазами на свою собаку, мужчина спросил:

–Что делать-то будем, Енгур?

Большой лохматый пес ответил, хотя и не сразу:

– Подождем новостей из Буни. Нижний мир обязательно даст знать о сэвэне.

Мужчина кивнул.

* * *

Пятым и шестым уроками во вторник стояла физкультура. Сергей Валентинович распорядился, чтобы восьмой «А» брал в подвале лыжи и катался в большом сквере между школой, овощехранилищем и главной улицей города. По прикидкам физрука, круговой путь по хорошей лыжне, которую проложил он сам, а потом укатывали старшекласники, получился длиной около трехсот тридцати метров. Девчонкам следовало пробежать пять километров, ребятам – десять.

Мотаться по кругу, как пони в парке, было скучно, и все мальчишки, добежав до овощебазы, рванули вниз по переулку и дальше, через частный сектор бывшей Китайской слободы, к большому оврагу, где самые отчаянные съезжали с довольно опасной горки. Склон, раскатанный почти до глинистой почвы, изобиловал рывтинами и бугорками. Первым отважился прокатиться по нему на лыжах Виталик Серов. Он лихо объехал все выбоины и кочки, а под конец даже влетел на холмик и прыгнул с него, как с трамплина.

Но такой рискованный слалом привлекал не всех. Миша, Димыч и Лёшка отправились дальше, через заснеженное поле

«Зеленстройа» в лес возле краевой клинической больницы. Там, среди спящих деревьев, детские тренеры пробили замечательную лыжню для спортивной секции. А еще в этом лесу имелись многочисленные горки. Были там и крутые, бугристые – и разбитые, как в Китайской слободе: по ним скатывались солдаты из воинской части по соседству, используя в качестве саней листы оцинкованного железа, сорванные с теплотрассы. Димычу больше нравились пологие ровные горки в самом лесу, по которым можно было мчаться с ветерком очень долго, не опасаясь сломать себе шею. Хотя Миша умудрился упасть и там: отвлекшись на поедание замороженных плодов боярышника с большого куста, он не заметил, как правая лыжа выскочила из колеи и заскользила под откос.

Рухнув в сугроб, Миша долго ругал лыжню, физкультуру и Сергея Валентиновича, потом прошелся по Димычу, из-за которого они и поехали в лес. И внезапно замолк.

– Ты что, там зимовать собираешься? – поинтересовался Лёшка.

– Мужики, давайте сюда! – позвал Миша.

– Да пошел ты! – беззлобно произнес Димыч. – Знаю я твои разводы: сам в сугроб упал, теперь хочешь, чтобы и мы из-за тебя в снег полезли.

– Ребя, тут землянка!

Последнее слово заинтересовало Лёшку, и он расстегнул крепления лыж. Димыч нехотя последовал его примеру.

Под заснеженными ветвями кедровой сосны с раздвоенной верхушкой, росшей возле откоса оврага, темнело в мерзлой земле отверстие. Пробравшись через овальный лаз, ребята оказались в небольшой землянке. Она была устроена с использованием плашек от деревянных ящиков, веток, фанеры и кусков гофрокартона.

– Как бы нас тут не завалило. Пойдем быстрее отсюда! – Димыч, опасливо оглядев ненадежное сооружение, повернулся к выходу.

– Стой, тут же клево! – возразил Миша. – Настоящая пещера Робинзона Крузо!

– Бомжатник это! Сейчас припрутся такие синяки, что нам мало не покажется! – не разделил его восторга Димыч.

А Лёшка принохался и авторитетно заявил:

– Точно, бомжами пахнет! У нас в подъезде так же воняло – на чердаке было их логово. Башмач, завязывай с этой землянкой! Сваливаем!

Свое прозвище их друг получил еще в первом классе, когда он, пересказывая сюжет фильма «Белое солнце пустыни», упорно

называл Черного Абдуллу и его бандитов «башмачами». Кличка прижилась, и за школьные годы даже сам Миша смирился с ней.

Вернувшись на лыжню, ребята подождали одноклассника. А тот подошел к ним с каким-то странным предметом в руке. Приглядевшись, Димыч различил куклу размером с локоть, сделанную из замызганного тряпья. Волос у этой игрушки не было, а на плоском лице едва виднелись две нарисованные точки, подразумевающие глаза.

– Зачем тебе эта тифоза, Башмач? – спросил Димыч.

– Да ты что! Это же антиквариат! Можно сдать в музей и получить подарок.

– Клопов в подарок ты получишь, эт точно! И прямо сейчас!

Миша с сомнением поглядел на куклу, потом оторвал ей голову и кинул в одну сторону от лыжни, а тряпичное тело – в другую. Затем он долго оттирал руки снегом, пока кожа не покраснела.

– Ну что вы тут встали? Физра давно закончилась. Валентиныч нас поубивает за то, что домой не может уйти.

И они помчались по лыжне к школе. Воображаемый образ разгневанного физрука придавал всем троим силы, и неслись они по лыжне так, будто сдавали нормы ГТО.

К знакомому двухэтажному зданию подлетели все взмыленные, как скаковые лошади после забега. Храбрый Лёшка отправился в подвал первым и вернулся очень быстро, с посветлевшим лицом.

– К физруку кто-то в гости пришел. Они заперлись в каптерке и музыку включили, так что Валентинычу сейчас не до нас...

В среду, когда Димыч пришел утром в школу, ему показалось, что все в коридорах не такие, как обычно, а тихие и пришибленные. Технички в раздевалке перешептывались, косясь на учеников. Биологичка, классная руководительница восьмого «Б», брела в учительскую, прижимая платочек к заплаканному лицу.

Зайдя в кабинет математики и сев за свою парту, Димыч осведомился у Лёшки:

– А че все такие несчастные? Кто-то умер?

С передней парты обернулась Галя Синичкина и посмотрела на ребят заговорщицким взглядом.

– Ой, мальчики! Вы разве не знаете? Мухина из «Б» под трамвай попала! Поскользнулась и упала прямо на рельсы! И ей колесом голову отрезало! Представляете?

– Хрусть – и пополам! – страшным голосом продекламировал Лёшка и повторил еще громче, хотя и растерянно: – Хрусть – и пополам...

Синичкина возмутилась:

– Да ну тебя, дурака!
– А где это было? – спросил Димыч.
– На Шеронова. Мухина из музыкалки своей шла, с улицы Гоголя.

Димыч вспомнил, как плющил на рельсах жестяные крышки от бутылок и небольшие гвозди. Трамвай давил на рельсы с силой, достаточной для того, чтобы разогнуть пивную пробку, превратив ее в круг с зубчиками по краям, щелкающий при нажатии. Представив себе металлическое колесо, наезжающее на тонкую девчоночью шею, беспощадно рвущее кожу и ломающее позвонки, восьмиклассник вздрогнул. Картина у него в голове возникла устрашающая.

Тут прозвенел звонок, и в класс вошла математичка. Тему ужасного события пришлось отложить до перемены.

Мухину Димыч знал плохо. Он мало контактировал с «бэшниками», особенно с девчонками. Вспомнилось только, что Мухина стриглась коротко, почти под мальчика, и входила в вокальную группу, которая от школы участвовала во всевозможных городских и краевых конкурсах и временами даже занимала призовые места.

На перемене же Лёшка начал рассказывать, до какой главы он дочитал роман Джованьоли «Спартак» и в каком состоянии находится по тексту армия восставших гладиаторов. Сосед по парте был очень увлечен, повествуя о победе бывших рабов над войском Геллия и Лентула. Он так размахивал руками, что чуть не сшиб стенд с тригонометрическими формулами на стене. За разговором ребята совершенно забыли о злополучном происшествии.

Но ночью Димычу приснился кошмар. Во сне восьмиклассник бежал по лесу, а за ним гналось что-то неведомое, но очень страшное. Задыхаясь, Димыч несли из последних сил. Повернувшись и увидеть своего преследователя он не мог, поскольку знал почему-то, что если он сделает так, то неизвестный враг запомнит его лицо и потом выследит. В конце концов, Димыч споткнулся и упал, очутившись на рельсах. Где-то поблизости раздался гудок. Когда восьмиклассник проснулся в холодном поту, оказалось, что гудел будильник на прикроватной тумбочке.

Следующей ночью кошмар повторился. Димыч все так же убегал по заснеженному лесу от кого-то ужасного, а в финале, лежа на рельсах и не имея сил подняться, слышал гудок поезда Детской железной дороги. Этот страшный сон выматывал сильнее, чем лыжный кросс. Но Димыч никому не рассказал о своем кошмаре, опасаясь, что его засмеют.

В пятницу уроки снова заканчивались физкультурой. Взяв лыжи, ребята помчались в Китайскую слободу, а потом дальше, в лес, хотя Димыч и отговаривал друзей. Миша бежал по хорошо накатанной лыжне первым. Очутившись возле приметной кедровой сосны с раздвоенной верхушкой, он громко скомандовал: «Стойте!» и начал расстегивать крепления лыж.

– Тебе снова в божатник захотелось? – осведомился Лёшка.

– Нет, ему в музее дали план по куклам! – сострил Димыч.

А Миша, не обращая внимания на колкости приятелей, полез под разлапистую сосну. Вскоре он вернулся, держа в руках ту же самую куклу. Голова куклы была крепко приделана к тряпичному туловищу, как будто никто ее и не отрывал три дня назад.

– Смотрите! Она снова целая!

– Башмач, ты решил нас разыграть? – спросил Димыч. – Небось вчера сюда мотанулся, пришил тифозе голову, а теперь нам сказки рассказываешь?

– У меня в среду легкая атлетика, а в четверг изо! – возразил Миша. – Когда бы я в лес мотался? А кукла лежала на том же самом месте, где я ее во вторник нашел. Представляете?

– Ты гонишь, Башмач! Рассказывай эти сказки своей бабушке, а мы с Лёхой лучше дальше поедем.

– Стойте, мужики! Снег в среду шел?

– Да вроде так, – кивнул Лёшка. – А что?

– Вокруг землянки сегодня никаких следов не было, но кукла оказалась на том же месте. Странно это!

– Странно, что тебя сюда потянуло, Башмач! У вас в роду троглодитов не было?

– Сам ты троглодит! – обиделся Миша.

Он перехватил куклу, и в этот самый момент Лёшка попытался выбить ее из рук приятеля. Тряпичная игрушка отлетела в сторону и напоролась на острый сучок дерева.

– Да вы садисты оба! – укоризненно заметил Димыч.

Друзья не стали ему отвечать, но было заметно, что этот инцидент выбил их из колеи. Миша и Лёшка смотрели на деревяшку, пронзившую куклу, разинув рты, но снимать игрушку с сучка не стали.

– Вы еще в гляделки с ней поиграйте!

Встав на лыжи и застегнув крепления, Димыч помчался по заснеженному лесу. Приятелям пришлось сильно поднапрячься, чтобы его догнать. Всю дорогу Димыча не покидало ощущение, что за ними кто-то следит. Кто-то очень рассерженный...

А ночью восьмикласснику приснилось, что он с ребятами играет в пятнашки на строительной площадке, где реконструировали кирпичный дом. Бегать по полуразобранному этажу опасно, но

никого из друзей это не смущает. Вот он забегает на крышу, а сзади его кто-то преследует. Но Димыч внезапно понимает, что по пятам за ним гонится то самое жуткое нечто, что так напугало его в лесу. Пути отступления отрезаны, остается только сигануть на гору песка и строительного мусора, доходящую до уровня второго этажа. Прыгать страшно, но еще страшнее попасть в лапы того кошмара, который несется сзади. И Димыч приседает на корточки, крепко ухватывается пальцами за край стены и спускает ноги вниз. Затем повисает на руках. Жуткое нечто уже совсем рядом. Нужно разжать пальцы и падать. Напоследок Димыч смотрит на кучу мусора и видит прямо под собой стальную арматуру, торчащую из песка и обломков кирпича. Откуда она взялась? Ведь только что там ничего такого не было! Прыгать вниз нельзя, но пальцы уже разжимаются. И вот он летит, обмирая от леденящего страха...

Проснувшись, взмокший Димыч долго не мог успокоиться. Сердце колотилось, как взбесившийся метроном. Отдышавшись, восьмиклассник начал собираться. Родители еще спали, поскольку была суббота. Когда Димыч спустился по лестнице на первый этаж, он обнаружил, что не может выйти из дома. Где-то поблизости прорвало трубы, и вода залила подъезд, а потом замерзла. Дверь оказалась скованной толстым слоем льда. А поскольку в выходной день никто из взрослых еще не выходил на улицу, некому было решать возникшую проблему. Димыч подергал дверную ручку и убедился, что открыть дверь не сумеет. В голове затеплилась слабая надежда прогулять школу на законных основаниях. Ведь он и в самом деле не мог выйти из дома!

Димыч уже начал подниматься по лестнице, представляя, как проведет эту субботу, но тут из квартиры на первом этаже вышел хмурый мужик в тулупе. В руке сосед держал топор. Обухом мужик разбил лед, потом попробовал дверь. Она не поддавалась. Пришлось соседу еще немного поработать топором. В конце концов выход из подъезда был разблокирован, и Димыч поплелся в школу.

На первый урок он опоздал. К счастью, русичка не стала особенно ругаться. Когда Димыч усаживался за парту, Лёшка шепнул: – Слышал про Веталю?

Димыч огляделся: Серова в кабинете русского языка не наблюдалось.

– А что с ним?

Сосед по парте закатил глаза и провел указательным пальцем правой руки по своему горлу.

– Что? – забыв про урок русского языка, громко переспросил Димыч.

– Горный и Чанов! Я понимаю, что вы за ночь соскучились друг по другу, но поймите и меня. Не мешайте, пожалуйста!

Как только прозвенел звонок на перемену, Лёшка начал рассказывать. Оказалось, что Серов играл с приятелями в пятнашки на гаражах. Димыч вспомнил это место: на пустыре между кирпичными домами и бетонной оградой станкостроительного завода располагались гаражи, сваренные из листового железа. Зимой их прилично заваливало снегом, а поскольку автовладельцы расчищали только места перед своими воротами, то с крыш гаражей было замечательно прыгать в глубокие сугробы на задах. Вот Виталик там и развлекался. Просто так прыгать ему было скучно, поэтому Серов старался как-нибудь отличиться, сделать сальто в воздухе. И когда он сиганул в сугроб спиной, то напоролся на толстую арматуру, торчавшую из земли и полностью засыпанную снегом. Спасти одноклассника не удалось: сталь пробила ему позвоночник.

Димыч так и онемел. Известие повергло его в шок. Не сказать, что он дружил с Серовым, но знал Виталика с самого детства. Они вместе ходили в детский сад и пошли в один класс. Серов всегда был самым отчаянным, самым бесшабашным из всех знакомых Димыча. Он прыгал с третьего этажа, приземляясь, как кошка, бесстрашно перебирался с крыши девятиэтажки на балкон, на физкультуре единственный из класса освоил опорный прыжок через коня с переворотом. И вот теперь Виталика больше не будет никогда на этом свете. Димыча передернуло, когда он представил себе Серова со стекленеющими газами, истекающего кровью, лежащего на покрасневшем снегу за гаражами. А тут еще эти кошмары по ночам...

Из ступора его вывел Миша:

– Мужики! Надо побазарить!

Когда они втроем зашли в закуток возле медкабинета, Башмач огляделся и быстро проговорил еле слышным голосом:

– Это всё из-за куклы!

– Какой? – спросил Димыч.

– Да той, что я в землянке нашел!

– Из-за тифозы?

– Да!

Димыч вспомнил тряпичную куклу, потом то, как они с ней обошлись, и у него внутри все похолодело. А ведь и в самом деле! Неужели эта игрушка мстит им? Вот кто гоняется за ним во сне! Наверное, это просто везение, что кара за издевательства над куклой обрушивалась не на них, а на других учеников. Хотя это и несправедливо...

Лёшка скептически хмыкнул:

– Хорош заливать, Башмач!
– Но ты же сам видел! Я оторвал тифозе голову – и Мухину переехал трамвай! Кукла напоролась на сучок – и Веталь упал на арматуру! Думаешь, это просто так совпало?

Димыч оглядел друзей и предложил:

– А давайте мы покончим с этой куклой и с халабудой!

– Как? – спросил Лёшка.

– Пустим красного петуха!

– Спалим, что ли?

– Да!

– Когда?

– Да прямо сегодня после уроков!

– Че, опять на лыжах туда катиться? Валентиныч наверняка подвал запрет после четвертого урока.

– Тогда давайте завтра, на автобусе. Тринадцатый как раз идет до Детской железной дороги, а дальше пешком совсем немного.

В воскресенье приятели встретились на остановке, дождались нужного автобуса, а потом тряслись на задней площадке по разбитой дороге к овощесовхозу. Детская железная дорога зимой не работала. Ребята пересекли узкоколейку и вошли в лес. Пробираясь по глубокому снегу оказалось не так приятно, как катиться с ветерком по лыжне.

Миша дернул за ветку разлапистой сосны, и приятелям на головы посыпалась белая крупа. Лёшке даже что-то попало за шиворот.

– Башмач, ты достал со своими шуточками! – воскликнул он.

– Сын замерзшего якута!

– А ты отрыжка пьяного сипая!

Димыч хмыкнул. Так браниться его друзья могли бесконечно. Особенно искусен был в подобных препирательствах Лёшка. Но в этот раз пикировка быстро угасла, и далее они тащились по сугробам молча.

Сосна с раздвоенной верхушкой долго не показывалась на глаза. Наконец Димыч разглядел лыжню, ровный спуск и то самое дерево возле откоса оврага. Как и в прошлый раз, на белом снегу не наблюдалось ни человеческих, ни звериных следов. Миша поплелся в землянку и вскоре вынес оттуда куклу.

Игрушка снова оказалась целехонькой.

– Ищите сухой валежник и бересту! – скомандовал Миша, а сам вернулся в жилище бомжей.

Когда Димыч и Лёшка занесли в землянку то, что потребовал Миша, тот быстро сложил бересту у картонной стены, затем по-

ставил шалашиком тонкие ветки, а над ними – хворост потолще. И тоном, не терпящим возражений, распорядился:

– Выметайтесь отсюда!

Димыч пожал плечами и с радостью подчинился. Эта землянка сразу ему не понравилась. Лёшка тоже выпорхнул оттуда с видимым удовольствием на лице.

Когда к ним присоединился Миша, из-под ветвей сосны повалили клубы дыма. Сначала редкие, потом все более плотные и вонючие.

– Фу! Ну и духан! – поморщился Лёшка. – Как будто ты пластик поджег. Надеюсь, что это поможет, и никто в нашей школе больше не умрет..

– Давайте сложим фиги в кармане, – предложил Миша, – и трижды плюнем через левое плечо!

Вечером мать крикнула Димычу:

– Гляди, ваша школа горит!

– Что?!

Димыч тут же прибежал в родительскую комнату и высунулся в распахнутое окно. Через дорогу от их дома в вечерних сумерках полыхало двухэтажное оштукатуренное здание с фронтоном...

А ночью Димыча вновь мучили кошмары. Он и бегал по лесу от чего-то жуткого, и падал на рельсы, и сваливался с крыши на острую арматуру. А еще ему постоянно приходилось увертываться от каких-то черных призрачных рук, пытающихся его нащупать.

В понедельник утром всех учеников сгоревшей восьмилетки собрали на спортивной площадке и объявили, что на время ремонта здания им придется заниматься во вторую смену в школе по соседству, недалеко от Китайской слободы. Затем школьников распустили по домам до вторника.

Миша, Димыч и Лёшка отошли к гастроному на пригорке и, глядя на закопченную двухэтажку, начали обсуждать ситуацию.

– «Пустим красного петуха! Пустим красного петуха!» Теперь ты видишь, что получилось? – набросился на Димыча Лёшка.

– Но вы же сами согласились! – оправдывался тот.

А Миша вдруг спросил:

– Мужики, вы спите нормально?

– Нет, – нехотя признался Димыч, а затем и Лёшка мотнул головой. – Как мы нашли эту куклу, так мне все время снятся кошмары. Уже даже мать заметила, что у меня под глазами синяки.

– Моя тоже, – обреченно выдал из себя Миша. И вдруг с надеждой вскинул голову: – Мужики, у меня дядька работает в этнографическом музее. Может, спросим у него?

– Что спросим? – поинтересовался Димыч. – Как нам спастись от тряпичной куклы? Да он нас тут же в наркологический диспансер отведет!

– А мы скажем, что нужно сделать доклад по географии, – тут же придумал Миша. – Этнографический, про нанайских шаманов. И попросим познакомить с одним из них.

– Думаешь, сработает?

– Я позвоню дядьке и договорюсь, а вы тогда идите в лес и заберите куклу...

Возвращаться на злополучное место Димычу совершенно не хотелось, но выказать трусость перед приятелями он желал еще меньше. Судя по Лёшкиному понурому виду, тот испытывал сходные чувства.

Добравшись по сугробам до сосны с раздвоенной верхушкой, ребята заметили, что дерево обгорело. Только сейчас Димыч подумал о том, что оставлять огонь без присмотра в лесу нельзя. Хорошо еще, что пламя не перекинулось на другие деревья. Землянка обвалилась и теперь представляла собой чуть припорошенную снегом кучу золы, обгоревших кусков дерева и какого-то мусора в большой впадине, прорезавшей откос оврага. Отыскав рядом крепкую сухую ветку, Димыч обломал с нее все лишнее и начал ковыряться в пепелище. Лёшка стоял на лыжне, не решаясь присоединиться к поискам. Он же и заметил куклу, которая почему-то лежала чуть в стороне. Злополучная игрушка совершенно не пострадала от пожара. Она даже не испачкалась в саже.

– Бери ее, и идем отсюда! – скомандовал Димыч.

Он не решался дотронуться до куклы даже через рукавицу. А еще его сильно пугало ощущение, что за ними следят. Такое мерзкое чувство, когда очень хочется обернуться, чтобы заметить соглядатая, но знаешь, что этого делать нельзя. Категорически нельзя! Неприятное ощущение почти переросло в уверенность. Димыч физически чувствовал злобный взгляд, пронизывающий его спину, и от этого по коже поползли мурашки.

«Надо бежать из этого проклятого места!» – подумал он и рванул к остановке, забыв о Лёшке...

Мишин дядя таки устроил им встречу с шаманом. Для этого даже не пришлось далеко ехать. Нанайский шаман оказался обычным мужчиной средних лет, одетым так же, как и любой его городской ровесник. Он подждал ребят перед театром музыкальной меди, прогуливаясь по утопанному снегу с большой лохматой собакой.

Миша подошел к нему, спросил что-то и махнул рукой приятелям: мол, подходите.

Димыч и Лёшка еще ничего не успели сказать, как лицо шамана изменилось. Он нахмурился и протянул руку:

– Давайте!

– Что? – Лёшка сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

– У вас есть сэвэн, в котором обитает злой дух из Буни – Нижнего мира.

Словно подтверждая слова шамана, лохматая собака грозно зарычала.

– Молчи, Енгур! – скомандовал шаман, окинул пристальным взглядом каждого и обратился к Лёшке: – Сэвэн у тебя. Отдай его мне. Дух, который вселился в эту вещь, очень разгневан. Вам всем невероятно повезло, что он вас не отправил в Нижний мир без проводника.

Лёшка сразу подчинился. Он вытащил куклу из сумки для сменной обуви и протянул нанайцу. Шаман взял сэвэн осторожно, как берут на руки маленького ребенка, и принялся убаюкивать вещицу. Ребята смотрели на него, разинув рты. А тот вынул из-за пазухи большой кусок бересты и завернул в него куклу. Убрал в свою котомку и приказным тоном произнес:

– Рассказывайте!

Под строгим внимательным взглядом раскосых карих глаз восьмиклассники выложили все без утайки.

Вслушав ребят, нанаяец вздохнул и устало произнес:

– Я повторюсь: вам всем очень повезло! Какой-то недалекий человек украл этот сэвэн у шамана из Найхина. Справиться с такой вещью может лишь касса-саман. Любого другого злой дух убьет. Кто знает, сколько людей он прикончил, пока добрался сюда... – Шаман немного помолчал. – Чтобы дух не смог вас отыскать, повяжите на палец нитку. – Он достал из котомки три разноцветных кусочка пряжи. – Держите ее, не снимая, две недели. Если будут спрашивать – что-нибудь соврите, вам не впервой. А еще вас нужно окурить дымом багульника и зверобоя.

Нанаяец достал из котомки бронзовый сосуд, наполнил его сухими листиками и травой, добавил бересты, чиркнул спичкой и поджег. Из прорезей в верхней части сосуда начал просачиваться дымок. Шаман обвел этим дымом несколько раз вокруг каждого из ребят. Потом, чуть подумав, окурил себя и собаку. Лохматая зверюга недовольно чихнула. Наконец он вытряхнул пепел на утоптаный снег и убрал сосуд в котомку. Посмотрел сквозь восьмиклассников, как будто о чем-то размышляя, и добавил:

– Запомните: больше никогда не приходите в то место, где вы нашли сэвэн!..

По дороге домой Димыч размышлял о том, как странно все происходит в этом мире. Еще неделю назад он бы рассмеялся в лицо тому, кто сказал бы, что он, Дима Чанов, будет участвовать в шаманских ритуалах и верить в злых духов. Но события прошедшей недели нанесли его материалистическому мировоззрению сокрушительный удар. Теперь он ехал с друзьями в троллейбусе и вслух сокрушался, что не узнал, как зовут этого замечательного нанайца и не осведомился, как его найти, если возникнет такая необходимость.

А ночью Димыч впервые крепко спал без кошмаров...

* * *

– Как ты думаешь, они нас послушаются? – спросил Енгур у хозяйина, широко размахивая пушистым хвостом.

– Они показали мне разумными ребятами, – ответил шаман и перенеся вместе собакой из центра шумного города в небольшое село на берегу великой реки...

ГОЛУБОЙ ЭДЕЛЬВЕЙС

Я стою на перекрестке Хай-стрит и Маркет-стрит. Здесь очень многолюдно, настоящий человеческий муравейник. По движущимся тротуарам чинно проезжает разодетая публика. Улицы запружены колесными карами и левитирующими платформами. Чуть выше изредка проносятся флайеры и флиттеры, они кажутся такими неуместными на фоне вычурных зданий в викторианском стиле. На мне старомодная темно-синяя фуражка с клетчатой лентой на околыше и огромным гербом Лэндинга на кокарде, ярко-желтая куртка со светоотражающими полосками, делающая меня похожим на гигантскую канарейку, черные мешковатые брюки и тяжелые, начищенные до блеска ботинки, которыми можно было бы с успехом забивать гвозди. В моей правой руке – короткий полосатый жезл. На этом перекрестке я так же естественен, как дорожное покрытие на проезжей части улиц или как поручни на движущихся тротуарах.

Браслет-ассистент на левой руке дважды коротко пискнул. Это означает, что цель уже близко. Меня охватывает охотничий азарт: дичь скоро окажется в ловушке. Сердце начинает биться быстрее, а окружающий мир выглядит ярче и становится рельефней, как будто его подсветили невидимыми софитами. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и вглядываюсь в длинный ряд каров на Хай-стрит. Вот и тот кар, которого я дожидаясь: для большинства наблюдателей он не слишком отличается от обычных колесников.

Но мой опытный глаз сразу отмечает тяжеловесность конструкции, усиленной пластонитом. Неброский светло-серый «Фалькон» весит значительно больше, чем любой другой кар на этой улице. Достаточно внимательно посмотреть на колеса, чтобы это понять.

Направляюсь прямо к «Фалькону» и поднимаю жезл. Электронная начинка полосатой палки связывается с ассистентом кара и заставляет его притормозить у обочины. Я придаю своему лицу самое строгое и в то же время слегка озабоченное выражение и жестом предлагаю водителю открыть дверь. Тот недовольно морщится, но все же подчиняется, ведь необходимость сотрудничества с полицией внушается каждому жителю Лэндинга с самого раннего детства.

– Здравствуйте! Я лейтенант Рэтмен, полиция Лэндинга. Прощу всех немедленно покинуть кар.

– Офицер, почему? Мы не можем! У нас важный груз – мы должны срочно доставить его в космопорт!

– Сожалею, но я вынужден попросить вас покинуть кар. Нам поступили сведения, что ваш «Фалькон» заминирован. Пожалуйста, выйдите из кара и ждите на обочине, пока я буду обследовать салон.

В моем голосе слышны металлические нотки, всем своим видом я выражаю властность и непоколебимую решимость, а в моей правой руке вместо жезла внезапно появляется парализатор. Водитель и два охранника возмущенно переговариваются, но затем все-таки выходят из кара. Пока они связываются с руководством с помощью браслетов-ассистентов, я начинаю осматривать светло-серый «Фалькон». Наклоняюсь, чтобы заглянуть за спинку сиденья и незаметно подбрасываю туда дымовую гранату. Через две секунды из салона повалил густой черный дым. Округляю глаза, резко поворачиваюсь и испуганно кричу экипажу «Фалькона»:

– Кажется, оно сейчас взорвется! Спасайтесь! Убегайте как можно дальше! Я попробую загнать кар на пустырь!

Сажусь на водительское место и отъезжаю от тротуара. Тяжеленный кар набирает скорость медленно, но мне не нужно устраивать ралли. За углом у меня припаркована левитирующая платформа со стандартным крупногабаритным контейнером. Нужно лишь убраться с перекрестка и заехать во двор помпезного здания торговой палаты Лэндинга.

Облако черного дыма помогает прорваться сквозь поток транспорта: все дружно расступаются, давая возможность злополучному «Фалькону» покинуть перекресток.

Вот я и во дворе, в «мертвой зоне» камер наблюдения. Забрасываю отработавшую дымовую гранату в мусорный бак. Туда

же отправляется полицейская форма. Я остаюсь в комбинезоне городского мусорщика. Вскрываю багажник «Фалькона». Он заперт на сейфовый замок фирмы «Гэлакси Мауэр», но против универсальной отмычки, которую разработал я сам, ничто не сможет устоять. Достая тяжеленный черный чемодан, осторожно поглаживаю пальцами замки. Снова пускаю в ход свое изобретение, затем поднимаю крышку. Вот они, драгоценные кристаллы уникалия, самого дефицитного и дорогостоящего вещества Звездного Содружества. Каждый желтый прозрачный многогранник – в голубоватой оболочке из аэрогеля. Содержимое чемодана стоит столько, что этого хватит, чтобы купить новейший звездолет класса А, да еще и заплатить команде за пять лет службы.

Однако хватит лирики! Вынимаю из кармана черный пакет для мусора и высыпаю в него свою добычу. Потом выбрасываю опустошенный чемодан в мусорный бак. Теперь нужно избавиться от «Фалькона». Загоняю кар на левитирующую платформу и завожу его в контейнер. Осталось выйти, закрыть металлические дверцы и зафиксировать запорные механизмы. Сделав это, ставлю на платформу мусорные баки так, чтобы они окружали контейнер. Всё, теперь можно задать автопилоту маршрут до ближайшего полигона переработки мусора. Прощай, платформа! Ты мне больше не понадобишься.

Подхватываю черный мешок, беру тележку с пластиковым контейнером, метлой и уличным пылесосом и выхожу на Хай-стрит.

К перекрестку уже подъехали два дежурных экипажа полиции. Высоченные ребята в форменной одежде с энтузиазмом высматривают пропавший «Фалькон». Но им нет никакого дела до скромного мусорщика. Прохожу три квартала, опорожняю по пути все встреченные урны в контейнер на тележке, затем спускаюсь в подземный паркинг. Там у меня стоит неприметный фургончик, раскрашенный в цвета «Гэлакси Джонсон Клинерс», всемирной сети прачечных. Сменяю в нем комбинезон мусорщика и тяжелые полицейские ботинки на строгий деловой костюм и блестящие оксфорды. Содержимое черного пакета аккуратно пересыпаю в кейс того же цвета. Затем поднимаюсь на лифте на пятый этаж.

Роберт Эндрю – потомственный антиквар. Эту профессию он унаследовал от отца, деда и прадеда. Но в Лэндинге конкуренция на рынке старинных вещей слишком велика, поэтому Роберт не чурается сомнительных сделок. Один взгляд на содержимое кейса – и почтенный антиквар теряет все свое душевное равновесие. Он в волнении снимает пенсне, промакивает внезапно вспотевшую лысину носовым платком, затем смотрит на меня близорукими глазами. Я догадываюсь, что в мозгу Эндрю начинают крутиться числа с большим количеством нулей. Он рисует

на бумажке последовательность цифр – я добавляю к ней еще один ноль справа. Роберт некоторое время раздумывает и протягивает мне руку для пожатия. Сделка заключена. Я отправляю ему со своего браслета-ассистента данные для транзакций и жду подтверждения. На счета моих подставных компаний поступают средства в различных криптовалютах. Я тут же переправляю их дальше и прощаюсь с антикваром.

Выходя из офисного здания, незаметно проверяю, нет ли за мною хвоста. Так и есть – проныра Эндрю решил попытаться увеличить свою прибыль от нашей маленькой сделки и отправил следом шпика, неприметного паренька с лицом хорька. Ну что же: желание антиквара понятное. Времена сейчас сложные, нужно ковать железо, пока горячо. Но я Роберту в этом не помощник. Резко ухожу за угол, меняю направление и возвращаюсь в подземный паркинг. Шагаю до конца технического подвала, протянувшегося под тремя зданиями, поднимаюсь на улицу и осматриваюсь. Все чисто. Хорек-парнишка провалил свое задание.

Осталось сделать лишь одно дело. В двух кварталах отсюда расположена галерея «Черный шар». Она прославилась на всю Сканию, когда выставила в своих залах мусор с центральных улиц Лэндинга, инкрустированный благородными металлами и драгоценными камнями. С тех пор дела у владельцев галереи шли хорошо, а временами даже замечательно. Но один из хозяев «Черного шара» имел однажды неосторожность перейти мне дорогу. Я не злопамятный, но на память свою пожаловаться не могу. Настал случай заплатить по старым счетам.

В силу какого-то невероятного стечения обстоятельств, в этой галерее сейчас выставлялся не мусор, не мазня обкуренных шизофреников, не скандальные инсталляции на грани фола и даже не консервы из экскрементов. В «Черном шаре», по прихоти космических богов, оказались два настоящих шедевра старых мастеров, написанных маслом на холстах в те давние времена, когда еще даже не существовало фотографий. Владельцы галереи, наверное, привыкли к тому, что никто не пытался украсть их арт-объекты, и забыли позаботиться о безопасности. В законопослушном Лэндинге мало кто решился бы на похищение, но ведь здесь оказался я.

Камеры наблюдения галереи зафиксировали, как высокий подтянутый мужчина в строгом деловом костюме переступил порог здания во второй половине дня, уверенно вошел в самый большой зал, приблизился к стене, снял с нее картину, вырезал холст из рамы, скатал в рулон и положил в черную наплечную сумку. Затем злоумышленник проделал то же самое со вторым

шедевром. Все это заняло ровно пять минут, и мужчина неторопливо вышел из «Черного шара».

Я верил в успех последнего предприятия, но даже не подозревал, что все пройдет так банально и обыденно. Никто даже не пытался мне помешать. Сработал эффект неожиданности. Осталось лишь сесть в кар и отправиться к другому лэндинговскому антиквару, Джону Дарку. Тот знал, как распорядиться шедеврами с максимальной выгодой, и в то же время не допустить, чтобы они пропали навсегда. Себе я запросил лишь скромную комиссию с шестью нулями справа. Джон, так же, как и многие люди с хорошим вкусом, не слишком жаловал галерею «Черный шар», поэтому даже не пытался устроить мне какую-нибудь каверзу. Приятно было встретить честного человека среди скупщиков краденого!

А потом, когда все было сделано, меня вдруг охватила опустошенность. После нервного перенапряжения всегда наступает расплата. Я почувствовал себя выжатым лимоном, выжатым своими собственными руками. Захотелось забиться куда-нибудь, лечь и уснуть, проспаться пару суток, а потом долго ничего не делать. Но это все лишь слабость, следствие нервного истощения. Нужно взять себя в руки и собраться.

Поскольку дела в Лэндинге закончились – пора отсюда сматываться. Но для начала нужно еще раз сменить внешность. Контактные линзы и краска для волос делают меня голубоглазым блондином. Добавим к этому накладки в нос, фальшивые усы и короткую аккуратную бородку. ID с фотографией, соответствующей такому типу лица, загружен в мой браслет заранее. Надеюсь, вы понимаете, что я также позаботился о том, чтобы запись об этом документе появилась в базах данных полиции Лэндинга. Одеваюсь так, чтобы слиться с толпой, затем направляюсь на ближайшую станцию «трубы». Вакуумные поезда связывают между собой все полисы этой планеты. Куда я направляюсь? Конечно же, в Шёнебург, последний город Скании, власти которого не имеют причин стереть мою личность или упрятать меня за решетку до конца жизни. В этом полисе я никогда не занимался делами.

Так уж получилось, что Сканию одновременно колонизировали представители разных земных государств. Каждая партия переселенцев основала свой город, напомилавший о далекой родине. Дабы исключить любые конфликты в будущем, национальные полисы провозгласили отдельными государствами со своими законами, традициями, правилами. Я уже успел наследить почти в каждом городе-государстве. Оставался лишь Шёнебург, последний полис, в котором ко мне не имелось претензий. В нем-то я и отсижусь, пока не утихнет шум, отдохну, а уж потом отправлюсь на следующую планету.

Путешествие прошло на редкость обыденно. Я легко миновал контроль ID на выезде из Лэндинга, затем провел полчаса в вагоне, несущемся с головокружительной скоростью по вакуумной трубе. Пузатый офицер, явно любящий на досуге поразмышлять о жизни за большой кружкой пива, просканировал мой документ и радушно произнес:

– Добро пожаловать в Шёнебург!

Проведя в этом городе несколько дней, отоспавшись и отдохнув в блаженной неге безделья, я вскоре стал ощущать себя волком в овчарне. Когда видишь вокруг себя столько банков, ювелирных магазинов, страховых компаний и прочих замечательных учреждений, но знаешь, что их нельзя трогать, то начинаешь впадать в депрессию. К тому же мне постоянно попадались на глаза видеосюжеты на всепланетных каналах о дерзких преступлениях в Лэндинге. Репортеры с наслаждением повторяли стоимость украденного, после чего обычно показывали полицейское руководство пострадавшего полиса, беспомощно рассказывающее о введенных в действие планах перехвата. В такой ситуации и святой бы задумался о блюде. А что уж говорить обо мне, грешнике?

Чтобы не вводить себя в искушение и не наломать дров, я решил переехать в отдаленный район Шёнебурга, расположенный в Сканских горах. Мне казалось, что гостиница в уединенном замке с красивыми видами окажется самым лучшим решением проблемы «видит око, да зуб неймет».

Отель «Уединение» полностью соответствовал своему названию. Он был построен на изумрудно-зеленом склоне горы, на берегу прекрасного голубого озера, окруженного живописнейшими кряжами. Вокруг гостиницы вы не отыщете ни единой постройки, только вековой лес и виднеющиеся кое-где скальные обнажения. Когда я первый раз вышел на балкон своего номера, у меня захватило дух от восхищения. Озеро, на которое медленно надвигались с гор бело-серые растрепанные облака, выглядело невероятно, просто фантастически красиво. За всю свою бурную жизнь я никогда еще не имел возможности взять паузу, остановиться и насладиться пейзажами. Красоты природы ранее не волновали меня. А тут вдруг как будто кто-то коснулся потаенных струн моей души волшебным смычком.

Первые три дня я выходил из гостиницы сразу после завтрака и гулял по окрестным горам до самого вечера. Здешний воздух пьянил и одурманивал. И так замечательно было находить всё новые чудесные виды на озеро с разных вершин. А потом, вернувшись в отель, я прекрасно проводил вечера в ресторане. Оказалось, что кружка белого пшеничного пива прекрасно восстанавливает силы после долгих прогулок на свежем воздухе. А простая пища

в немецком стиле хоть и лишена изысканности, но вполне удовлетворяет все мои скромные потребности в еде.

На четвертый же день, спустившись утром в холл отеля, я увидел ее. Незнакомка в темном балахоне стояла у окна и смотрела на озеро. Длинные волосы цвета красного дерева в живописном беспорядке разметались по плечам и спине. Услышав мои шаги, женщина обернулась. Ее темные, чуть расширенные глаза просто сияли на фоне бледного лица. Несколько темно-рыжих локонов покоились на пышной груди. Женщина грациозно сдула с лица непослушные пряди и обратилась ко мне с вопросом:

– А вы не находили здесь голубой эдельвейс?

– Простите?

– Вы одеты, как человек, идущий в лес на прогулку. Говорят, в здешних краях растет цветок, ставший уже легендарным: голубой эдельвейс. Вам он не встречался?

– Нет.

Тут в наш разговор вмешался администратор за стойкой гостиницы.

– Я слышал, что эти цветы растут возле водопада Хаарризин. Вы можете отправиться туда – это самое красивое место в округе!

Незнакомка кинула на портье мимолетный взгляд и снова обернулась ко мне.

– А вы можете отвести меня туда?

Ее глаза казались бездонными, как два темных омута, и затягивали меня, как водовороты, я не мог оторвать от них взор. Казалось, что женщина меня загипнотизировала, околдовала. И мне совершенно не хотелось этому противиться.

И все-таки я сделал слабую попытку развеять чары рыжеволосой кудесницы:

– Но... ведь мы незнакомы...

– Меня зовут Элен. А вас?

– Михель. Михель Шмидт.

– Теперь, когда мы с вами познакомились, вы сможете отвести меня к этому водопаду?

Завороженный ее низким грудным голосом с чудесными обертонами, я безвольно кивнул.

– Давайте встретимся здесь же через четверть часа, – сказала женщина.

И мы отправились на прогулку. Моя спутница успела переодеться в светло-серые брюки и ярко-желтую курточку с капюшоном. Свои роскошные волосы она каким-то загадочным образом убрала под оранжевую кепку с длинным козырьком, став похожей на подростка. Но даже так, да еще и в тяжелых горных ботинках, она смотрелась обворожительно. Мы шагали по склонам, по-

росшим лесом, а я все не мог отвести взгляд от этой прекрасной женщины. Ей же явно нравилось мое внимание.

Когда мы поднялись на скалу, с которой открывался вид на водопад, Элен радостно вскрикнула:

– Это просто чудо! Я никогда не видела ничего прекрасней!

И в самом деле, Хаарризин на противоположном склоне ущелья был невероятен! Тонкие струи воды, сбегаящие по камням, сливающиеся, а затем снова разделяющиеся на множество потоков, действительно напоминали волосы великанши. В самом низу, где водопад разбивался в мельчайшую пыль, поднималась яркая, пусть и короткая, радуга. Невозможно было отвести взор от этого чуда природы. А потом Элен подошла ко мне и негромко пробормотала:

– Я так вам благодарна.

И подарила мне нежный поцелуй. Губы женщины пахли спелой земляникой, а волосы – жасмином. От этих ароматов у меня слегка закружилась голова. Мне захотелось продолжения, но тут Элен отстранилась и снова посмотрела в сторону водопада.

– Смотрите! Там, чуть правее главного потока, вверх. Видите? Там что-то голубеет!

Я всмотрелся. Действительно, на верхушке одной из скал правее водопада определенно находилось что-то голубое.

– Это они! Голубые эдельвейсы! Жаль, что мы не сможем к ним подойти, там сплошные скалы. – И бледное лицо Элен, только что светившееся от радости, в один миг погрустнело. – Пойдемте в отель. Водопад просто изумительный, но жалко, что нельзя подобраться к цветам.

Всю обратную дорогу она молчала. Вернувшись в гостиницу, мы распрощались, довольно сухо. Тот самый поцелуй возле водопада не получил никакого продолжения. Я недоумевал: сначала она чуть ли не бросается мне на шею, потом вдруг делается холодна. Странная женщина. И именно эта странность почему-то не давала мне покоя. Захотелось заключить Элен в объятия, целовать, гладить ее пышные темно-рыжие волосы. И тут я подумал, что если найти эти самые злополучные голубые эдельвейсы, то у меня будет достаточно удобный повод для визита к этой странной женщине. А может быть, мне как герою даже что-то будет причитаться за этот прекрасный трофей?

Я решил отправиться до рассвета, спуститься в ущелье, а затем подняться на ту самую скалу, где мы с Элен видели что-то голубое. Загрузил в свой браслет объемную карту местности, изучил маршрут. Путь предстоял тяжелый, но вполне преодолимый. Заодно представлялась возможность вспомнить свои навыки скалолаза, иногда очень полезные в моей работе.

Когда утром я выходил из «Уединения», было еще темно. В предрассветных сумерках идти по лесу оказалось чуть труднее, чем днем, но мощный фонарь у меня на поясе давал достаточно света, чтобы не сбиться с тропы. К ущелью я подошел в тот самый момент, когда оранжевое светило Скании начало подниматься из-за горизонта. Край неба окрасился в нежный желтый цвет, а потом появился ободок яркого золотого диска. Вершины окрестных гор порозовели. Эх! Какая тут благодать!

Я понаблюдал за тем, как светило полностью вышло из-за гор, а потом начал спуск. Идти оказалось легче, чем ожидалось. Видимо, для постояльцев гостиницы тут проложили безопасную тропу. Через реку, бегущую в самом низу, добрые люди перекинули удобный деревянный мостик. Теперь оставалось лишь подняться. Я нашел дорожку, идущую зигзагами по склону, и уверенно зашагал вверх. Когда начинал тяжело дышать – останавливался и отдыхал, любуюсь видами. И вот она, вершина той скалы. До нее рукой подать.

Последние шаги почему-то дались тяжело. Прислонившись к большому камню, я перевел дух и обвел взглядом вершину. Где же они, эти самые эдельвейсы? Перед моими глазами оказался кусок брезента, раскатанный на склоне и раскрашенный зелеными и голубыми пятнами, но никаких цветов не было и в помине. Внезапно я ощутил на своей спине чью-то тяжелую руку. Медленно обернулся и увидел перед собой полицейского в форменной одежде.

– Синьор Феррари? Микеле Феррари?

Тут меня прошиб холодный пот. Это имя я использовал, когда работал в полисе Бельмонте. И результаты этих трудов по совокупности тянули на стирание личности, никак не меньше. Я попытался успокоиться и ответил невозмутимым голосом:

– Вы ошиблись. Я Михель Шмидт.

– Значит, говорите, вы не Феррари? Ну, если мы проедем в ближайший полицейский участок полиса Бельмонте, то ДНК-тест сразу покажет, кто вы на самом деле.

– Простите, но ведь я же нахожусь на территории полиса Шёнебурга, а это не ваша юрисдикция.

– Увы, синьор Шмидт, или как вас там еще называть, тут вы ошибаетесь. В данный момент вы находитесь в Бельмонте, и я имею полное право пригласить вас в полицейский участок. Граница между полисами проходит по этому ущелью вниз. Тот склон – действительно, Шёнебург, а вот этот – уже Бельмонте. Так что прошу вас проследовать в мой флайер.

Я принялся лихорадочно осматриваться, пытаюсь найти возможность сбежать, но тщетно. Все подходы к вершине охраняли

крепкие ребята в форме. И как же я их не заметил, когда карабкался сюда? Видимо, сильно запыхался по дороге. Влекомый полицейским, я подошел к флайеру и вдруг увидел в салоне женщину с волосами цвета красного дерева.

Тут полицейский снова обратился ко мне:

– Кстати, позвольте представить вам Элен Росси, старшего инспектора по особо важным делам полиции Бельмонте.

Я посмотрел в ее бездонные глаза, и мне вдруг стало весело. Ай да Элен! Ай да молодец! Как здорово у нее получилось меня перехитрить! А в темных глазищах на бледном лице вдруг заплясали чертики...

ТАЙНА ГОРЫ ГРОУ

На краю речной долины стоит громадная гора. Ее искривленная пирамида поднимается над окрестными хребтами, как священный ясень над кучами других деревьев. Среди обитателей Ведстеда, Истхолма и Мидлгарда эта громадина пользуется недоброй славой. По легендам, когда-то в недрах горы Гроу обитали злобные и страшные гоблины. Эти чудища, не знавшие солнечного света, враждовали с гномами долины. Те, кто встречался в пещерах с гоблинами – пропадали навсегда. Историями про кровожадность подземных уродцев родители пугали расшалившихся детей.

Много лет тому назад, когда гномы решили было, что все сказки врут, и стали добывать золото под горой Гроу, в шахтах начало твориться неладное. То посреди забоев внезапно вспыхивало пламя, то вдруг самым загадочным образом пропадали свежеспробитые штошки. А потом каменное чрево Гроу начало громко реветь, как будто там внутри поселился какой-то кошмарный зверь. Старики заговорили о драконах, жутких тварях, водившихся в этих местах во времена Модсогнира, первого гнома. Почти все шахтеры покинули выработки под горой, решив, что это лишь начало, и дальше будет только хуже. Лишь горстка упрямец осталась в рудных штошках. И все они сгнули без следа. С тех пор мало кто из жителей долины отваживался приближаться к опасной горе, а тех, кто решался забраться в старые тоннели, и вовсе можно было пересчитать по пальцам одной руки.

* * *

В неясном свете чадающих факелов медленно оседала серая пыль. Кто-то из гномов громко чихнул, отчего тысячи мельчайших частиц снова поднялись вверх и закружились в веселом танце.

– Ну что, артель, как поступим? Что будем делать? Штрек завалило – к тоннелю не пройти. Мы можем оставаться в выработке и ждать, пока нас откапают. Но при этом рискуем задохнуться или помереть с голодухи. А можем попытаться пробить штольным наудачу. Вдруг выйдем на поверхность или хотя бы к старому тоннелю? – Альрик обвел всех строгим взглядом из-под присыпанных пылью бровей.

Барди сидел понурившись и грустно выколупывал каменное крошево из своей роскошной рыжей бороды. Его аквамариновые глаза помутнели. Вигмар, как заводной, ходил взад-вперед по штреку, отрешенно глядя себе под ноги, и периодически чихал во всю мощь своих легких. А Гудмар куда-то запропастился.

– Гудмар! Где ты? – сердито крикнул Альрик.

– Здесь я, – раздался недовольный голос из темноты. – Что стряслось?

– Я тут обсуждаю со всеми наше положение, предлагаю хорошенько подумать, а ты шляешься непонятно где, как всегда.

– Раньше нужно было думать! – язвительно заметил подошедший Гудмар. – Сначала поразмыслить как следует, а потом всех нас в этот штрек заводить. Если бы не твои рассказы про орихалк – мы бы здесь не оказались!

Альрик промолчал, не найдя возражений. Действительно, идея похода в заброшенные шахты целиком и полностью принадлежала ему. Именно он втайне от остальных обитателей Ведстеда собрал вольную артель молодых гномов-старателей, чтобы добыть орихалк. Из этого металла, как знали все в долине, когда-то были выкованы кольчуга и несокрушимый щит великого воителя Модсогнира. Но самородный орихалк ныне большая редкость. В их краях такого уже давно никто не видал. И вот как-то в корчме Альрик подслушал разговор стариков о былых временах. Одноглазый Руни, раскрасневшийся от выпитого эля, поведал своим собутыльникам о том, как однажды увидел орихалковую жилу в старой выработке под горой Гроу, но крепи в этом штреке были такими ветхими и ненадежными, что он не решился нанести ни одного удара киркой. Никто не поверил рассказу. Разве полезет гном в здравом уме в это нехорошее место? Да и был ли там орихалк? Может, одноглазому только померещилось? Но Альрик почему-то считал, что Руни одним своим глазом видит больше, чем многие – двумя. Юный гном долго и очень осторожно собирал сведения о тоннелях и выработках под горой Гроу и в конце концов разузнал все, что ему требовалось.

Альрик с детства умел повести за собой ребят, он был заводилой во всех играх и затеях похуже, за которые ему доставалось потом от его отца Дагейда. Юному авантюристу не составило труда

быстро собрать артель из приятелей. Рыжий Барди был его самым близким другом и без колебаний отправился бы за Альриком хоть на край света. Громила Вигмар из-за своей невероятной силы мог оказаться крайне полезным в старых разработках. А Гудмар считался самым лучшим рудознатцем из всей молодежи долины. Запаслись инструментом, подкопили провизию, не забыли и про факелы. И вот однажды вечером, когда солнце закатилось за окрестные горы и на небе начали появляться звезды, четверо гномов встретились в условленном месте. В летних сумерках быстро дошагали до реки и спустили на воду челнок, который Альрик одолжил у своего дяди Кетиля.

Плыть вниз по течению – одно удовольствие. Сидишь в лодке, любишься причудливыми отражениями вечернего леса, а река бережно несет тебя, слегка покачивая, как младенца в колыбели. С небес многозначительно подмигивают звезды, а за челноком расходится конусом легкий след на воде. Надо лишь изредка подруливать веслом, чтобы оставаться на глубине. Этим занимался Гудмар на корме. И вскоре перед ними выросла громада горы, темнеющая на фоне звездного неба. Вытащив челнок на берег, гномы вскинули на спину котомки, запалили факелы и двинулись к скалистому откосу. Цепочка из четырех фигурок растянулась по тропинке.

Нужный тоннель Альрик нашел сразу благодаря приметной ели с обломанной верхушкой. Рядом чернели отвалы пустой породы. Войдя в дыру и очутившись в галерее с жутким сквозняком, юный гном начал отсчитывать боковые ходы. Штрек, о котором говорил старый Руни, это второе ответвление главного тоннеля с правой стороны. Вот он. Воздух в заброшенной выработке был затхлым и сухим. Когда вся артель уже углубилась в этот ход, Гудмар внезапно остановился и осветил факелом потемневшие бревна обделки.

– Крепи тут ненадежные. Я удивляюсь, что они еще держатся. Могут обрушиться в любую минуту, гляньте!

Все посмотрели на трухлявые бревна, потом на Альрика, а тот попытался ободрить своих спутников:

– Так ведь столько лет простояли! Уж пару дней точно продержатся – а нам больше и не надо. Добудем орихалк – и скорее наружу.

Барди и Вигмар согласились, а Гудмар подчинился воле большинства, но после этого молча шел последним и внимательно смотрел по сторонам.

Осторожно ступая, артельщики углублялись в недра горы. Перед Альриком что-то блеснуло в свете факела.

– Стойте! Похоже, вот оно! – Гном показал на обнажение пород.

В неровном свете отчетливо виднелась блестящая темно-желтая жила, прочертившая стену и потолок штрека изломанной полосой. Подбежавший Барди радостно заулыбался, поглаживая свою пушистую бороду. Его глаза сияли, как азурит при ярком солнце. А здоровяк Вигмар, недолго думая, достал из котомки кирку и нанес пару ударов. Металл чиркал и отскакивал – жила не поддавалась. Тогда чуть разозлившийся Вигмар встал покрепче, размахнулся и долбанул со всей дури. Широкий конец инструмента вонзился в породу и застрял. Вырвать его не получалось даже у гнома-силача. Барди пришел на помощь приятелю. Они вместе схватились за кирку и резко дернули. Несколько больших сростков желтых кристаллов отделились от стены и рухнули вниз.

– Дайте посмотреть! – авторитетно заявил Гудмар и подошел поближе. Взял обломок и поднес его к своему факелу. – Кристаллы, металлический блеск, на гранях – полоски, параллельные ребрам. Не хочется вас расстраивать, друзья, но это не орихалк, а обыкновенный пирит.

– Ты уверен? – спросил Альрик.

– Клянусь щитом Модсогнира! И бородой Барди, – ехидно добавил Гудмар.

– А я слышал, что пирит бывает спутником орихалка! – с жаром произнес Вигмар.

– Ну так давайте посмотрим, – предложил Барди. – Может, где-то рядом с этой жилой и найдем?

– Сомнительно, – поморщился Гудмар.

Но никто его уже не слушал. Остальные участники артели принялись рассматривать пиритовую жилу. И вскоре Вигмар уже тыкал пальцем в участок потолка штрека, где, по его мнению, могла начинаться орихалковая залежь. Барди с Альриком взяли в руки свои тяжелые кирки и нанесли с десяток молодецких ударов. Сначала ничего не происходило, но потом порода на потолке с нарастающим низким гулом пришла в движение. Несколько гигантских глыб зашевелились, как живые, потом деревянные крепи упали, а сверху на них посыпались камни, камешки, валуны и щебенка. Пол штрека заходил ходуном. Воздушной волной гномов отшвырнуло в сторону, как пушинки, и вдавило в стены галереи. Только поэтому никого из них не завалило.

Когда грохот утих, а пыль немножечко осела, Альрик с трудом поднялся на ноги и огляделся. Не видно ни зги!

Из темноты раздался чей-то громовой чих.

– Тише ты! – прошипел Альрик. – А то совсем всё обвалится!

– Это не я, это оно само, – пробормотала темнота голосом Вигмара и снова чихнула.

Кто-то разжег огонь и запалил факел. Артельщики постепенно приходили в себя, отряхивали пыль и тихо обменивались впечатлениями. Вскоре стали понятны масштабы происшедшего. К счастью, никто из гномов не был ранен, но выход в тоннель оказался погребенным под огромным количеством обвалившейся породы. Альрик предложил сообща обсудить ситуацию, и вот тут-то Гудмар и высказал ему все, что о нем думал.

– И кого ты собираешься ждать на помощь? Ты же держал все в тайне, и никто в Ведстеде не знает, куда мы ушли!

Все притихли, а потом Барди грустно заметил:

– Мой дядя Ньёрд под этой горой пропал. Наверное, его тоже завалило. – Аквамариновые глаза бородача предательски заблестели.

Увидев, как упали духом его приятели, Гудмар сменил гнев на милость.

– Ладно, обождите пока. Мне кажется, что еще не все потеряно. По-моему, в этом штреке должно быть место, за которым скрыта пустота.

Гудмар прошел немного по темной галерее и осторожно постучал по камню черенком кайла. Звук оказался неожиданно звонким.

– А теперь послушайте здесь, – и Гудмар поколотил деревяшкой в другом месте. Там порода звучала совершенно глухо. – Чувствуете разницу?

Приунывшие гномы сразу повеселели. Альрик с Барди подсветили факелами в нужном месте, а Вигмар нанес несколько сильных коротких ударов. Каменная глыба пошла трещинами, а затем обвалилась куда-то наружу. Альрик сунул факел в образовавшееся отверстие и радостно воскликнул:

– Да там целая пещера!

Осторожно расширив дыру, гномы собрали свои котомки, инструмент и пролезли в подземный зал. Пещера оказалась огромной. Тусклый свет факелов не позволял увидеть ни каменных сводов, ни стен. Артельщики прошли немного наугад, а потом Гудмар забрался на кучу гранитных валунов и взглянул на пламя своего светильника.

– Тут есть тяга, причем хорошая. Значит, с той стороны может находиться тоннель. – Гном указал рукой направление.

Все послушно зашагали за ним и действительно, вскоре отыскали вход в галерею с подозрительно ровными полом, стенами и потолком. Этот ход выглядел так, как будто над его сооружением

трудилась артель каменщиков, а не рудокопов. Таких ровных галерей в шахтах просто не бывает!

– Может, это вход в чертоги Модсогнира? – нерешительно пробормотал Барди.

– Скорее уж, дыра в логово дракона, – невесело пошутил Гудмар.

Бородач от его слов поежился и попытался сделаться меньше.

Пройдя по загадочной галерее, гномы вскоре убедились, что факелы здесь не нужны: через равные промежутки в стены были вмонтированы светящиеся панели. Альрик, заинтересовавшись, потрогал одну из них.

– Теплая!

– Ух ты! – восхищенно воскликнул Гудмар. – Здорово! Мне бы такую, чтобы сама грела и светила! Наверное, это магия...

Вдруг в дальнем конце тоннеля показались какие-то неясные серые фигуры. Альрик тут же скомандовал:

– Все к стене! Замрите! Может, нас не заметят?

Но их уже увидели. Серые построились цепью, перегородив галерею, достали какие-то штуковины, направив их на гномов, и начали приближаться.

Первым отреагировал Барди.

– Бежим! Это гоблины! – крикнул он и бросился назад, к пещере.

Тут что-то промелькнуло в воздухе, и Барди рухнул на каменный пол, судорожно изгибаясь от боли. Вигмар, увидев это, сразу полез за киркой, заслонил собой бородача, встав в боевую стойку, а остальным крикнул:

– Бегите! Я их задержу.

Но вскоре упал сам, пораженный тем же неведомым оружием, что и Барди.

Альрик грустно посмотрел на Гудмара, тот кивнул, и они оба с поднятыми руками отошли от стены. Серые приблизились, и теперь их можно было хорошо рассмотреть. Крепкие плечистые фигуры, облаченные в комбинезоны мышинового цвета. Цвет кожи – какой-то землисто-серый. Больше всего впечатляли длинные уши и страшные, похожие на кошачьи, глаза. Вроде бы гоблины, но совсем не такие, как описывалось в сказках. Когтей на лапах нет, высоченные, двигаются легко и грациозно.

Один из серых что-то негромко сказал своим, и Альрику с Гудмаром связали руки за спиной и знаками предложили идти вперед по галерее. Двое гоблинов без видимых усилий вскинули на плечи Барди и Вигмара и направились следом. А тот, что шел впереди, разговаривал с браслетом на правой лапе. Пробубнил в него несколько фраз, а браслет прохрипел что-то в ответ. Альрика

аж передернуло: неужели это колдовство такое? Вот же втравил он друзей в переделку. Что же их ждет?

Галерея закончилась дверью. Ее створки вдруг разошлись, открыв небольшую комнату. Серый знаком предложил зайти туда. Как только гоблины и гномы переступили порог и встали спина к спине, створки сами собой сдвинулись, а комнатка внезапно начала куда-то проваливаться. Альрик в панике ухватился за стену, а Гудмар – за него. Серые же стояли, как влитые.

Вскоре комнатка остановилась, створки раздвинулись, и все вышли в новый коридор. Тут компания разделилась. Один из гоблинов завел Альрика в соседнее помещение и предложил сесть перед странного вида столом. Серый надел гному на голову дугу с двумя кругами на концах, так, что круги оказались на ушах, затем сам опустился в кресло по другую сторону стола и пристроил себе подобное же устройство. Альрик услышал легкий шорох, потом приятный голос внятно сказал на хейти:

– Здравствуй, почтенный гном. Меня зовут Тагавар. Можешь ли ты сообщить свое имя?

Альрик вздохнул, чуть помедлил и тоже внятно произнес:

– Я Альрик, сын Дагейда.

– Почтенный Альрик, сын Дагейда, расскажи, как ты оказался в секторе тридцать шесть – восемьдесят?

– Я не знаю, что такое сектор тридцать шесть – восемьдесят, но в том тоннеле, где вы нас схватили, мы с друзьями оказались случайно. Нас завалило в старом штреке и лишь чудом мы смогли пробиться в большую пещеру. А оттуда попали в галерею с волшебным светом.

– А могу ли я узнать, почтенный Альрик, сын Дагейда, что вам понадобилось в старом штреке? Насколько я знаю, гномы давно уже не заходят в эти выработки.

– А могу ли я не отвечать, уважаемый Тагавар? – в тон серому промолвил Альрик и вопросительно посмотрел на гоблина.

– Это ваше право, почтенный гном. Но имейте в виду, что когда наше руководство будет решать, как с вами поступить, то из-за неполных сведений оно может сделать неверные выводы и счесть ваше поведение подозрительным. А это вряд ли в ваших интересах.

Альрик подумал, что, наверное, попав в лапы к гоблинам, не стоит привередничать, поэтому все без утайки рассказал.

Тагавар с видимым интересом выслушал его и мягко произнес:

– Спасибо за откровенность. Могу ли я задать вам еще несколько вопросов?

Гоблин оказался очень внимательным и на редкость осведомленным собеседником. Альрик поражался тому, насколько

хорошо Тагавар знаком с жизнью в долине. Наконец, когда серый совсем было замучил гнома расспросами, он внезапно остановился и заметил:

– Наверное, вы уже устали. Сейчас вас отведут в комнаты, где вы с друзьями сможете выспаться и отдохнуть. Там же вы будете дожидаться решения Высшего Совета сегмента Ансуз. Наберитесь терпения. Если что понадобится – обращайтесь к персоналу. Они все говорят на хейти.

Когда гномы собрались вместе, они действительно валились с ног от усталости. Но артельщики еще обменялись впечатлениями о гоблинах и их вопросах, и лишь после этого разбрелись по кроватям.

Альрик проснулся, и ему захотелось пойти поболтать с Аудуном, младшим братишкой, рассказать ему о своем странном сне. И лишь поднявшись с постели, он вспомнил, что это не сон, что находится он не в родительском доме, а в таинственных галереях под горой Гроу, во владениях гоблинов. На соседних кроватях спали его приятели.

Альрик вышел в смежную комнату и обнаружил, что на блестящей металлической стойке в углу висят четыре чистых и отглаженных серых комбинезона, к каждому из которых приколоты бумажка с именем. За дверью по соседству находилось помещение с умывальником и ванной. Альрик сначала не понял, как пустить воду, но быстро догадался и вскоре уже экспериментировал, смешивая горячую и холодную в разных пропорциях.

Умывшись и переодевшись, он разбудил других артельщиков и уселся в мягкое кресло. Тут в комнату вошел высоченный гоблин в сером комбинезоне и предупредил на хейти, чтобы через четверть часа гномы были готовы к завтраку. Вигмар, узнав о трапезе, очень обрадовался, но Гудмар, чтобы его немножечко позлить, начал рассказывать, что обитатели подземелий обычно питаются плесенью, ядовитыми змеями и дохлыми ящерицами, отчего энтузиазма у здоровяка поубавилось.

Когда в назначенное время дверь открылась, и серый вкатил в комнату стол на колесах, силач-артельщик посмотрел на это диво с явным подозрением. Но тут гоблин поднял блестящую крышку, и на гномов пахнуло чем-то невероятно вкусным. На большой тарелке лежал ароматный свежеиспеченный хлеб, нарезанный аккуратными кусочками. В мисочках рядом с тарелкой располагались желтоватое сливочное масло и тоненькие ломтики сыра. А еще на столе стояли на специальных подставках четыре сковородки с дымящейся еще яичницей. Вигмар, увидев все это, открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

Гоблин, довольный произведенным эффектом, улыбнулся, отчего его кошачьи глаза стали не такими страшными, как обычно, и приветливо произнес:

– Ешьте на здоровье! – И вышел из комнаты.

– Ну что, артель! Хватит глазами хлопать – пора завтракать! Налетай, яичница остывает! – быстро проговорил Альрик и начал обильно намазывать маслом кусок хлеба...

Когда гномы до отвала наелись и расселись по креслам у стены, дверь открылась, и в комнату вошел некто в сером комбинезоне. Вошедший был совершенно не похож на гоблина: невысокий, но очень широкий в плечах. Круглое морщинистое, но очень живое лицо обрамляла аккуратно подстриженная рыжая борода. Новый гость артельщиков устался на Барди аквамариновыми глазами, неловко переминаясь с ноги на ногу, и тихо произнес:

– Ну, здравствуй, племянник. Вот, значит, и свиделись.

Барди заморгал, затеребил свою роскошную бороду, а потом неуверенно проговорил:

– Дядя Ньёрд? Это ты? А как же... – Он бросился обнимать своего вновь обретенного родственника. – Как же я рад, что ты живой! А мы-то думали, что тебя в забое завалило.

Гном в сером комбинезоне осторожно похлопал по плечу расчувствовавшегося бородача.

– Я тоже очень рад тебя видеть. Иногда очень хотелось плюнуть на все и рвануть к вам в Ведстед. Но, увы, нельзя. Я дал слово.

– Ты о чем, дядя?

– Сейчас расскажу. В тот год, когда гора Гроу начала реветь, как голодный дракон, я был на мели. Скади ушла от меня, сказав, что больше не желает жить с неудачником. Ну и сами посудите, зачем такой красавице ютиться в той халупе, которую я называл своим домом? Вы знаете Скади, дочь Харальда?

– Да. Она теперь жена ордфорера. Очень строгая женщина, Модсогнир в юбке! – не удержался от шуточки Гудмар.

Ньёрд вздохнул и продолжил:

– И вот, чтобы заработать хотя бы на ремонт дома, я не вылезал из забоя даже тогда, когда большинство гномов бежало оттуда. Потом в выработке начал сам по себе вспыхивать огонь. Но мы быстро заметили, что это странное пламя гасло еще до того, как успевало причинить вред хоть кому-нибудь, поэтому просто перестали обращать внимание на эти чудеса. Работа, работа и еще раз работа. Все остальное, тролли его побери, пусть катится к драконам! Мы, как проклятые, добывали золото, когда штрек завалило. И только после этого мне стало страшно. Проняло так, что начало колотить, как от самой лютой стужи. Не знаю, чем бы все тогда закончилось, если бы не одноглазый Руни. Откуда он

только уверенность черпал? Облазил весь штрек, собрал нас, горемык, поставил на ноги, привел в чувство, а потом показал, где долбить. И мы пробили выход в большую пещеру. Такую огромную, что в ней с десяток ратхусов поместится, да еще и место останется. Начали мы искать выход из этой пещеры – тут на нас гоблины и наткнулись. Вы заметили, что они совсем не такие, как о них в сказках говорится?

– Да, – кивнул Альрик. – Нам рассказывали, что это чудовища, которые детьми питаются. А я вижу, что жаркое из гномов – это последнее, что их заинтересует в этом мире. С их магией можно такие дела творить, что никому даже и не снилось!

– Это ты верно заметил, – согласился Ньёрд. – Но только не магия, а наука. Их ученые столько всего узнали о мире вокруг нас, сколько ни одному магу ни в одном магическом кристалле не увидеть! Если захотите, вы сможете все это увидеть и узнать.

– Что, нам расскажут все тайны гоблинов? – не поверил Гудмар.

– Не все, а только те, которые вы захотите усвоить. Но лишь с одним условием.

– Каким? – спросил Альрик.

Ньёрд помолчал немного и грустно сказал:

– После того как гоблины нашли нас в пещере и привели в этот сегмент, их Высший Совет решал, что делать с нами. И в конце концов постановил: кто хочет вернуться в долину – тому сотрут память о последних днях и отпустят; кто захочет остаться с гоблинами – тот сможет узнать множество тайн и загадок мира. Но цена этому знанию – добровольный отказ от возвращения на родину. Из нас пятерых тогда четверо захотели мудрости, и только Руни пожелал вернуться домой. Кстати, как там этот одноглазый поживает?

– Да вроде нормально, – осторожно ответил Альрик. – Любит в корчме поболтать за кружкой эля, да только никто ему обычно не верит. Большинство гномов считают его чудачком.

Ньёрд пронизательно поглядел на Альрика:

– Думаю, что ты к этому большинству не относишься, иначе сейчас со мной не разговаривал бы. Ну да ладно. Руни вернулся в Ведстед и все забыл, а мы четверо остались в мире гоблинов. Выучили их язык, узнали многое об этом мире и теперь такие же полноправные граждане сегмента Ансуз, как и местные. Я много думал о том, правильно ли поступил, но так и не пришел к какому-то однозначному суждению. Иногда мне казалось, что лучше бы я ушел вместе с Руни и жил в родной долине. Но что бы хорошего принесла мне такая жизнь, кроме, разумеется, общения с моими драгоценными родственниками? – Тут старый

гном виновато посмотрел на племянника. – Чаще всего я думаю, что здесь добился большего, чем в Ведстед. Меня уважают как замечательного геолога, мое мнение ценят, мой голос всегда услышан. Это важно для гнома. Гоблины даже доверили мне преподавать в университете сегмента Ансуз, что почетно само по себе. Я побывал в местах настолько отдаленных, что вы даже не слышали об их существовании, видел такое, что вы даже не можете вообразить. Но где-то в глубине души я до сих пор сомневаюсь в правильности своего выбора.

– Дядя, а разве гоблины не могут поделиться с нами своим могуществом? – спросил Барди. – Научить своей науке, дать свои магические, я хотел сказать, волшебные... тьфу, совсем запутался! Короче, чудесные вещи, которые помогают им жить.

Ньёрд грустно посмотрел на племянника.

– Увы! Высшие Советы всех гоблинских сегментов много раз обсуждали этот вопрос и пришли к мнению, что нельзя вмешиваться в развитие гномов или других малоразвитых народов нашей планеты. Ни к чему хорошему подобное вмешательство не приводит. Вы еще не готовы к таким знаниям и должны получить их сами. Иначе гномы просто исчезнут из этого мира.

– Но ведь вы же тут живете с гоблинами и смогли стать выдающимся геологом, и все вас уважают! – возразил Альрик. – Почему другие гномы не смогут повторить этот путь?

– Может, мы даже умнее, чем гоблины! – поддержал приятеля Гудмар.

– Может быть, мы и умнее, а может быть, и нет, – ответил Ньёрд. – Но дело вовсе не в этом. Мы, живя с ними, становимся такими же, растворяемся в их мире. Мы уже не совсем гномы, а, скорее, гоблины-малорослики. Но ведь такие, как я – это индивидуалисты со склонностью к авантюрам. А основная масса гномов, скорее всего, не смогла бы измениться, отказаться от привычного уклада. И они остались бы на обочине новой жизни, потеряв свой мир и не найдя ему замены. Высшие Советы гоблинов очень не хотят, чтобы по их вине гномы исчезли с этой планеты, потому и приняли такое решение.

Пожилой гном сделал паузу и обвел глазами артельщиков. Те сидели и молчали. Ньёрд встал и сказал неожиданно резко и торжественно:

– До конца светового цикла вы должны решить, что вам лучше: остаться в сегменте Ансуз либо вернуться в долину. Если вы выберете Ведстед, то забудете обо всех событиях прошедших двух дней. Предпочтя знания невежеству – навсегда отрежете себе путь к родным и близким. Я, магистр Ньёрд, огласил вам вердикт

Высшего Совета сегмента Ансуз. Думайте, решайте. – И гном в сером комбинезоне покинул комнату.

Артельщики подавленно молчали. Речь бывшего соотечественника заставила молодых гномов размышлять о том, о чем обычно думают не слишком-то хочется: о том, кто они, чего желают и чего пытаются добиться в этой жизни. Что им дороже: родной дом или развитие собственных талантов и способностей? Что лучше: остаться в привычном, таком уютном мирке, или раздвинуть его границы до невероятных масштабов, но при этом потерять что-то важное?

Барди жалобно посмотрел на Альрика.

– Ты что-нибудь уже решил?

– Да! Наверное... Хотя не знаю. Чем больше думаю, тем меньше понимаю, чего мне хочется. Я, вот, представил себя во главе отряда гоблинов с такими штуками, которыми они вас с Гудмаром заколдовали... или как это назвать? Ну, ты понял. С такой силой можно даже на драконов пойти, если они еще остались. А я бы хорошо справлялся, ты же знаешь, что у меня с руководством – полный порядок. А потом вспомнил про Аудуна... Я ему хотел к зиме новые санки сделать из березы, а на полозья костяные пластинки наклеить, чтобы скользили лучше. У дяди Кетили в сарае уже березовые стволы сохнут...

– Да что тут думать, – быстро проговорил Гудмар. – Надо оставаться у гоблинов и учиться всему, чему только сможем. А потом – мало ли что в жизни случается... Вы только представьте, сколько пользы мы сможем принести нашим в Ведстеде, Истхолме и Мидлгарде, если все эти знания с умом использовать. Понятно, что дуракам наука без надобности, но мы ведь не такие. Я бы все руды в долине разведать, шахты по гоблинской науке обустроил, да и потом, из руды можно и металлы выплавлять самим, а не сплавлять вниз по реке. Леса-то в округе много! А как здорово было бы открыть в Ведстеде университет! Нужно только набраться терпения, притвориться, что мы согласны никогда не покидать владения гоблинов, и учиться, учиться... А случай – он обязательно представится!

– Тебе хорошо – ты способный, все на лету схватываешь. А мне что тут ловить? – грустно произнес Вигмар. – Тяжести таскать? Так у них комнаты сами по тоннелям ездят!

– А вот ты мог бы пойти учиться на охранника. Которые галереи охраняют. Разобрался бы с той магией, что позволяет на расстоянии переговариваться, узнал бы, какие здесь порядки. А в нужный момент помог бы нам. Понимаешь, в чем? – Гудмар заговорщицки подмигнул.

Барди задумчиво потеребил рыжую бороду и уставился на Альрика синими глазищами.

– А мне ты мог бы что-то посоветовать?

– Извини, друг, но тут я помочь не смогу. Это твой выбор. Сделать его можешь только ты, иначе потом будешь всю оставшуюся жизнь меня обвинять. Так что решай сам. Можешь подумать хорошенько, а можешь бросить монетку.

Бородач достал из котомки тощий мешочек и выудил из него потертый серебряный пеннинг. Долго смотрел на монету, а потом положил ее обратно. Муки выбора так явственно читались на лице Барди, что Гудмар решил подбодрить приятеля.

– Выше нос, земляк! Ты же из нас самый красивый! Будь у меня такая борода, я бы ни секунды не сомневался! Все гоблинки были бы от меня без ума!

Но шутка повисла в воздухе. Никто из троих артельщиков даже не улыбнулся. Муки выбора терзали их разум, как коршун терзает пойманного цыпленка. Как же поступить? Что решить? Как будет лучше?

* * *

По берегу реки печально бродил молодой гном в запыленной одежде. Он никак не мог вспомнить, как здесь очутился. Ему казалось, что стоит чуть-чуть сосредоточиться, призадуматься, поймать за крылышко какую-то мысль, порхающую в голове, и все всплывет в памяти. Но ничего не получалось: из странного мельтешения перед внутренним взором совершенно не складывалась картинка.

Гном вздохнул и поднял голову. Перед глазами его поднималась, как священный ясеня над купами других деревьев, громадная гора. Ну кто бы подсказал, какого гоблина ему понадобилось шататься возле Гроу? Ведь все в долине знают, что места здесь нехорошие. Столько народу сгнуло в недрах этой горы! Гном посмотрел на склоны, кое-где поросшие лесом, на пирамидальную вершину, вокруг которой уютно пристроилось кудлатое облако, и на мгновение ему показалось, что сейчас он все вспомнит.

Но тщетно. Склеить сосуд памяти из черепков неясных образов так и не получилось.

Гном вздохнул, поежился на свежем ветерке, налетевшем от воды, и грустно зашагал вверх по течению.

Василиса Грунина ПОПУТЧИК

Ночь была темной. Вдоль дороги громко стрекотали кузнечики. Дул теплый ветер, пахнувший пылью, духотой и разнотравьем. Самый разгар лета.

Возле обочины остановилась машина – темно-красный «Логан» с помятым левым крылом. Скрипнула водительская дверь, и на пустынное шоссе вышла молодая женщина в потертых джинсах и футболке. Она с видимым удовольствием согнулась несколько раз, разминая мышцы. Видно, долго была за рулем.

Черная лента вилась среди полей, на которых изредка виднелись тоскливые призрачные постройки. Быть может, при свете дня они производили бы иное впечатление, но сейчас наводили на мысли о других слоях реальности, затерянных вне времени и пространства, заблудших душах и прочих невеселых материях.

Из салона автомобиля доносилась бодрая музыка, призванная не дать водителю уснуть. Фары били вперед, освещая асфальт желтоватыми лучами. И эти два фактора были единственными надежными островками уюта в целом мире. Поэтому женщина интуитивно прислонилась спиной к капоту, стремясь быть ближе к единственному доступному подобию безопасности.

Щелкнула зажигалка. Курить ночной путешественнице не хотелось, а вот немного отдохнуть от необходимости постоянно концентрироваться на дороге – очень даже. Поэтому она выпустила струю дыма и сделала такое движение, словно стряхивала пепел, которого пока не было.

Ни одного огонька. Ни фонаря, ни освещенного окна. Женщина задумчиво разглядывала массивный силуэт дома, стоявшего в сотне метров.

Она была не из робкого десятка. Привыкла прогонять любые страхи тем, что сразу же продумывала себе пути отступления в самой худшей ситуации. Однако сейчас было проще вернуться в машину и ехать дальше.

...Следующая остановка случилась на заправке. Здесь была совершенно другая атмосфера. Густые, как деготь, ужасы, навеянные фантазией, остались вне пяточка яркого электрического света. В коробке из стекла и, хотелось бы верить, не картона, находились две девушки и охранник. Они о чем-то говорили, улыбаясь и попеременно жестикулируя.

Майя уже решила, что хочет кофе. Да, сейчас она войдет туда и попросит чашку американо с чем-нибудь пожевать. А заодно

и удостоверится, что живые люди, помимо нее, по-прежнему населяют планету Земля.

Она уже была на полпути к прозрачной двери, залепленной аляповатым рекламным плакатом, когда боковым зрением заметила сидящего на парапете молодого парня. От неожиданности в груди у Майи словно взорвался шар с горячей водой. Достаточно нелепое сравнение – и все же так ей показалось.

Парень поднял голову и криво улыбнулся, глядя исподлобья.

Следуя наработанной привычке, женщина тут же принялась «сканировать» внешность незнакомца. Острые скулы, немного впалые щеки, большие зеленые глаза и длинные темные волосы. Совсем молодой. Одет в черное пальто. Это летом-то. Хрен знает где. Ну-ну. Готы еще существуют?

«Такого я, пожалуй, и сама завалю, если надо», – резюмировала про себя Майя и, кивнув ему в ответ, собиралась уже пройти мимо.

– У вас не будет огонька? – Голос у парня оказался на удивление глубоким и низким.

– Здесь нельзя курить. Заправка, – лаконично ответила она и для пущей убедительности обвела рукой пустую станцию.

– Я отойду.

– Ладно. – Женщина протянула незнакомцу зажигалку. – А я пока кофе куплю.

Она зашла в магазинчик. Здесь гудел не то генератор, не то еще какой скрытый от глаз агрегат, создавая непрерывный поток белого шума, разбавленного едва уловимой песней. В которой Майя чудом распознала «Mi Chico Latino». Пахло выпечкой.

Перекинувшись парой дежурных фраз с продавщицами, она расплатилась за напиток богов в картонном стакане и через минуту снова оказалась на улице.

Новый знакомый уже был тут. Словно и не отходил никуда. А может, зажигалка была только предложением?

Усмехнувшись, женщина подошла к художавому парню и протянула руку.

– Удачно?

– Вполне. – Он галантно склонил голову в знак благодарности. – Только не бойся.

– А я и не боюсь.

Ответ Майи был отчасти правдив. Что-то в собеседнике подкупало. Не перекинувшись с ним и десятком фраз, она уже ловила себя на мысли, что чувствует себя рядом вполне комфортно.

– Отлично. Меньше всего мне хотелось бы пугать свою благодетельницу.

– Благодетельницу? Ты из какого века явился к нам, сударь? – Она иронично улыбнулась. – И как тут очутился, если на то пошло?

– Я ехал с девушкой в сторону Москвы, но потом мы рассосрились, ты знаешь, как это бывает. – Он говорил спокойным, уверенным тоном, точно не о себе, а о персонаже из кино.

– И она выкинула тебя ночью на заправке? Хороша, нечего сказать. – Майя присвистнула.

– Нет, она выкинула меня на заправке вечером, но публика нынче осторожна с незнакомцами, особенно с теми, кто выглядит странно. – Парень выразительно провел рукой от плеча вниз.

– Могу представить.

Женщина еще колебалась, но уже понимала, что готова взять такого попутчика. Она и сама не раз попадала в нелепые переpleты, из которых выбиралась благодаря добрым людям. А парню наверняка гораздо сложнее было вызвать сочувствие к себе.

– Ладно, поехали. Довезу до ближайшей жедэ станции.

– Я же говорю: благодетельница! – Он лукаво улыбнулся и вслед за Майей пошел к машине.

Некоторое время они ехали молча. Попутчик смотрел в окно, словно мог разглядеть там хоть что-то, кроме непроглядной темноты. Майя иногда косилась на его аристократичный профиль, думая о том, что в благодарность парень мог бы и развлечь ее разговором.

– Здесь довольно неприветливые места, – точно услышав это, вдруг подал он голос.

– Да уж. Я километрах в двадцати перед заправкой останавливалась на дороге. Было жутковато. Хотя я и не склонна ко всякого рода мистическим бредням.

– Это там, где большой дом на поле? – спокойно уточнил собеседник.

– Как ты догадался? – изогнула бровь женщина.

– Это не простое место. Бермудский треугольник своего рода.

– Ого!

– Если бы ты не остановилась там, то не встретила бы меня. Точнее, если бы ты не прикоснулась мыслями ко мне, находясь именно там.

– Ну и шутки у вашего брата...

Майе стало неудобно. Меньше всего ей хотелось узнать, что она взяла ночью попутчика с протекающей крышей.

– Не бойся, я не болен, – улыбнулся он уголком рта.

– С чего ты взял, что я испугалась? – Вопрос прозвучал немного чересчур бодро.

– Почувствовал.

– И часто ты чувствуешь такие вещи?

– Всегда. – Попутчик спокойно пожал плечами.

– Хорошо. Допустим. – Она замялась, пытаясь сменить тему.
– Почему ты выглядишь именно так? Ты неформал?

– Сейчас моя внешность сложилась из многих факторов. Во-первых, ты готова увидеть меня таким. Во-вторых, такая внешность тебе приятна. В-третьих, она тебя не пугает. – Он потянулся. – Хотя не скрою, она и мне нравится.

– Что-то я совсем запуталась. – Сердце Майи билось все чаще, периодически заходясь вполне истеричным стуком.

– Все просто. Считай это случайностью. – Голос парня стал еще мягче: – Счастливой случайностью. Силы, недоступные твоему пониманию, заметили тебя, предложили тест, и ты его прошла. Теперь можешь заказывать приз.

– Ну-ка, сделай так, чтобы на дороге появился Санта-Клаус.
– Женщина стала незаметно сбрасывать скорость, готовясь посадить ненормального.

– В качестве демонстрации? Прошу! – Театральным жестом он указал вперед.

На этот раз Майя ударила по тормозам со всей силы. Хорошо, что АБС сработала на совесть.

Вдоль обочины, прямо по песку, неторопливо ехали сани, запряженные самыми настоящими оленями, а в санях восседал знакомый пожилой мужчина в красном, с окладистой бородой.

Машина остановилась.

Женщина опустила голову на руль и, зажмурившись, покачала головой.

– Снег! Пускай пойдет фиолетовый снег!

– Всё для тебя, дорогая, – раздался с соседнего кресла насмешливый голос.

Осторожно подняв глаза, она увидела, как с посветлевшего неба на землю в плавном танце опускаются крупные хлопья пронзительного цвета.

– Бред какой-то...

– Почему же бред? Чего ты хочешь? Ты же едешь на срочное интервью к этому смешному пузатому дядечке? Просто билетов на самолет не было. Хочешь, эта поездка прославит тебя как журналиста? Может быть, ты хочешь любви? – Он едва заметно улыбнулся и провел пальцами по ее волосам. – Или денег?

Из всей этой речи сильнее всего Майю ударило то, что незнакомец процитировал ее мысли: сама для себя она нарекла Потапова именно «смешным пузатым дядечкой». Постаравшись взять себя в руки, женщина повернулась к попутчику.

– А что взамен? Ты придешь по мою душу ровно через десять лет, как в том сериале?

– Фу, как пошло. Зачем мне твоя душа, скажи на милость? Я попрошу совсем немногого: изредка смотреть на жизнь твоими глазами. В наших краях бывает весьма скучно. Только подумай! Весь мир сейчас у твоих ног. – Он подмигнул и выжидательно склонил голову.

За секунду перед глазами у Майи, помимо ее собственной воли, пролетели невероятные картины. Вот она стоит на ковровой дорожке в дорогом платье... Вот здороваается с редактором «Таймс» за руку... Выходит из своего «Лексуса»... А что дальше? Если даже не думать об ужасающей перспективе присутствия этого пугающего... существа в своей жизни, то что дальше? Ничего не нужно добиваться. Все подано к столу на блюдечке с голубой каемочкой. Кушай на здоровье. И пустота...

Женщина отчаянно потрясла головой.

– Нет, ты уж прости меня, но... нет! У меня же есть возможность отказаться?

– О! Конечно, – в голосе парня слышалось легкое разочарование. Однако уже в следующую секунду он подмигнул, открывая защелку. – Попробовать стоило. Доброго пути, благодетельница.

Наступила тишина. Распахнутую дверцу качнул налетевший порыв ветра.

Майя сидела, не в силах заставить себя сделать хоть что-то. И прошло не меньше получаса, прежде чем трезвое, рациональное начало наконец победило. Пересилив оцепенение, она сделала несколько глубоких вдохов, мысленно приказала себе не дурить и, выйдя на пустынную дорогу, с облегчением убедилась, что никого поблизости нет.

Было все так же темно. Воздух пах духотой, пылью и разнотравьем. Самый разгар лета. И все же что-то изменилось в окружающем пейзаже. Только садясь обратно в машину, Майя поняла, что именно. У нее появилась уверенность, что теперь это самая обычная летняя ночь.

Николай Проценко
НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ

НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ
(Тайна Мироздания)

Нам не раскроет тайну Мироздание.
Куда стремится Времени река?
Сама ли, по чьему-либо желанию?
Зачем бегут секунды и века?

Нам не раскроет тайну Мироздание.
Кто запустил летящую стрелу?
На острие – слепящее сияние,
Вонзенное в безвременную мглу.

Нам не раскроет тайну Мироздание.
И сколько бы веков ни пронеслось,
И как ни возросли бы наши знания –
Мы не постигнем временную ось.

Нам не раскроет тайну Мироздание.
В Небытии исчезнет Человек –
Погибнем мы; погибнет всё Создание.
А Время? Остановит ли свой бег?

НЕПОЗНАВАЕМОСТЬ
(Постигнуть Бога я не смог)

Представил я машину Мироздания:
Туманностей рассеянную мглу,
Могучих звезд безмерное сияние,
Планеты, жмущиеся к звездному теплу...

Услышал гул подземного движения
И ощутил, как ластится река...
Почувствовал я бабочки волнение
В пьянящем запахе зовущего цветка...

Но главного не дал мне все же Бог:
Постигнуть Бога – я не смог.

INCOGNOSCIBILITY
(I couldn't comprehend the God)

I have imagined the machine of the Universe: the diffused haze of nebulas, the boundless radiance of mighty stars, the planets closing themselves to the heat of stars.

I heard the rumbling of the underground motion and sensed how the river was fondling... I felt the emotion of the butterfly in the intoxicating scent of the inviting flower...

But the God has not given to me the main: I couldn't comprehend the God.

НЕРЕАЛ**Сергей Белая
ТОВАР НА ЭКСПОРТ**

– Нельзя без конца поднимать налоги, ваше величество, – позволил себе выразить сомнение в действенности предложения Короля Маркграф. – Придет день, когда вашим подданным просто-напросто нечем будет их заплатить.

– Вздор! – отмахнулся Король. – Нам нужно очень сильно постараться, чтобы стать богаче народца. Затянут пояса и заплатят как миленькие. И не только старые!

– Ваше величество придумали новые обложения? – Маркграф приложил максимум усилий для того, чтобы подавить раздражение. Куда уж больше-то?

– А кто еще позаботится о наполнении казны? – Взгляд Короля был полон немного укора. – И за что мы вам только трактаменты назначаем и бенефиции раздаем?.. Чернь будет платить за пищеварительные газы из собственных кишечников – нечего воздух травить; за возможность лицезреть наш божественный лик – удовольствие стоит денег; за преждевременную смерть...

– Прошу простить мою недалекость, ваше величество, я не совсем понимаю, о чем идет речь...

– Мы ведь терям кормильца, когда умирает налогоплательщик.

Маркграфу только и оставалось согласиться с «железной» логикой Короля.

– Еще мы подготовили указ о предупреждении общественного нахлебничества, – продолжал Король. – Все граждане Телепени, вне зависимости от возраста, пола и вероисповедания обязаны участвовать в финансировании королевских расходов. Нам позарез нужны новые дворцы, конюшни, термальные купальни, куртизанки и породистые лошади... Мы одну мантию носим уже вторую неделю! Что о нас скажут другие государи? Нищерброд?

– Какой же вы нищерброд, ваше величество? Таких богачей еще поискать надобно.

– Есть и побогаче! – Признание сего факта чрезвычайно расстраивало Короля.

– Не сочтите мои слова за дерзость, ваше величество... Может, вашему величеству стоит быть немного скромнее?

– Еще больше? – Король фыркнул. – Мы и так во многом себе отказываем. У других и горшки ночные золотые, и звери с птица-

ми диковинные из тридесятого царства, и барки прогулочные, и персональные ковры-самолеты, и часы песочные с диамантами... Государь не может быть скромным. *Noblesse oblige*.

– Извините меня, ваше величество, я не совсем корректно выразился. Скромнее, а не скромным.

– Скромность, мой дорогой Маркграф, есть удел сырых и убогих. Государи обязаны жить на широкую ногу.

– К величайшему сожалению, подданные вашего величества больше не в состоянии обеспечивать вашему величеству прежний уровень жизни.

– Вот за что Господь наказал нас таким народцем? – Король тяжело вздохнул. – У других государей чернь как чернь: работает для своего Короля от зари до зари, без праздников и выходных, а наши ленивы, постоянно чем-то недовольны, всё о какой-то там свободе грезят... А ведь настоящая свобода заключается в услужении!.. Как думаешь, наше величество может рассчитывать на помощь Сюзерена?

– Не хочу расстраивать ваше Величество своим ответом, однако казна у Сюзерена вашего величества, к большому несчастью, не бездонна... К тому же у Сюзерена вашего величества и без Телепении хватает расходов.

– Войны – удовольствие дорогое, – кивнул Король.

– Совершенно верно, ваше величество. Позволю себе напомнить о многочисленных вассалах Сюзерена вашего величества, вассалах вассалов, вассалах вассалов вассалов... И все – с отменным аппетитом, все обременены родней... Пока казна Сюзерена вашего величества пополнялась за счет поступлений от продажи крапивы, он мог позволить себе содержать союзников, какими бы транжирами они ни были. Но после того как Заокеанье и Забугорье ввели против него санкции, о былом богатстве Сюзерена вашего величества остается лишь мечтать. Боюсь, что нам придется рассчитывать исключительно на собственные силы.

– ...! – выругался Король. – Но нам срочно нужны деньги!

– Королевство спасет лишь жесткая экономия, ваше величество.

– ...! ...! ...!

Король начал раздраженно мерить шагами Тронный зал. Продолжалось это не меньше четверти часа.

– Эврика! – наконец воскликнул он. – Мы – гений! Мы нашли выход: будем торговать чернью. Благо этого добра у нашего величества навалом.

Руслан Шагманов ВЕРШИНА МИРОЗДАНИЯ

Он взбирался на вершину мироздания, карабкаясь по кручам, преодолевая усталость, охватившую тело, преодолевая сон, сковывающий разум. Он не представлял, что откроется там, на вершине. Для того и поднимался, чтобы увидеть собственными глазами.

Много раз он слышал от других рассказы о мироустройстве, пока не загорелся желанием удостовериться самому. Желанием познать и осознать мир. Объять необъятное.

Он перестал ощущать время. Не знал, какое расстояние уже преодолено и сколько еще осталось. Всё в прошлом, нет будущего, лишь настоящее. Стремление ввысь.

Вечность. Вот что вставало перед ним.

И не было такого препятствия, которое бы он не преодолел. Голод, жажда – все нипочем. Он сметет все преграды на своем пути, подобно лавине, несущейся с гор. Станет молодым ростком, который, в стремлении выбраться на поверхность земли, пробивает гранит. Уподобится капле воды, что своим постоянством точит каменные скалы. Раскроет и познает все секреты и тайны мира, как только достигнет пика.

Он ощутил в себе необычайный подъем духа.

Вот оно! Близость вершины – цели его восхождения.

Он утроил свои усилия. Наконец-то его мечта осуществится!

Перед взором раскинулся целый свет. Его охватило изумление, дыхание перехватило от восторга. Жаль, что другие не могут этого увидеть!

Он поднялся во весь рост и набрал полную грудь воздуха, чтобы поприветствовать этот невероятно дивный новый мир.

Однако неожиданный порыв ветра снес его с площадки.

* * *

Иринке надоело наблюдать за тем, как по замшелому валуну настойчиво ползет муравьишка. Едва тот достиг самого верха, она щелчком сбросила букашку вниз, на землю, после чего поспешила присоединиться к игравшим ребятам. Их детский исследовательский зуд требовал взобраться на ближайший крутой холм, чтобы познать и осознать окружающий мир.

Максим Кирилук ПОСЛЕДНЯЯ МИНУТА

- Я, право, никак не могу понять: чего же им не хватает?
- О! По-моему, это самый нелегкий вопрос, которым только можно озадачиться. Столь простейший субъект Вашего внимания умеет все осложнять.
- Но почему?
- Действительно, почему?! Сложно определить истинный мотив существа, неудержимо пытающегося разрушить естественный порядок вещей.
- Боюсь, это больше чем сложно. Так же сложно, как принять в этой ситуации необходимое и правильное решение.
- Понимаю. Они многому научились, многого достигли.
- И не только! Я был уверен, что сумею избежать наихудшего в их будущем.
- И Вы избежали этого! Но, позвольте, разве дарованный им выбор не абсолютен?! Разве не Вы сделали его свободным от чьей-либо посторонней воли? И они воспользовались своим даром.
- Это так. И все же...
- Что я слышу! Тогда у меня еще один вопрос...

* * *

Сергей уже заканчивал копошиться возле своего старенького, ржавяющего, но еще исправно работающего «рафика», когда его настороженный с недавних пор слух уловил что-то похожее на крик.

Детский крик в семь утра?! Может, ему послышалось?

Сегодня он проснулся с отвратительным настроением, причиной которого был все тот же беспокойный сон. Проклятый сон! Вернее, кошмар. Ужас, бережно перенесенный из плоскости реально пережитого в сверхчувствительные уголки коварного подсознания. Вот уже седьмой год подряд с началом декабря и почти до Нового года, каждый вторник, измученный, болезненное, расстраивающее планы на весь день. Борьба с ним, как выяснилось спустя двенадцать месяцев после психотерапевтических манипуляций, было бесполезно. Не помогли и попытки не засыпать по декабрьским понедельникам, и те полупрозрачные сладковатые капсулы из ярко-красной упаковки, которую в начале прошлого года приобрела за немалые деньги заботливая жена. Ничто не могло справиться с навязчивым сновидением, вынудить его отступить. А значит, приходилось мириться

с тем, что неизбежно должно было явиться под утро очередного декабрьского вторника. Хотя именно это он достойно преодолел еще позавчера. Но сегодня... Сегодня был четверг, и ничто не должно было заставить Сергея просыпаться в холодном поту слишком рано. Тем не менее, сон посетил его именно в четверг, спустя всего два дня. А это непременно все меняло. Что-то было или должно было быть не так.

«Раз».

И это «что-то» потянуло весьма обозленного Сергея в полшестого утра в гараж. Здесь, в чисто мужской обители, он мог излить свою раздраженность на кусок родного еще его деду железа – благо, которое стерпело немало таких посещений за последние двадцать восемь лет. Сначала автомобилю пришлось вынести несколько глухих ударов ногой по приспущенным шинам. А затем... Слепую ярость очень быстро сменило закономерное желание механика в третьем поколении посмотреть все ли в порядке с движком. Ну, или еще с чем-нибудь.

По крайней мере, хоть чем-то его сон оказался полезен. Дряхлеющая на глазах машина давно нуждалась в профессиональной диагностике.

Единственное, что продолжало бесить Сергея даже за этим безобидным занятием – несправедливое принуждение заниматься «рафиком» именно в этот четверг, когда запланированы более важные вещи. Например, долгожданная встреча жены из длительной командировки. А еще традиционное для всей семьи еженедельное посещение городского кладбища. И места на нем, которое суть причина тех страшных снов. В том числе и сегодняшнего, который пугающе неожиданно совпал с символической для немногих понимающих годовщиной.

Что-то действительно было не так. Минуту назад, осторожно окунувшись в воспоминания семилетней давности, Сергей едва не придавил ногу осью переднего моста, неудачно убирая домкрат.

«Два».

Еще раньше, сразу после того как он открыл гараж, Сергей заметил, что, похоже, со вторника забыл вынуть из розетки перемотанный изоляцией силовой кабель электросварки.

«Три».

«Господи! А если бы замкнуло?!»

При этой мысли Сергей впервые за семь лет выругался матом, не ощутив после ни грамма былого облегчения, и выдернул злополучный шнур. И вот тут...

«Четыре».

Детский крик. Четвертая оказия в течение всего лишь одного несчастного, непривычно теплого зимнего утра.

Нет, ему не послышалось. Это был именно детский крик. А вскоре на пороге гаража появилось его восьмилетнее белокурое счастье.

– Папа! Папочка! – воскликнула девочка и поморщила носик, выказывая отвращение к витающему в воздухе запаху чего-то невыносимо едкого для ее нежного обоняния. – Папа! Там... там... Быстрее!

– Что?! – Сергей нервно вытер руки о бока рабочего комбинезона. – Что случилось, солнышко?

– Папочка! Быстрее же... – Девочка нетерпеливо пнула недоумевающего отца в чуть не пострадавшую ранее ногу. – Там... Пошли быстрее!

– Куда? Что случилось, малышка? – Сергей присел на корточки возле нее.

– Папа! – закричала явно взволнованная девочка. – Ты что, не понимаешь?! Там...

– Что там такое?! – Сергей схватил дочь за плечи и грозно посмотрел ей в глаза.

– Пусти меня! – Она ловко вывернулась из его грязных пальцев. – Да что с тобой?! Там телевизор... Понимаешь?.. Телевизор заговорил!

С этими словами девочка, словно ошпаренная, бросилась обратно и через пару секунд скрылась в дверях дома.

– Как это – «заговорил»?! – Сергей сделал неуверенный шаг вперед и, будто приваренный к полу, замер, напряженно дыша. – Какой телевизор?! Что за...

В этот раз он осекся. Хватит! Хватит на сегодня ругани.

«Не тот день, дружище, ты выбрал! Так что следи за словами!»

Но как это понимать? Что значит – «телевизор заговорил»? Не мог он заговорить!

Сергею вдруг вспомнилось название одной книги: «Детские фантазии – проблемы родителей». Ее написал известный детский психолог Мо... Или Ма... Да ну его! Все равно он сжег ее позавчера с кучей других ненужных вещей.

Странное воспоминание. И хорошо, что мгновенное.

Сергей отбросил ненужные мысли и последовал за дочерью, не закрыв дверь гаража. И за порогом на скором ходу задел все той же ногой бочку с дождевой водой. Зашипел от боли, и вместе с болью пришла очередная волна тревожных ощущений.

«Пять».

Знакомое «что-то не так» опять пронзило воспаленный рассудок. Его дочь последние три года никогда не просыпалась раньше девяти. С тех пор, как проклятая война стала слишком опасной для невинных маленьких посетителей городских островков

знаний, редкий родитель решался выпускать из дому своего ребенка. Во время уроков могло произойти все что угодно, поэтому бремя преподавателя приходилось нести всем исключительно в домашних условиях.

И еще. Еще... Что же еще? Пытаясь вспомнить то, что могло окончательно пригвоздить к сегодняшнему неожиданному и уже надоевшему «что-то не так» дополнение «точно», Сергей, прихрамывая, вбежал в гостиную.

– Господи! Неужели? – такими были его первые слова, услышанные стенами старенького дома в этот четверг. Его, измученного сном и обеспокоенного происходящим сейчас.

«Господи» – потому что ему внезапно стало очень страшно. Реально страшно от того, что полминуты назад заключалось в попытках вспомнить.

«Неужели» – потому что, черт возьми (да простит этот день!), этого не могло быть. Этого просто не могло быть!

Все еще прихрамывая, Сергей поднялся на второй этаж и ворвался в единственную комнату, где, по просьбе дочери, до сих пор оставался телевизор. Отсюда, из этой комнаты, даже в гостиную доносился странный голос диктора. Осознание, что этот голос раздается именно из телевизора, и перепугало Сергея там, внизу.

«Господи! Неужели?»

Эти слова эхом рассекли страдающий от смятения разум, когда Сергей увидел перед собой довольно четкое изображение на покрытом заметным слоем пыли экране. Хотя самому Сергею еще предстояло разобраться, чему он удивился больше: увиденному в комнате или же самой комнате. Дело было в том, что сюда он не заходил целых семь лет. Любимая когда-то комната превратилась в место, которого он старался избегать. А еще это было место, где, по просьбе их малышки, они с женой абсолютно ничего не изменили. Так же хаотически, в юношеской манере, расставленная мебель. Такое же своенравное расположение вещей. Облепленные постерами киногероев и популярных музыкантов стены и невысокий шкаф. Неумело заправленная постель и два мяча – баскетбольный и футбольный – под кроватью. Мишень для дартса на поцарапанной двери. Разбросанные под окном журналы, в которых наверняка есть непристойные изображения – это привлекательно для каждого подростка. Старенький бумбокс на табуретке и гора дисков под ней. Ну и, конечно же, цветной телевизор. Все здесь осталось так, как хотелось маленькому, тогда всего лишь полуторагодовалому ангелочку. Все ради нее, к невообразимому сожалению, единственной. Возможно, и не только для нее. Кого теперь обманывать? Для родителей тоже,

в какой-то степени. Возможно, для него даже чуточку больше. Все в этой комнате было так, как он запомнил в прошлый раз, семь лет назад, когда в полночь стоял посреди нее на дрожащих коленях, даже не пытаясь сдерживать тяжелые отцовские слезы.

Почему он так долго избегал этого места? Может, боялся? Страх способен вынудить каждого отказаться от любого действия. Или же это было чувство вины? Да, похоже, он чувствовал себя виновным. Поэтому и не смел заходить сюда, не имея ни малейшего представления, каким образом и перед кем все искупить. Испепеляющее чувство вины, приведшее полноценного мужчину в психиатрическую лечебницу сразу же после случившегося. Отравляющей душу вины за то, что проигнорировал семь лет назад первое в его жизни ощущение: «что-то не так»...

У него заболела голова.

По ту сторону экрана, на успокаивающем бледно-розовом фоне со знакомым и ненавистным многим оккупационным логотипом из полос и звезд, в кресле телеведущего неизвестной программы сидел кто-то. Головокружительные перемены его внешности могли свести с ума. Сергей не мог поверить своим глазам – на него будто смотрело фантастически многоликое существо. Казалось, тысячи самых разных лиц слились в один периодически размывающийся образ. Каждое лицо пыталось занять экран, дабы обращаться именно к тем, кто ожидал его увидеть. И только сейчас Сергей осознал, что из телевизора не раздается ни звука.

Вдруг очередной образ совсем молодого человека, юноши, четко зафиксировался на экране. От увиденного Сергей невольно сделал шаг назад и, наступив на какую-то игрушку, упал возле плачущей, перепуганной дочери. Она сидела на полу перед телевизором, обняв коленки дрожащими руками.

– Папа, ты ведь тоже видишь его?! – проговорила она едва слышно, не отрывая глаз от экрана. – Ты видишь его?

– Не может быть! – голос Сергея стал глухим, будто в горло запихнули вату. – Не может... Что же происходит?! А где звук? Я ведь слышал внизу... Почему я ничего не слышу сейчас?

– Это я его выключила...

Девочка придвинулась к нему и пристально посмотрела в его перепуганные глаза. В ее голосе ощущалась опасная для ребенка смесь страха и смутения. Еще миг, и она крепко обняла его. А отпустив, неожиданно прошептала, еле сдерживая истерику:

– Только ты не включай, не надо. Он говорит... он говорит страшные вещи, папа.

– Не плачь! Не плачь, маленькая моя! – Сергей крепко прижал к себе дочь.

Внезапно он вспомнил о своих мыслях там, в гостиной. Невольно его взгляд упал на розетку в стене. Под розеткой покрывался пылью вынутый из нее еще семь лет назад сетевой шнур. Телевизор был отключен от сети, но почему-то работал!

Сергей едва справился с паникой и, стараясь говорить спокойно, произнес:

– Доченька, принеси-ка мне мой телефон. Он на кухне. Мне нужно срочно позвонить твоей маме.

Как только девочка исчезла за дверью, он бросился к телевизору. Может, за тумбой, на которой он стоит, тоже есть розетка и шнур? Ведь дети частенько любят вводить в заблуждение родителей – и сам он делал подобное в таком возрасте. Правда, тогда был не телевизор, а надежно замаскированная плетеная лестница под внешним подоконником. А еще... Рука Сергея, к великому его удивлению, не нащупала за тумбой ничего, что могло бы все прояснить. Он растерянно посмотрел на лежащий на полу шнур. Телевизор действительно был отключен от электросети.

В следующую миг заныло в груди. Сергей медленно опустился на колени и, недоумевая, посмотрел на экран.

«Нет! Не может этого быть! Неужели это действительно он?»

Болезненные мысли вызвали не менее болезненные воспоминания. Семь лет. Много это или мало? Если говорить о цене потери, для него это время превратилось в вечность.

Все, как будто вчера. Поздний вечер, и в очередной раз разочаровала футбольная сборная. Так хочется поговорить с ним об этом! Однако он почему-то решил пойти спать. А еще голова занята желанием завтра посмотреть наконец-то дедовский «рафик» в гараже. И волна непонятной, странной тревоги с последним глотком пива. Такое незнакомое доселе «что-то не так». Но позвольте, что может случиться в эту ночь? А если это просто переживания от того, что во вторник, занятый своими делами, отказался поговорить с ним о его проблемах? Жена раздраженно качивает маленькую дочурку, просыпающуюся через каждый час после традиционной колыбельной. Да, что-то не так. Ведь всего в пяти метрах по коридору от бунтующей сестрички, правее от лестницы, угасает в муках родная, невинная, потерянная душа. Преступно молча, коварно, не оставляя ни единого шанса на спасение. Почему? Кто-то долго выкладывает сумбур коротких, но более-менее понятных уже после, фраз на промокший от слез лист бумаги. Кто-то записывается на камеру или на диктофон. Кто-то, но не он. Почему? За семь лет Сергей тысячи раз задавал себе этот вопрос.

«И вот, сегодня уже дважды».

Конечно, если не считать того самого первого «почему» именно в тот злополучный четверг. Тогда оно ярко описывало безобидное эгоистическое возмущение норовом полторагодовалой дочери на фоне горечи разочарования от долгожданного матча. Вот он, возмущенный и расстроенный, поднимается по ступенькам. Небольшая остановка – взгляд в сторону слегка приоткрытой двери в комнату сына. Неразборчивые слова жены из комнаты малышки. Детский плач оттуда же. Мысли о старом автомобиле. И отблеск стеклянных часов на стене напротив, показывающих ровно полночь. А еще мощный прилив очередного внутреннего «что-то не так». Возможно, ему стоит нарушить их договор и войти даже без стука? И он делает это с чувством вины и стыда. Входит в темную комнату сына и нащупывает выключатель где-то слева от себя...

Шаги позади него прервали самое тяжелое, что могла воспроизвести память в этот день.

– Папа! – Девочка стояла на пороге, протягивая к отцу обе ладони. – Что это? Что они показывают?

Забрав у нее телефон, Сергей посмотрел на другую ладонь дочери. Там светилось табло небольших электронных часов.

Сорок пять, сорок четыре, сорок три...

Сергей медленно взял их и с жалостью посмотрел на ребенка.

Тридцать девять, тридцать восемь, тридцать семь...

Он набрал номер жены и включил звук на телевизоре. Господи, сколько еще людей сегодня видят и слышат, чувствуют и понимают то же, что и они?

Двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь...

– Таким образом, в эту последнюю для каждого минуту мне хотелось бы обратить ваши сердца и мысли к Творцу. Вы сделали свой выбор и предали не только Его. Вы обрекли своим предательством свое же будущее. Впрочем...

Дальше Сергей ничего не слышал. Впервые за семь лет в этой комнате снова прозвучал тот самый не забытый ее стенами уверенный и немного ироничный юношеский голос.

– Алло! Алло?! – встревоженно говорила в трубке жена.

Девять, восемь, семь...

– Мы сами во всем виноваты, – хрипло сказал Сергей и крепко обнял перепуганную дочь.

Шесть, пять, четыре...

* * *

– Как Вы считаете, каковы шансы в очередной раз доказать прямо противоположное безнадежно глухим и слепым существам?

– Не знаю. На этот вопрос Я не найду ответа. Лучше объясни Мне, почему Я делаю это вновь и вновь?

– Может, привычка.

– Нет-нет! Не то. Это что-то другое.

– Любовь?

Три...

– Не только. Хотя важно, очень важно.

– Надежда?

Два...

– Ты близок к истине, ибо Я искренне и глубоко наивен.

– Тогда, возможно, это вера?

ОДИН.

* * *

– Да! Да. Вера... У Меня просто нет другого выбора.

Гайсин, 2013

Елена Шмидт
СЮЖЕТНЫЙ ПРОДАВЕЦ

Сидеть было очень удобно, но я все равно испытывала дискомфорт, пытаюсь натянуть майку как можно ниже. Она хоть и длинная, но не настолько, чтобы прикрыть тощие коленки.

Диалог не клеился. Собеседнику явно не удавалось меня заинтересовать.

– Поймите, все великие фантасты вашего времени время от времени проводили некоторое время... м-м-м... как бы за краем...

– Тавтология, – невежливо перебила я.

– Что, простите?

– Неважно. Так что же вы хотите мне предложить, если отбросить все эти разглагольствования о времени?

– Все миры! Любое измерение! Стоит лишь начать и... Вы даже не представляете масштабов этого проекта. Азимов, Брэдбери, Беляев, Ефремов – список можно продолжать бесконечно. Вы же теперь понимаете, откуда они черпали вдохновение? В свое время даже Уэллс не удержался.

– Все это очень хорошо и мне очень даже импонирует, но одного я так и не поняла. Вам-то с этого что?

– Ну... – Мой собеседник беспокойно заерзал в кресле. – Это такая малость по сравнению с уймой сюжетов, которые будут рождаться у вас в голове.

– И все же?

– Понимаете... Мы начали с того, что раздавали сюжеты безвозмездно. И поначалу появилось много талантливых авторов. А потом хлынул поток такой откровенной халтуры, что мы вынуждены были принять меры. Плата минимальная – секунда-другая вашего сна. Вы даже не почувствуете никакой потери.

– А сейчас-то что? Сюжеты кончились или авторы вас не устраивают?

– Ну что вы, у меня очень солидная клиентура, но... – Молодой человек замялся. – Последнее время сохраняется тенденция расторжения контрактов. После трех успешных произведений даже автор «Дозоров» ушел... А у меня план!

– Печально. Значит, и у вас кризис.

– Увы.

– Ну хорошо. – Мне стало искренне жаль бедолагу, не выполняющего план. – Давайте свои буклеты – обещаю подумать. Честно.

– В течение суток жду вашего решения. Надеюсь, что оно будет положительное. Вы не пожалеете потраченного времени.

Я в очередной раз поправила маечку и бочком вышла на свежий воздух. Все-таки не очень удобно вести деловые переговоры в одной лишь верхней части пижамы. Брючки так и остались сиротливо лежать в коридоре на пуфике.

Лето выдалось невыносимо жаркое, и я по возможности избавлялась от лишней одежды, когда дома никого не было. Однако стоило в таком виде выйти на балкон, чтобы вывесить стирку, как меня сразу же пригласили пройти. Ну, дальше вы уже знаете.

Нелепо было называть сложное инженерно-техническое сооружение тарелкой, но человеческий разум всегда ищет стереотипы. Посудина резко взяла вверх и в мгновение ока превратилась в яркую точку на темнеющем небосклоне. Я помахала вслед рукой.

На следующий день Интернет заполонили сообщения о том, что вечером на горизонте появилась неизвестная яркая звезда. Как и обещала, я изучила рекламку, а потом улыбнулась и села писать очередной рассказ. Сама. Свой собственный. Правда-правда. Пусть там кто-нибудь другой шагает за край и своим временем расплачивается, пусть даже и во сне. Не знаю как вы, а я поспать люблю. И пусть только кто попробует помешать. А продавцы, они и на краю галактики продавцы. Лишь бы всучить вам какую-нибудь гадость.

Вадим Вербицкий
МАРДУК

В 2015 году, в канун Нового года, я ступил на борт парохода типа река-море с названием, упоминание которого всегда вызывало у меня самые мрачные ассоциации. Уже на следующий день я, переполненный волнением и неуверенностью в своих способностях, приступил к обязанностям палубного матроса. Это был мой первый рейс и, как оказалось, последний. Никогда ранее мне не доводилось иметь дело с морской стихией, и меня не прельщала перспектива оставлять свою семью на полгода, а тем более драить палубу и отбивать ржавчину на другом конце света под крики поддатого боцмана. Причины, заставившие меня резко поменять свое мнение на этот счет, я описывать не стану, могу лишь сказать, что принял такое решение по собственной воле и отнюдь не из любопытства перед полной приключений жизнью морского волка. Подобный стереотип вообще никогда не представлял для меня никакого интереса. Поэтому во время рейса я был далек от того оживленного настроения, что присуще настоящим морякам. Меня неотступно преследовала тоска по дому, и, несмотря на присутствие рядом сотоварищей и занятость работой, я постоянно мучился от чувства одиночества. Жизнь моя на судне текла весьма однообразно и серо, пока однажды на мою долю не выпало стать свидетелем событий, которые я и по сей день вспоминаю с содроганием.

Время моей вахты было неизменным: с четырех часов до восьми и с шестнадцати до двадцати. 24 февраля наше судно зашло в турецкий порт Самсун на выгрузку угля. Я заступил на вахту у трапа вечером, придя за десять минут до положенного времени. Матрос, отдежуривший свои часы, был рад моему преждевременному появлению и удалился на долгожданный покой.

Оставаясь наедине с самим собой, я имел обыкновение глядеть в мутные сиреневые дали, где линия моря на горизонте расплывалась при соприкосновении с чернотой ночного неба. Вот и теперь, закутавшись в бушлат, я смотрел вдаль и вслушивался в мерные удары волн о борт парохода. Солнце уже исчезло из виду, и размытые закатные краски постепенно тускнели. Как только тени от надстройки, рогатого нагромождения громоотводов и грот-мачты слились с уплотняющимися сумерками, я, согласно инструкциям вахтенного, отправился к баку, чтобы включить освещение на фок-мачте и заодно проверить швартовые концы. Огромные валы угля по левому борту, окантованные желтизной

фонарей, создавали впечатляющий пейзаж. Они напоминали горные гряды, протянувшиеся от оконечности причала – где его тупой, усеянный кранцами торец обрывался в море – вглубь дымчатого зыбкого пространства, каким представлялась территория порта.

Пройдя левым бортом, я поднялся по давно некрашенному трапу на палубу бака, щелкнул рубильником на мачте и принялся пинать толстые капроновые концы, протянувшиеся к кнехтам на причале, – таким образом определяя степень их натяжения. Как правило, обратно на пост я возвращался другим бортом – за время рейса у меня появился целый ряд подобных привычек. Полагаю, их причина крылась в блеклом и скучном однообразии примитивной, но не легкой жизни обыкновенного матроса в рейсе. Хотя это лишь мое мнение – многие моряки не согласятся с подобной характеристикой, поскольку им удастся, помимо работы, находить массу увеселений и даже пристрастий.

Спускаясь по трапу, уже по правому борту, я закурил сигарету и неторопливо зашагал по наклонному настилу палубы, погруженный во мрак – угловатая громада возвышающихся надо мной трюмов мешала проникать сюда свету фонарей надстройки и бака.

Мне не следовало оставлять пост у трапа на длительное время, но картина, проступающая на фоне далекого – сплетающего воедино море и беззвездный, окутанный клочковатыми облаками небосвод, – полотна, принимала с поражающей быстротой очень странные и пугающие очертания. Я был не в силах оторвать глаз и попросту остолбенел, тщетно стараясь угадать, что за колоссальное стихийное явление буйствует над открытым морем. Далекий ночной морок с западной стороны, где еще недавно ухнуло за горизонт солнце, густел самыми мрачными тонами и переливался всполохами молний. Море, еще минуту назад пребывавшее в состоянии полного затишья, заметно заволновалось. Нарастающие валы перекатывались под борт парохода и на своих гребнях доносили зычные отголоски далекого грома. Меня охватило давно позабытое чувство, оно словно ожило после многолетнего сна в глубинах моего огрубевшего с возрастом сознания – тревога, и не просто тревога, а именно та самая, потерянная в годах взросления, детская, будоражащая воображение.

Затрудняюсь четко описать виденное мной в ту ночь, ибо масштаб происходящего был вселенски велик, и то ли возникающие гротескные формы были материализующимися фантомами, которые в один момент обретали неясные, едва различимые в темнеющей поволоке очертания, а в следующий исчезали за скоплением грозových туч, то ли я время от времени, под влиянием ужасающего зрелища буйствующей, надвигающейся из

чрева ночной мглы стихии, впадал в дикое помрачение рассудка – утверждать не берусь. Одно могу сказать с определенной ясностью: нечто, возникшее на фоне содрогающегося небосклона, ковыляло на двух ногах, разгоняя своей космически тяжелой громадиной облачные массы, закручивая их вязкие переменчивые формы в дьявольски прекрасные вихри, багровоющие в отблесках неистовавших молний. Чудовищный мираж или игра стихийных сил природы, или что-то еще – но это было самое шокирующее лицедейство, какое мне только доводилось узреть за всю жизнь. Паника еще не добралась до моего потрясенного ума, но обдавшая меня волна неопишуемого ужаса подкосила мои ноги и лишила способности двигаться. Я упал на колени, вжался в фальшборт и, поглощенный страшным зрелищем, во всей полноте ощутил собственную беспомощность перед лицом столь могущественного явления. Я пока называл это нечто явлением, а не существом, я все еще взывал к собственному здравому рассудку, несмотря на дикие сногшибательные догадки, уже неумолимо вползающие мне в голову.

Сопровождаемый нескончаемыми всполохами молний, неведомый в этом мире никому – разве что редким безумцам, дерзнувшим соприкоснуться с запретными тайнами иного, демонического мира – непрошенный гость из каких-то чуждых нам областей вселенной был непомерно велик и нес с собой, вне всяких сомнений, катастрофические последствия для нашей планеты. Не может явление подобной твари не вылиться в катаклизмы! Из какой только бездны вырвалось это нечто, чьи размеры смешно было назвать исполинскими, – они выходили за рамки всех известных человечеству мифических канонов. Я благодарил Бога за то, что Он милосердно скрыл голову чудовища непроглядным мраком ночи, а беспрестанно стягивавшаяся вокруг фигуры монстра облачная пелена не позволила мне окончателю потерять рассудок. Существо, несомненно, превосходящее по высоте любой горный пик, медлительными движениями своих необъятных столбовидных нижних конечностей взрезало море, вздымая громадные волны. Хорошо, что мы еще не успели разгрузить трюмы, иначе нас бы здорово потрянуло массаи набегающих валов, и пароход неминуемо смял бы левый борт о железобетонную конструкцию причала. Отдаленные раскаты грома разливались над беспокойной поверхностью моря, и временами мне чудилось, что в них вплетается прерывистый рев или, скорее, клочотание. Эти звуки казались мне знакомыми, но я никак не мог увязать их ни с одним из известных мне представителей фауны. Затем я почувствовал отвратительный запах. Смерд, несомый ветром с моря, был нестерпимым и вызывал у меня тошноту – воняло смесью

серы и гниющих водорослей. Обычно подобные запахи можно почувствовать на пляжах в знойные летние дни, но все дело тут в степени насыщенности: эта вонь была поистине убийственной. Я зажал нос и едва сдерживал рвотные позывы.

По-прежнему находясь в плену страха, я не находил сил стряхнуть с себя его холодные оковы и не отваживался поднять голову над фальшбортом. Мне не удавалось отделаться от безумной мысли о том, что дьявольское исчадие, пронзающее своим бочкообразным туловом необозримые высоты небес, могло наблюдать за мной из своих заоблачных далей. Картину беснующихся адских сил я видел сквозь овальный клюз. Не имею ни малейшего понятия, сколько времени я просидел вот так, целясь взором в бурлящий на много миль к востоку кошмар, выступающий из зыбкой мглы гротескными формами грузно бредущего чудовища; ноги его, как две циклопические колонны, толкали перед собой водные массы – демон удалялся вглубь бушующего в ночи ненастья. Облака, обволакивающие его мерцающую в огне молний нечеткую фигуру – точнее, только ее фрагменты, так как большая часть тела чудовища укрывалась в недостижимых высотах неба, – оставаясь позади, стягивались и образовывали некую фантазмагоричную бороздчатую пелену. В следующее мгновение эта пелена превратилась в гигантскую воронку смерча и стала буравить поверхность моря, все разрастаясь и разрастаясь. Чудище удалялось, постепенно теряясь в черноте. Потом грянул страшной мощи гром; даже обшивка парохода ощутимо содрогнулась, и стекла иллюминаторов задребезжали. Вмиг хлынул дождь невиданной силы, словно возмущенные небеса разверзлись в намерении скрыть нечто неестественное и кощунственное по отношению к природе этой планеты, нечто, чье мерзостное появление оскорбило естественный ход вещей и было результатом ошибки сил высшего порядка мироздания.

Выйдя из своего смехотворного убежища и высвободясь наконец из-под влияния морока обрушившегося на меня кошмара, я вернулся на пост у трапа и уселся на бочку. Из каких-то темных глубин моего помраченного ума стали показываться жуткие уродливые лица пугающих пророчеств. Они шептали мне о неминуемости приближающегося конца света, и мне не оставалось ничего больше, как трепетно внимать их kloкочущим демоническим голосам, доводящим меня до крайнего исступления. Я томился в ожидании, когда мое сознание наконец захлестнет волна спасительного обморока, в пустоту которого канут и эти мучительные мысли, и все гротескные дьявольские образы и очертания, с такой силой врезавшиеся в мою память.

Состояние, в котором меня застал мой сменщик, вызвало у него лишь насмешки. Я решил удержаться мучающие меня свидетельства при себе. Не проронив ни слова, я отрешенно добрал до своей каюты и, заперевшись, улегся на скрипучую койку. Благодарное, упоительное забытие поглотило мой рассудок.

Утром, оказавшись в обычной рабочей обстановке, среди веселых, беспечных, питающих свои скромные надежды моряков, я понял, что являюсь единственным, кому открылась ужасная тайна. И даже обнаруженное на рассвете, между насыпями угля, тело мертвого охранника, который, по словам портового агента, по предварительным данным, скончался от сердечного приступа, не смогло омрачить царящего в экипаже бодрого настроения.

Через несколько дней после пережитого мной кошмара я нес вахту на мостике и случайно услышал разговор капитана со вторым помощником.

Оказывается, в сорока морских милях от береговой линии Самсуна, в порту которого ожидало разгрузки наше судно, в самое жерло внезапно разразившегося шторма угодили сразу два турецких парохода. После нескольких странных, исполненных ужаса слов, брошенных в эфир, оба судна бесследно исчезли с радаров береговой службы. Те, кому поручили расследовать этот трагический случай, имевший место в открытых водах Черного моря 24 февраля 2016 года, после прослушивания записей радиопереговоров капитанов пропавших судов остались в глубоком недоумении.

Оба капитана, отчаянно перекрикивая друг друга, повторяли одно и то же наводящее суеверный страх слово:

«Мардук!»

«Мардук!»

«Мардук!»

Примечание автора: Мардук – главный бог города Вавилона. На самом деле архидемон, почитаемый как божество высшей иерархии.

Андрей Зорин
ПОРОГ

Я поставил полные холодной родниковой воды ведра. Эх, денек-то какой!

– Хозяюшка! – окликнул я Юльку. – Принимай водицу!

Хозяюшка с довольной улыбкой взяла ведро и направилась в свою «святая святых», на кухню. С тех пор, как она появилась здесь, мы с Дедом ни разу туда не заходили. Юлька забирала у нас продукты и молча шла на кухню. Зато потом... Я даже не знал, что из обычной птицы и нескольких видов трав, в изобилии растущих в округе, можно приготовить такую вкуснотищу!!!

Пока Юлька колдовала там, я решил сходить к Деду. Он сидел на своем излюбленном пригорке неподалеку от Ворот.

– Все смотришь? Все хочешь понять? – спросил я, садясь рядом.

Эти традиционные вопросы были вместо приветствия, и Дед на них никогда не отвечал. Он вообще предпочитал молчать, а если и говорил, то лишь короткими фразами по существу. Так и сейчас – он без слов протянул мне трубку, набитую ароматным табаком. Где он брал табак, для меня было загадкой – в свои походы он меня никогда не звал, а Юлька и не просилась.

Я затаился старой невероятно вкусной трубкой и посмотрел на Ворота.

– Слушай, Дед, а неужели тебе хочется, чтоб они снова открылись? Разве мы плохо живем втроем? В следующем году пшеница взойдет, хлеб нам Юлька спечет, объединение... А, Дед? Может, и не надо, чтоб они еще раз открывались? Так нам спокойнее.

– Вот ты меня все Дедом называешь, а сам, как старик, всего боишься. – Дед перевел взгляд с меня на Ворота. – Ты помнишь, как Юлька к нам пришла? Руки в крови, почти до костей порезаны, взгляд мычащий, всего боится. Я думал – все, постоит в Воротах и пойдет назад, со многими так бывало. Ан нет, огляделась, нас с тобой увидела и осталась.

Тирада была непривычно длинной для Деда. Он посидел еще пару минут и пошел к дому. Взял топор и принялся колоть дрова для Юлькиной кухни.

А я остался у Ворот.

Не знаю почему, но не люблю я на них долго смотреть. Вероятно, насмотрелся, когда был еще здесь один. Сидел часами, смотрел и молчал. Все думал о чем-то. И однажды Ворота открылись, и появился Дед. Растерянный, мокрый, кашляющий, выплевыва-

ющий воду. И я перестал думать, я стал помогать ему прийти в себя. Постепенно мысли о месте, куда я попал, да и о себе тоже меня оставили, я нашел себя в помощи Деду, а потом мы вместе выхаживали Юльку... Девочке-самоубийце было хуже, чем мне или Деду. Все-таки мы здоровые взрослые мужики: один погиб на войне, второй провалился под лед – мы умерли быстро, даже не осознав этого. А Юлька... Юлька шла на смерть сознательно и успела провести время с другой стороны Ворот. Она видела то, что не удалось увидеть ни мне, ни Деду. Возможно, поэтому она никогда и не выходила за пределы дома.

Неожиданно я почувствовал запах раскаленного железа и горящей резины. Этот запах не мог принадлежать нашему миру, так может пахнуть только Тот Мир... Я огляделся, но ничего похожего на дым или пламя не было.

Почему-то я понял, что сейчас произойдет.

Ворота открылись.

За Воротами горела машина. Это была красная спортивная иномарка, я таких не видел раньше. Капот был смят, из-под него вырывалось пламя, откуда-то сзади неслись клубы черного дыма. Внутри, уткнувшись головой в руль, сидела женщина. Я хотел кинуться к ней и вытащить из машины, но вовремя вспомнил, что больше никогда не смогу пересечь Черту. Женщина открыла глаза, медленно, словно сомнамбула, вылезла из груды горячего смятого металла и вошла в Ворота.

– У вас есть телефон? – спросила она. – Мне надо позвонить мужу... Этот проклятый грузовик... он... мне... я... – Постепенно до нее начало доходить, что она находится далеко от того места, где была всего несколько секунд назад. – Где это я? В меня врезался грузовик и... Может, у меня что-то с головой? – Женщина озиралась и щурилась, пытаясь увидеть шоссе, на котором она попала в аварию. – Где я? Кто вы?! – перешла она на крик и подбежала ко мне.

Ворота закрылись, отрезав от нас горящую машину и все, что было по ту сторону.

– Откройте!!! Сейчас же!!! – Женщина бросилась к Воротам и начала их трясти, тщетно пытаясь открыть. – Ты не представляешь, кто я! Кто у меня муж! Да он из тебя отбивную сделает! – Она металась между мной и Воротами, стуча кулачками то по мне, то по ним.

– Я не могу их открыть. И никто не может. – Я не знал, как ей сказать, как объяснить, ведь прежние почему-то сразу понимали всё сами. – Эти Ворота только в одну сторону. Ты не можешь отсюда уйти.

Она посмотрела на меня, как на идиота, и побежала к лесу. Я снова сел на пригорок и стал ждать. Я знал, что будет дальше, и больше мне ничего не оставалось – только ждать.

– Юлька знает, что Ворота открывались, – сообщил незаметно подошедший Дед. – Не спрашивай, откуда, но знает. Она на ужин зовет. Спрашивает, четвертую порцию готовить или как?

– Не знаю, Дед, первый раз такое... Пришла женщина, только не верит в то, что с ней случилось. И мира у нее в душе тоже нет. Ужинайте вдвоем, а я здесь посижу. Ты мне табачку только отсыпь и иди.

Трубка практически кончилась, когда женщина вышла из леса. Она тихо подошла ко мне, села рядом и протянула руку к трубке.

– А сигарет нормальных у тебя нет? А то я трубки как-то не очень...

– Сигарет здесь не бывает. Хочешь – кури трубку, хочешь – бросай курить, для здоровья, говорят, полезно.

– Здоровье... – задумчиво протянула она и без перехода спросила: – Слушай, а может, я сплужу? Я по этому лесу бегала полдня. И куда б ни бежала, все равно прихожу обратно к этим воротам. Ведь так только во сне бывает: бежишь по кругу, ноги вязнут, и ты опять на том же месте... – Она как-то очень по-детски всхлинула.

Я молчал, надо было дать ей выговориться, самостоятельно прийти до выводов. Есть вещи, которые мы должны понять сами, которые объяснить нельзя.

– А если не сплужу, – продолжала женщина, – значит, я в больнице. Да, точно, я попала в аварию, сейчас лежу в коме, и все это мне снится.

– Понимаешь... – Я немного помолчал, собираясь с мыслями. – Не знаю, как тебе объяснить. Я сам понятия не имею, что это за место, и почему мы все здесь. Ты веришь в загробную жизнь? Вот, например, я. Я воевал, меня убили на войне, и я попал сюда. Я никогда ни во что не верил, я просто делал то, что считал правильным. И в один момент... вот я сижу на броне, а вот уже раз – я здесь. Я долго пробыл здесь один. Много думал, переосмысливал свою жизнь и тоже не мог найти покоя. Потом открылись Ворота, и появился Дед, циник, атеист и неисправимый молчун. Спустя какое-то время Ворота открылись вновь, и к нам пришла Юлька, восемнадцатилетняя наркоманка, порезавшая себе вены в жуткой ломке... И вот мы все живем здесь. Не знаю, правильное ли это слово – «живем», но тем не менее. Я никогда не знал ничего о послежизни. Есть ли рай, есть ли ад?.. Но здесь я обрел покой и тишину, Дед – свою любимую рыбалку и охоту, а Юлька – семью, о которой ей так хочется заботиться. Нам всем здесь спокойно. Может, и тебе чего-то не хватало в жизни? Мы называем это

место Порогом. Здесь каждый обретает покой и мир. И ты тоже теперь с нами.

– Ты хочешь сказать, что я умерла? – почти прошептала она. – Но ведь... ведь это неправильно! Если для тебя, для этого твоего Деда и наркоманки-самоубийцы вся эта сельская идиллия – рай, то почему я, нормальный человек, попала в компанию к таким идиотам?! – она опять начала срываться на крик. – Почему я должна после смерти жить в деревне?! Я всю жизнь боролась, чтоб вырваться из такой жизни! И теперь, когда я умерла, какой-то тип в замызганной тельняшке говорит мне, что этот сраный хутор без горячей воды и электричества – рай?! Да не надо мне этого!!! Не хочу я такого рая!!! Я шла на всё!!! Я вырывалась из такого, и что?! – Она забилась в истерике.

– А кто тебе сказал, что это рай? – Почему-то, пока я слушал ее крик, я все понял... – Это рай для меня, рай для Деда, рай для Юльки. А для тебя это ад.

Владимир Торин СЕБАСТЬЯН

Себастьян, оу! Себастьян, ау!

Себастьян жил в городе Габен сколько себя помнил. В крошечном домике, походившем на старый вокзальный чемодан, в одном из пыльных спально-сонных и сонно-спальных районов из семейства районов, в которых никогда ничего не происходит.

Себастьян носил один и тот же коричневый костюм, который когда-то подарила ему его бабушка. Костюм в стиле бабушки – что может быть лучше! В этом костюме (если прибавить к нему старомодные башмаки и вечно опущенные плечи Себастьяна) он походил на унылого клоуна. Такого, знаете ли, клоуна, который только что как следует всех повеселил и едва успел снять грим, открыв миру тоскливо опущенные уголки губ и мешки под глазами. В этих складочках возле рта, в которых совсем недавно еще жил наигранный, но профессиональный смех, теперь поселилась удрученность – родная сестра беспросветности, которая, в свою очередь, проглядывала через карие глаза Себастьяна. Беспросветность? О да. Это как узелок на конце веревки, которую ты тянешь всю свою жизнь, пытаясь однажды вытянуть полностью и смотать в клубочек. Вот и Себастьян тянул веревку одиночества...

А все потому, что была у него одна... ну такая беда не беда – скорее, напасть, хотя и не напасть это, ну хотя... с какой стороны, естественно, смотреть. Остановимся на «Беде», и ладно. Так вот, Беда Себастьяна. Эта его Беда отравляла ему жизнь, как сварливая жена или соседские дети, которые учатся играть на пианино за стеной без особого таланта, но с неизбывным упорством.

И все же, несмотря на свою Беду, Себастьян постоянно на что-то надеялся, и не просто надеялся, но даже позволял себе то, что позволяют себе лишь дураки и романтики, он – мечтал. И мечтал он о трех (всего лишь) вещах, которые любому другому показались бы не таким уж и «пределом мечтаний», но в случае Себастьяна были чем-то поистине чудным и недостижимым. И если бы вы как следует пошарили в карманах пиджака Себастьяна, вы обнаружили бы там засаленный клочок бумаги с коротеньким списком. Собственно, вот и он:

Коротенький список мечтаний Себастьяна:

- 1. Миленькая, идеально подходящая ПО РАЗМЕРУ шляпа;*
- 2. Способность проходить сквозь узкие дверные проемы;*
- 3. Женщина*.*

** Женщина, которая живет в квартирке Себастьяна. Женщина, которая сидит на стульях Себастьяна. Женщина, которая спит в кровати Себастьяна. Женщина, которая ужинает-обедает-завтракает-пьет-чай напротив Себастьяна.*

Вот такой вот список. Ничего вроде бы экстраординарного, экстраобыденного и вообще экстра-экстра, но вы просто пока что плохо знаете Себастьяна. Вы ведь уже слышали о его Бедке. Так вот... все дело именно в ней.

Дети на улице Себастьяна часто пели песенку о нем. Послушайте эту песенку, и вы все сразу поймете.

Себастьян-Себастьян – маленький мальчик!
Трясет Головищей он, будто болванчик.
Чердачную куклу нам стоит побить!
Никто не хочет с той куклой дружить!

Вот такие добрые детки.

Себастьян не походил на других. У него была большая голова. Очень большая голова. Он и сам не помнил, откуда она взялась. Бабушка говорила, что он простудился, и она увеличилась из-за инфлюэнцы, мама утверждала, что это его дядя привез увеличительную мазь из жарких стран и опробовал ее на племяннике. А ребята из школы шутили, что ему прислали ее по почте. В любом случае, у Себастьяна была большая голова, и от нее было не избавиться. Он никак не мог найти нормальную шляпу, постоянно застревал в узких дверных проемах и его никто не любил. Ну, еще бы – такаяловища ведь!

Но однажды Себастьян, уже будучи взрослым, встретил – не спрашивайте, где и как – это неважно, красивую женщину с той же самой Бедкой. И они тут же отправились к Себастьяну в кровать, и сыграли в ней, на ней, и даже под ней в одну очень забавную игру. Себастьян был счастлив. Так, как никогда ранее. Он вдруг почувствовал, что ждал всю свою казавшуюся бессмысленной жизнь лишь ее, эту женщину.

Но утром она вдруг сказала: «Прости, Себастьян, но я должна тебя покинуть». И она ушла. Просто ушла. Оставив Себастьяна наедине с самим собой и с его большой головой. В отчаянии Себастьян понял, что эта замечательная женщина, наверное, ищет мужчину с большей головой, чем его, Себастьяна, голова. «Да, именно в этом все дело», – решил Себастьян.

Себастьян в горе.

Себастьян в ужасном горе.

Он все худеет, все чернеет, а его разбитое сердце вечно падается ему на глаза. Он сам похож на обломок, выброшенный на берег после кораблекрушения. О, бедняжка, как же он горюет.

Но время шло, и однажды случилось невероятное. Началось оно не сразу, а появилось из весьма обыденного желания Себастьяна съесть конфету. Себастьян надел свой коричневый пиджак и уже собрался пойти в кондитерскую лавку, когда обнаружил, что к его двери приколочена афишка.

«О! Класс танго! Танго-класс! Специально для вас! Только в Габене и только для вас – наш замечательный танго-класс!

О! Класс танго! Танго-класс! Только у нас! Только в Габене и только сейчас! Наш превосходный танго-класс!

Эй ты, Себастьян Блимм из квартиры № 17 дома № 5 по Каштановой улице, мы из тебя сделаем звезду танго в нашем расчудесном танго-классе в городе Габене!»

И тут, уже намереваясь сорвать это глупое объявление, Себастьян вдруг застыл на месте. На мгновение он забыл о своем горе. Забыл о Беде. Более того – забыл о конфетке!

Себастьян решительно вернулся в квартиру. И под звуки танго, уже звучавшие в его большущей голове, он отправился в спальню, раскрыл дверцы старенького гардероба. Он начал рыться в его нафталиновых недрах, и, спустя час поисков и изысканий, извлек на свет пыльные танцевальные туфли, которые, как и все в этой истории (как голова Себастьяна, как большеголовая девушка и прочее), взялись неизвестно откуда. Себастьян просто знал, что где-то там, в глубинах гардероба в его спальне, должна быть пара таких туфель именно сейчас, в этот момент. Более того – за все время он их даже не выбросил, не отдал старьевщику, не обменял на чучело рыбы-ежа, шоколадную мышь или еще на нечто такое же – важное и нужное. Он просто знал, что они там, а писатель, который пишет его историю, любезно согласился предоставить своему маленькому большеголовому герою все необходимое. Это ведь его работа...

В общем, Себастьян достал пыльные туфли из гардероба.

Он натянул пыльные туфли из гардероба (и они пришлись ему впору).

Он протер пыльные туфли из гардероба щеткой. И все это под звучащую в его голове музыку танго со скрипучим и стонущим трагичным соло...

...И с этого момента началось погружение Себастьяна в танго. Он отправился в класс и стал там учиться, невзирая ни на что: ни на сомнения учителя танцев, ни на смешки других учеников, ни на крен из-за его большой головы во время резких па.

И там он встретил Тесс. У Тесс не было большой головы. Она ничем не выделялась, она была скромной и хрупкой. У нее просто

была очень ранимая душа, а все этим пользовались и постоянно ее обижали. Кроме Себастьяна. Себастьян, его воля, упорство и его... большая голова привлекли ее внимание. И они стали танцевать вместе. И в один из обычных осенних вечеров они стали лучшей парой в классе калек.

А еще они полюбили друг друга, Себастьян и милая обычно-головая Тесс.

Они просто взяли и полюбили друг друга, Себастьян и эта хрупкая обычноголовая Тесс.

И вот Себастьян и Тесс на фото в свадебной рамке. Тесс – неожиданно! – оказалась шляпницей, и она сшила миленькую, идеально подходящую ПО РАЗМЕРУ шляпу для своего Себастьяна. Молодожены перебрались из пыльного спально-сонного и сонно-спального района из семейства районов, в которых никогда ничего не происходит, в другой такой же район. Но зато в их новом доме были широкие дверные проемы. Мечты Себастьяна из коротенького списка воплотились в жизнь. И так бывает. Иногда. В книжках.

Мораль этой нелепой истории (наверное, я не уверен) заключается в том, что не стоит искать свою вторую половинку точь-в-точь, как вы сами. И если у вас, скажем, большая голова, не стоит искать тех, у кого такая же. Ведь в попытках поцеловаться вы непременно стукнетесь вашими огромными лбами. Скорее всего. Один ученый говорил, что противоположности притягиваются. Быть может, и так. В общем, чтобы обрести счастье, ищите милую девушку, которую все обижают... Нет, и снова не то. О, точно! Вот оно! Если вам плохо, вы одиноки и вам кажется, что вы навсегда останетесь наедине со своей «большой головой», просто не отчаивайтесь, ждите и верьте: однажды вы непременно встретите свою вторую половинку и будете счастливы.

Ну, только если она окажется шляпницей, разумеется.

НЕ.НА.ВИСТЬ.

Рассказ-ненависть

Порой бывает такое состояние души, когда руки просто не поднимаются, чтобы вырезать глаз плюшевому медведю.

И вроде бы все идет, как задумано, как и ожидалось. Причины-следствия все в итоге сошлись в уравнениях: я – за столом на чердаке; на столе – медведь; а в моей руке – огромный острый кухонный нож. И вроде бы мгновение назад я был готов. Я сжал

голову медведя в руке и направил острие в его глаз. Я был готов. И все же... я смотрю на него и... не могу.

Начать стоит с того, что мне всегда хотелось иметь плюшевого медведя. Причем не просто какого-то там плюшевого медведя, а настоящего, почти живого. «Почти живое» и «настоящее» в моем чудаковатом детском сознании являлось тем, что способно что-либо чувствовать, а если не чувствовать, то как минимум переживать. А как узнать, переживает ли что-то (или, возможно, пережила ли что-нибудь уже) плюшевая кукла, набитая пухом и цветастыми лоскутами? Само собой, она не скажет. Если это, конечно, не ворчащий мишка, издающий, когда его переворачиваешь, «rrrrrr-урrrrr», что в переводе с плюшево-медвежьего могло бы значить: «Еще раз перевернешь, отгрызу тебе пальчик, милый малыш». На деле чаще всего бывает, что лишь полуоторванные лапы, потертый плюш, кривые заплатки, новые неаккуратные швы – только они могут дать понять, что медведь жил, что он... переживал.

Когда я увидел этого медведя на полке в кукольной лавке, я будто впал в ступор. Мои руки сами к нему потянулись. Среди прочих медведей, снимающих полковый пансион, он единственный мне приглянулся, и это несмотря на то, что почти все медведи на той полке были очень похожи между собой. Там были даже такие, которых ни за что не отличишь друг от друга. Но этот...

Чем же он меня привлек? Быть может, бантиком на шее. Всякий уважающий себя медведь должен носить бантик – это железное правило. Если у медведя нет бантика, то он может смело считаться медведем-неудачником и убираться на свалку ненужных игрушек. Но если забыть о бантике, абстрагироваться от него, то... эти глаза меня просто покорили. «Пуговица – есть пуговица», – сказал бы Некто Равнодушный, а я бы ему ответил на это: «Невежество – есть невежество». Глаза того медведя блестили не просто тупо и глянцево, как глаза прочих медведей на полке, о нет – за ними что-то таилось, в них заключалось нечто большее, чем «пуговица – есть пуговица». Он будто осознавал, словно наблюдал, как бы впитывал в себя крошечный пыльный мирок лавки игрушек. Его осмысленный пуговичный взгляд не только меня впечатлил, испугал, заставил задуматься, но и тут же все решил.

Что ж, завернутый и упакованный в шуршащий бумажный пакет, с нелепо-изумительным бантом на шее, с глазами-пуговицами, которые отражают все кругом, медведь отправился на новое место жительства.

И вот он сидит на столе. Керосинка чадит, и ее свет делает плюшевую шкуру медведя огненно-рыжей. Окно на чердаке открыто. Предрассветные сумерки. Утро уже проридает глаза...

Я сижу за столом у открытого окна, а ветер заносит багровые и желтые осенние листья – разбрасывает их по моему столу, шелестит неудавшимися рукописями, переворачивает пустые страницы дневника. Я гляжу на него, на моего медведя. А рядом лежит нож. Пока что плюшевая кукла и лезвие ничем не связаны между собой, это не более чем два обстоятельства, у которых общего всего лишь их местонахождение на одном чердаке, на одном столе, в трех дюймах друг от друга. И пока что медведь не знает, что нож вонзится в него, а нож не знает, что скоро ему кромсать медведя.

Медведь ладно скроен. Прямо как я сам. И он выглядит как новенький (потому что он новенький). Но до тех лишь пор, пока нож его хозяина не проткнет его плюшевую плоть. Я тоже выглядел как новенький, пока нож моего хозяина (судьбы, жизни, обстоятельств, понимайте как хотите) не оставил на мне несколько «очаровательных» отметин. Долго незаживающие порезы непрерывающейся череды несчастий, выжженные отметины потерь (нож как следует накалили). Необратимость сделала меня таким, каков я есть, что ж – необратимость, кажется, вот-вот достанет и медведя.

И в этот миг мне вдруг открылось нечто. Какая-то приземленная и мелочно-претенциозная мыслишка поселилась в голове. Кажется, я готов творить по своему образу и подобию. Если не новое тело и не новую душу, то хотя бы новые раны. Я не садист, я просто убираю из жизни, словно из черновой рукописи, анахронизмы и противоречия. Сейчас медведь не вписывается в эту мизансцену, в эту пыль, в эту мою жизнь. Пока что он – нечто ненастоящее, как с рекламной афиши, изображающей безукоризненную счастливую семью. «Наши медведи станут идеальным подарком к празднику для вашего ребенка». Они лгут, ведь просто не существует идеальных детей на идеальных детских праздниках в идеальных гостиных идеальных домов.

Я не садист, но... почему бы и нет? Почему мне не причинить ему боль? Отчего мы должны с ним разниться? У него, этого глазастого (пока) медведя, есть замечательная черта. Он молчалив. Он не пикнет. Каждый из нас, мелких и ничтожных в своей тяге делать другому больно, калечит своих медведей по три раза на дню. А мой... а мой – один такой. И на меня похож. Почти похож.

Еще в детстве, когда у меня не было медведя, но я очень его хотел, он мне виделся совсем не новым, не подходящим для веселеньких афиш с выдуманными счастливыми семьями, которых не бывает. Я мысленно обнимал и прижимал к себе одноглазого медведя, который повидал так много, что один глаз у него попросту отвалился (от ужаса увиденного, вероятно). Мой новый

медведь почти идеален. И это «почти» сейчас заключается в одном его глазу... э-э-э... в левом. Да, в левом.

И вот я поднимаю нож и начинаю делать его похожим на себя. Отчего-то я не подумал, что огромный кухонный нож – не самое удобное орудие, чтобы отпаривать медведю глаз. Уместнее было бы взять крошечные ножнички, которыми гремлины стригут себе волосы в носу, так нет же – я-то всегда представлял себе, что это будет огромный кухонный нож. Вот я и вожусь, ковыряю и ворочаю им в голове медведя, будто иглой в консервной банке. И скрежет этот... когда лезвие прохаживается по рифленому ребру пуговицы. И нитки, которые я не могу отыскать и подцепить, и мех, в котором я неловко проковыриваю дырки. Как были бы мы счастливы, если бы с нами были те, кому мы могли бы причинять боль без жалоб с их стороны, без криков, без слез. Да, основной инстинкт человека – не просто выжить, а выжить за чей-то чужой счет. И счет этот станет более очевидным, если мы пойдем так далеко, как только сможем, оставляя за собой отпечатки ботинок в чьей-то крови. Чем след длинней, тем явственнее вывод: я выжил, я много прошел и еще больше пройду – не верите, так вот же след.

И вот... глаз отлетает. Пуговица падает в пыль. Я гляжу на дело своих рук и не могу отвести взгляд: теперь на этой плюшевой морде поселилась невероятно жуткая и уродливая, но такая жизненная, асимметрия. Калека, он глядит на меня, и все его черты совершенно изменились. Вот теперь по нему видно, что он что-то пережил. У него есть своя история.

Медведь почти готов. Из его глазницы торчат рваные нитки. Пух пытается пробиться через дырки. Как легко сделать новое не новым. Так младенец, появляющийся на свет, вбирает в себя порчу этого мира и становится калекой с первым вздохом.

Медведь почти готов. Я беру нитки. Конечно, алые. Беру иглу. Конечно, острую. Потерпи еще немного, медведь, потерпи. Я быстро... я не буду тянуть с этим, поверь. Иначе – буде зятяну – во мне появятся неуверенность, сомнения, совесть, страх.

Нитки прошивают медвежье брюхо. Нитки впиваются и выныривают. Они походят на алые вагоны скорого поезда, ползущие за прекрасным блестящим паровозом. Я вышиваю на медведе. И это то последнее, что я хочу сказать. То, что рвется из меня наружу. То, что объемлет в себе все.

Но вот я дописал. Дошил. Довышил. Я воткнул иглу с остатком нити в брюхо медведю, как в игольную подушечку. Я аккуратно посадил мою мечту, моего идеального медведя, на стол, повернул его мордой к окну. Поднялся...

И вот я стою на подоконнике, а занавески треплет ветер. И листья, багровые и желтые, осень заносит на мой чердак. Я обернулся. Медведь сидит на столе, как я его и посадил. Смотрит на меня, полуслепой и в то же время полузрячий. Мольба остановиться? Не делать этого? Спуститься? Ха... Нет ничего из этого в его взгляде. Быть может, и было, но в другом глазу. В том, что в пыли лежит, на полу. А тот, что впился в меня, он безучастен и блестит в ожидании. И ты, медведь, не просто Я или даже продолжение меня. Ты тот, кто здесь останется после меня, кто будет жить, существовать, пылиться, когда меня не станет. Ты, мой медведь, мое письмо, моя прощальная записка.

Прощай, медведь, прости за все. За глаз, за швы... прощай, медведь. Прощай.

Пустое окно. Сумерки рассеиваются. Керосинка покрылась копотью. Медведь сидит на столе и смотрит туда, где только что стоял я. Поперек его живота по диагонали вышито алыми нитками. Не.На.Висть.

Владимир Булат ПРОМАХНУЛСЯ

Остап Никифорович Стеценко – двадцатипятилетний студент – вернулся из Лондона в родные края. Он проучился три года в технической школе и теперь был дипломированным землемером, а также разбирался в паровых машинах. Пароход от Одессы доставил его по Днепру к Никопольской пристани, а оттуда Остап верхом добрался до родного Ореховского повиту.

Остап служил в богатом поместье пана Тарасовца, который пять лет назад купил его у немца-колониста. Тарасовец постановил вести дело «по науке», оттого отправил пару работников учиться в Киев, а Остапа (его отец служил пану уже лет сорок) – вообще за границу. Хоть и роптали селяне, что де плохо обрабатывать поля каким-то немецким паром, но пан Тарасовец гнул свое, и его экономия богатела из года в год, а выписанные из Англии новейшие локомобили коптели небо.

Лондон не понравился Остапу. Огромный город, где скучено три миллиона людей (Остапа поражало это запредельное число), которые шумят, толпятся, ругаются, воруют, задыхаются от угольного смрада... А метро просто испугало студента: заходишь в какой-то закрытый сарай, садишься, и тебя везут неведомо куда через темное подземелье. По выходным и праздникам все сады и парки переполнены людьми, реки не вмещают челноков и паровых катеров, и вся эта человеческая масса (говорят, всего на Британских островах 30 миллионов человек) просто топит тебя в себе. То ли дело родина – поля, переходящие в девственную степь, отороченные отдельно стоящими тополями, никем не выловленные сурки-байбаки, барвинок оплетает забор у колодца, лежат в пыли раздавленные ягоды шелковицы, и знойным днем тень любого дерева дарует счастье покоя. Где-где хорошо, а дома лучше.

С этими мыслями Остап утром 18 августа 1865 года пришпоривал лошадь, торопясь домой. Теперь он должен получить место управляющего, его уже ждали (телеграмма от Остапа пришла в Орехов еще 1 августа) и прислали лошадь, хотя и без двуколки – поломалась по дороге.

На крыльце экономии его встретил сам пан Тарасовец – вышел и издали, между пирамидальными тополями вдоль дороги, завидел всадника и сразу признал (у старика было острое зрение). Больше никто приезжего не встречал, и это удивило Остапа.

– Добридень, пан! – крикнул он, осаживая лошадь перед оградой.

Пан, однако, смотрел на Остапа невидящими глазами и теребил усы, делавшие его очень сходным с козаками-запорожцами, какими их рисуют художники. Лицо у пана было озабоченным.

– Добридень, пан! – повторил Стеценко, заводя лошадь во двор. – Чи вы мэнэ не узнаете? Я ж Остап.

– Здравеньки були! – наконец отозвался пан. – Хорошо, что ты приехал. У нас тут такое приключение...

– А шо?

– Хорошо, что ты приехал. Тут такое приключилось...

– А шо? Шо? – Остап посмотрел по сторонам, но строгая архитектура господского дома экономии на самой околице Орехова и другие хозяйские постройки были совершенно целы. Да еще и новую кузню поставили (об этом отец писал Остапу год назад).

– Вот ты человек образованный, не чета мэни, – начал Тарасовец, но Остап перебил его.

– Нет, пан, вы тоже человек просвещенный и хозяйственный. На весь повит...

– Хорошо. Скажи мне, что робыть. Тут объявился якийсь бродяга, и он каже, что он из будущего.

– Як так?

– Зараз утром прийшов. Каже, что прилетив на якийсь машине, но та зламалась, и вин все потеряв, що в него було: гроши, документи...

А надо сказать, что в Англии Остап читал пару романов о путешествиях по времени, один даже какого-то французского писателя (забыл, как его звали), и в России Одоевский сочинил про 4338 год.

– Пидождыть, пан, а як он выглядит?

– Да ничего в нем особого нет. Одежа как одежа. Казав, шо специально подобрал таку, яку у нас носят, щоб не выделяться.

– А давайте посмотрим.

Пан Тарасовец и Остап с опаской вошли в дом. В гостиной, у клавикордов, доставшихся от прежнего владельца, сидел за столом пришелец из будущего, а седоусый отец Остапа Никифор Стеценко угощал его варениками. В пришьельце действительно не было ничего особого: одежда простого покроя, вот разве что борода...

«Москаль», – сразу догадался Остап.

Но далее составить представление о пришельце не получалось – тот не был из панов, но и крестьянином его не назовешь, не мешканец и не военный. Ни то, ни се.

Остап решил поставить себя с пришельцем уверенно: мол, знаем мы про такие путешествия, нас не удивишь, читали. И по-этому сразу поинтересовался:

– Пан... как вас величать?.. Я хотел спросить... вы действительно из грядущего?

Пришелец посмотрел на него какими-то мелкими глазками, окруженными морщинами, и ответил:

– Я прилетел из две тысячи восемнадцатого года. Там ужасно, скоро война и... ядерная война... в апреле уже...

Слово «ядро» у Остапа прочно ассоциировалось с артиллерией, и он не нашел ничего удивительного в словах пришельца.

– Меня зовут Арсений Николаевич Волгин, – продолжал тот. – Я родился в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году.

– Эк! – крикнул пан Тарасовец. Он все равно не верил пришельцу, потому как ничего в его облике, что выдавало бы грядущие века, не находил.

– А здесь какой год? – спросил Волгин.

Остап чуть не рассмеялся: он представил себе, как в Лондоне на улице подходит к нему какой-нибудь чужак и спрашивает: «А какой сейчас год?»

– Тысяча восемьсот шестьдесят пятый, – сказал он. – Восемнадцатое августа.

– Да, все правильно, я так и хотел.

– А что за машина, на которой летают из будущего?

– Она полностью сгорела... недалеко отсюда. Но где я? Здесь должна быть Волга, на восток.

– Нет, это не Волга, а всего лишь Конка. Вы, мосьпане, на Украине.

– Как? Не может быть!

– Естественно. Это не Россия, а Украина.

Пришелец посмотрел на Остапа с какой-то мукой и медленно произнес:

– Но... здесь... должна... быть... Российская империя...

Никифор Стеценко, который на всю округу слыл отменным острословом, и здесь не упустил случая:

– Нет, пан, колы б вы на десять рокив дальше залетили, тоды б була здесь Российская империя, а зараз – ни, здесь Украинская держава.

– Как?! Не может быть!

Пришелец побледнел, словно полотно и стал похож на привидение из романов Анны Радклиф. Он начал рыться в карманах, достал русские деньги, но на какой-то необычной, более плотной бумаге – всего одну бумажку: «синицу». Потом выудил из внутреннего кармана портрет человека с бородкой, большим высоким лбом и в белых штанах – кажется, это была фотография. Больше в карманах у него ничего не оказалось, и пришелец прекратил поиски.

– Я правду вам говорю, – простонал он, – а вы... вы надо мной издеваетесь!

Пан Тарасовец подумал было, что перед ним просто один из тех русских, которые не признают новую политическую реальность, само существование независимой Украины, но нет – эта догадка отпадала, потому как вид у пришельца был уж очень затравленный.

– Вы, пан, действительно, сейчас не на Волге, а у Днепра – за пятьдесят верст, – счел нужным объяснить пан Тарасовец, – и находитесь на территории Украинской державы. Если вы из будущего, то должны знать нашу историю. Или уже забыли?

Остап тем временем осторожно взял фотографию и прочел на ее обороте надпись: «Ф. М. Достоевский». Где-то он слышал эту фамилию. Но лондонские впечатления вытеснили все остальные.

«Надо приводить башку в порядок, – подумал он. – Плохо, что не вел в Англии путевой дневник».

– Этого не может быть! – настаивал пришелец. – Вы смеетесь надо мной. Зачем?

Тарасовец привык считать себя ясновельможным паном, а главным обыкновением ясновельможного пана всегда был особый гонор и неприязнь к любому, кто осмелится ему перечить. Он хотел стоять вровень с панами с Волыни и Подолья, чьи приключения будят в памяти неграмотных поселян легенды о дикой охоте. Пришелец явно надоел ему. Смущение прошло, надвигалось негодование. В первый момент он принял пришельца за бродячего поэта, но тот сразу же заговорил о каких-то грядущих ужасах и назвался человеком из будущего. Может, в поэтическом смысле?

На стене гостиной, как и три года назад, висела карта Украины в деревянной рамке. Остап жестом указал на нее, уподобившись тому древнегреческому философу, который своими шагами опроверг утверждение о том, что «движенья нет». Пришелец повернулся, рассмотрел карту, проверил дату изготовления в углу – 1860 год – и еще больше побледнел.

– Ветвящееся время... – пробормотал он. – Не может быть... Декабристы?.. Нет... А десять лет назад? – ухватился он за слова Никифора.

– Война была, – ответил Остап.

– Правильно! Крымская война! Но ведь она окончилась Парижским миром в тысяча восемьсот пятьдесят шестом...

– Нет. Варшавским. В пятьдесят восьмом.

– Как так?!

– А вот так! – Остапу тоже надоела эта манера пришельца разговаривать с ними, как с малыми детьми. Пусть в будущем будет много технических достижений и расцвет цивилизации, но это не

дает ему право... Да и смахивает он на какого-то недоучившегося студента, хоть и немолод – все лицо в морщинах. – В тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году, в Варшаве, Англия, Франция, Сардиния, Турция, Австрия, Пруссия и Швеция подписали мир с Россией.

– Как так?!

– Элементарно. Против всей Европы русские бессильны.

– А что случилось между пятьдесят шестым и пятьдесят восьмым?

Остап наконец-то понял, что пришелец (если он не притворяется) ориентируется в прошлом до 1856 года, а дальше для него наступает неизвестность. Стеценко не был историком и меньше всего, усталый с дороги, хотел читать лекции о тех годах, когда возрождалась независимость, рушилось крепостное право и создавалась новая Украина. Поэтому сказал коротко:

– Отменили крепостное право.

– Кто?

– Союзники.

– А вы?

– А мы – новая страна. Нет здесь никакой России.

Это уже начинало напоминать дискуссию в Киевском либеральном клубе, который Остап посетил по пути в Лондон. В подтверждение своих слов он достал из саквояжа рулончик новой карты Европы с названиями на французском (купил в Марселе проездом), и расстелил на столе. Пришелец смотрел на нее, как на свой смертный приговор. Кроме украинских губерний, европейская закулиса откусила от Российской империи Финляндию, всю Остзею с Литвой и Белоруссией, маленькую Польшу, Бессарабию, Кавказ – крупнейшая геополитическая катастрофа XIX века! Еще бросилась в глаза раздробленная Италия.

Пришелец уже ничего не спрашивал, но в нем пробуждались заученные инстинкты. Он не мог так это оставить, ничего не сказать.

– Фашисты!..

Никто, кроме самого Волгина, не понял смысла этого ругательства, и тут наступил черед пана Тарасовца:

– Знаешь шо, людына, уходи видсиль. Может, ты и из майбутнего, но держать себя точно не умеешь.

Пришелец встал и попятился к двери. Все смотрели на его уход, как на что-то фантастическое: так провожают глазами воскресшего мертвеца, если он, бывает, заглянет вечером в хату. С крыльца пришелец спустился тоже задним ходом, и Одарка – свежая молодая крестьянка, которая опускала ведро в колодезь, видела, как он, сверившись по солнцу, затрусил на восток.

1900 ГОД

«Для стимпанка характерны общественные настроения конца XIX – начала XX веков – снижение роли церкви, вера в прогресс и науку, остаточные понятия о чести, пуританство (по крайней мере, внешнее) и тому подобное. В ряде случаев – мистицизм, сектантство, нигилизм, а также порождаемые расслоением общества революционные настроения».

Из Википедии

Новелла первая. Лондон

Респектабельный англичанин – мистер Бенджамин Патерсон – сидел в своей конторе и считал часы до окончания работы. Трудно сказать, чем именно занималась контора, но она придавала этому респектабельному джентльмену еще большую долю респектабельности. Всем соседям и знакомым мистер Патерсон был известен как умеренный тори, холостяк, прихожанин англиканской церкви и владелец годового дохода в пару тысяч фунтов. Никто никогда не видал и не слышал, чтобы мистер Патерсон оказался замешан в каком-либо непристойном деле, связано ли оно было с деньгами или с женщинами. У него не было родственников, а поэтому не было никаких проблем, неизбежно возникающих при их наличии. Жены, по причине холостяцкого существования, и детей у мистера Патерсона также не имелось, следовательно, даже здесь никто не претендовал на его наследство. Может быть, единственной слабостью мистера Патерсона было особое внимание к скачкам, где он иногда делал ставки, но это случалось так редко и выглядело настолько невинной забавой, что ни одна соседка не могла назвать его азартным человеком. В конце концов, у англичан в крови заключать пари, и без этой милой детали мистер Патерсон окончательно становился бы скучным символом благопристойности.

Но его внимание сейчас поглощено стрелкой больших и довольно красивых часов, которая слишком уж медленно ползла с верхотуры полудня в долину шести часов вечера. В шесть часов вечера мистер Патерсон отпустит клерка, взглянет в последний раз на большую карту мира с обозначенной красноватым цветом Британской империей, закроет контору, выйдет на улицу, попрощается вежливым, но не слишком заметным кивком с привратником соседской конторы, чей хозяин ведет обширную торговлю русским лесом, возьмет паровой кэб, доедет до Гайд-парка, отпустит кэб, пересечет Кенсингтон-гарден, снова возьмет кэб,

проедет через Темзу, мимо Баттерси-парка, где, может статься, увидит футболистов (нет, слишком поздний час), наконец затеряется в улочках южного Лондона и в районе Уинстанли Эстейт достигнет цели своего путешествия – дома изящной вдовы миссис Терезы Уинстерли. В руках у него будет небольшой тортик, купленный по дороге, а миссис Уинстерли быстро закроет за ним дверь. Мы не станем распространяться о том, что произойдет между мистером Патерсоном и миссис Уинстерли, но заметим лишь, что по истечении четырех часов – уже около 11 вечера – мистер Патерсон покинет гостеприимные своды дома миссис Уинстерли, возьмет кэб и направится к себе – в район неподалеку от Ламбета. По дороге мистер Патерсон обязательно заедет в табачный магазин «Montgomery and son» и обязательно купит полфунта хорошего табака «Bezuki» из Голландской Индии.

Все вышеописанные действия мистер Патерсон позволяет себе проделывать один раз в неделю, но никогда и ни с кем не обсуждает этот вопрос, а поэтому продолжает оставаться символом респектабельности, умеренной религиозности и благопристойности. Ему скоро минет пятьдесят один год, и он, в общем и целом, доволен жизнью.

Новелла вторая. Браунау

В это же самое время скучный, как прусская табель о рангах, ведущий скучную жизнь мелкого чиновника герр Август Карл Максимилиан Мария фон Бугенгаген наслаждался музыкой. В городском театре Браунау давали Вагнера. «Парсифаль» был восхитителен. Прочь тоска, мировая скорбь! Это была божественная музыка! Фон Бугенгаген дослушал до торжественной процессии рыцарей – своего любимого фрагмента, когда заметил рядом с собой некоего господина, которого сразу же узнал. Это был Алоис Гитлер. В городе о нем много болтали, и все скверно для него. Гитлер был незаконнорожденный, родился у крестьянки от какого-то еврея, у которого она служила горничной. Мать его вышла замуж за подмастерья мельника Иоганна Гидлера. При регистрации брака Алоис так и остался с фамилией матери и незаконнорожденным. Официально Гидлер никогда не признавал Алоиса как своего сына. Мать Гитлера умерла вскоре после замужества от истощения в связи с грудной водянкой. А Гидлер умер лет через десять после жены. Другие говорили, что еврей здесь ни при чем, а отцом Гитлера был Иоганн Непомук Гюттлер. И этот незаконнорожденный выслужился на таможне, а когда вышел в отставку, занялся пчеловодством.

Этот манерный Гитлер с бакенбардами а-ля Франц-Иосиф раздражал Бугенгагена самым своим существованием. Все

очарование Вагнера было потеряно. Фон Бугенгаген припомнил все гадости, которые знал о соседе слева. Раздражительный, честолюбивый, нервозный и беспокойный. В его речи раздражало обилие иностранных слов, что выглядело более чем смешным – ведь Гитлер не окончил школу и успел поработать где-то в Вене сапожным подмастерьем. Даже говорили о том, что в роду Гитлеров бывал инцухт, и наблюдалось вырождение. Клара Гитлер является двоюродной племянницей Алоиса, дочь его единокровной сестры... Как будто специально Бугенгаген совсем недавно прочел интересную книжечку аббата августинского ордена Грегора Менделя «Опыты над растительными гибридами» или что-то вроде того (ее забыл на конторке в присутствии долго скучавший в ожидании своей очереди к фон Бугенгагену пражский студент, прибывший на каникулы в родные края). Там подробно описаны разного рода прививки растений, и, хотя Бугенгаген не очень-то интересовался садоводством, от скуки на службе прочел ее всю. Особенно его поразила мысль: человек растет – растение. Неужели мы могли бы существовать в виде растений? Как бы это выглядело? Если уж на то пошло, то Бугенгаген согласился бы существовать в виде букового дерева. Немного торжественно он стоял бы на вершине холма и вглядывался в горизонт... но чем? Есть ли у деревьев глаза? Как они воспринимают окружающий мир?.. Известно, что во всех европейских языках слово «бук» происходит от древнегерманского «boka», а в немецком оно порождает слово «книга».

Новелла третья. В поезде между Бахмачем и Гомелем

В ту же ночь в поезде, следующем по Либаво-Роменской железной дороге, где-то между Бахмачем и Гомелем, в душном купе, в одиночестве, непроглядной ночью томился от бессонницы едущий по служебным делам учитель естествознания харьковской женской гимназии Юрий Аркадьевич Непогодин – тридцатипятилетний мужчина приятной наружности с некоторыми способностями к музицированию и любитель шахмат.

Сон никак не шел к нему. Все паровозные свистки, шумы и стуки, которыми полнится мчащийся всю ночь напролет поезд, мешали Непогодину, и он перебрал все известные с детства способы заснуть – даже выпил полный стакан воды. В конце концов, пребывая в полудреме, когда мысль тяготно тащится от одного предмета к другому, но мозг все равно работает, и нет того приятного погружения в пучины сна, которое дает отдохновение, Непогодин стал одну за другой вспоминать своих любимых женщин... нет, не то... он стал вспоминать тех девушек, за которых его сватали.

В марте 1893 года ему предложили жениться... на его бывшей ученице – той минуло уже восемнадцать лет, а ее отец был известным в губернии врачом. Рюрик Аркадьевич более-менее решительно отказался. Нет, он не имел особых предрассудков против подобных браков в принципе, но этот случай... Ему показалось, что его едва ли не насильно заставляют связать свою судьбу с дурнушкой, к тому же совершенно безэмоциональной и холодной девушкой, которая за все годы обучения так ни с кем и не подружилась. «Полноте, любила ли она кого-нибудь?» – спрашивал он сам себя и отвечал отрицательно. С тех пор прошло семь лет, и, как Непогодин недавно выяснил, его несостоявшаяся невеста по-прежнему сидит в девках.

Второй случай имел место годом ранее первого. Дальняя родственница, имевшая в Харькове репутацию общественной свахи, долго и настырно предлагала ему руку некоей дамы, которую Непогодин в глаза не видел, но, судя по рассказам родственницы, она была «почти вдова», муж – скотина и подлец – ее бросил, и скоро уж пять лет, как он без вести, и суд скоро признает ее брак утратившим силу. Категорические характеристики, данные бывшему мужу – скотине и подлецу, почему-то вызвали сочувствие к нему со стороны Непогодина, а предложение необъяснимым образом с самого начала будило категорический отказ. «А вдруг и я от нее сбегу, и обо мне полгорода будет судачить, как о скотине и подлеце?» – так говорил себе Непогодин. Двухчасовое сватовство (Рюрик Аркадьевич потом из интереса взглянул на ходики) ни к чему не привело.

Еще одну невесту, уральскую казачку, сватали ему в прошлом году. Он даже познакомился с нею, но месяц спустя передумал. Не было в ней никакого женского инстинкта, женского чутья...

Наконец, недавно его сослуживица по гимназии сватала свою племянницу – девушку способную, особенно к игре на виолончели. Но Непогодин, сам немного музицируя, хорошо знал эту породу женщин, а поэтому сделал вид, что не воспринимает всерьез сказанное ему за пасхальным чаепитием у господина директора.

Новелла четвертая. Париж

Утром того же дня, в небольшом кафешантане на тихой улочке XIII округа Парижа, Мишель Дюмануар с рюмкой перно и сигарой ждал своего заказа и мысленно готовился к сегодняшней дискуссии в народном клубе на тему религии. Дюмануар был атеистом и собирался сразить наповал своего оппонента – бедного католического священника Альбре. Дискуссию организовала Секция независимых социалистов, с которой Дюмануар давно знался и

даже соблазнил очень красивую девушку из активисток Секции – теперь они жили вместе на Монмартре.

Принесли остальной заказ: jambon d'Ardennes (копченую ветчину сухого посола) со свиным паштетом (хозяин был французом из Эльзаса, уехавшим в Париж после войны 1870 года), а к нему – норманские булочки brioche с шербетом (хозяйка тоже провинциалка – родом из окрестностей Руана). Смакуя еду, Дюмануар еще раз затянулся сигарой...

Вечером в клубе собралось много рабочих: XIII округ – оплот левой и революции. Девушка Дюмануара – Одет улыбалась ему из-за стола президиума, за которым сидели руководители Секции (среди прочих был сам Жорес). Напротив Дюмануара, как за карточным столом, сидел невзрачный кюре – рыжий и староватый (староватый той особой манерой, какой бывает староват только француз). Альбре много лет участвовал в рабочих организациях, выступал на митингах, защищал бастующих угольщиков в Кармо и даже отсидел несколько недель в тюрьме, когда его под горячую руку заграбастали жандармы. Однако в деле Дрейфуса Альбре занял позицию антидрейфусаров, и это смущало симпатизирующих ему социалистов.

Дюмануар был полной противоположностью своему визави. Сын родителей среднего достатка, он учился на юриста, но интересовался почти исключительно философией. Внешне аполитичный, но склонный к радикальным идеям, что очень нравилось левым активистам, Дюмануар сразу же обвинил, как осьминог кольцами, своего противника участием и поддакиванием, за которым скрывалась ирония и заметное высокомерие: «Мне... – мне! – возражает какой-то попик...» – говорило все существо Дюмануара. Дискуссия накалялась, и присутствующим рабочим с автомобильного завода и шоколадной фабрики «Lombart» уже казалось, что они проникли в святая святых теологии и философии, разбавленных поминутными остротами Дюмануара – его соперник держался подчеркнуто серьезно.

– Религия, мой друг, – говорил Альбре, – это, помимо прочих ее достоинств, еще и кладезь добродетели. Все, что мы считаем добром, в концентрированном виде содержится в религиозных заповедях, и мы никогда сами бы не придумали ничего лучшего, чем божественные заповеди любви и милосердия...

– Я верю, падре, – отвечал ему Дюмануар, – что вы искренне хотите найти в религии – разумеется, в католической религии – добродетели. Ни минуты не сомневаюсь в этом... Но весь вопрос в том, а есть ли в религии добродетель? Вы утверждаете, что божественные заповеди – суть добро. Но откуда вы знаете, что то, что ваш бог именует добром, есть добро на самом деле? Откуда

у вас взялась та мера, которой вы мерите добродетель? Если божественные заповеди оцениваются как эталон добродетели, значит, мы имеем независимую от божества оценку, но если бог сам утверждает, что он сам определяет, что есть добро, а что есть зло, нам впору усомниться в его беспристрастности. Потому что, являясь одновременно законодателем, исполнителем и судьей самому себе, божество претендует на венец самого злостного тирана. Но «Caesar non supra grammaticos», на что вы можете возразить мне лишь избитое «quod licet lovi, non licet bovi»...

Новелла пятая. Близ Потенцы

Престарелый помещик джентилуомо Джанфранко Шредер в тот же самый день сидел в кресле в своем кабинете и просматривал газеты. В первой же из них Шредер прочел о смерти Джузеппе Верди, но уже знал, что новость ложная. Сражавшийся в рядах «Тысячи» Гарибальди Шредер почувствовал какую-то необычную жалость к великому маэстро, ведь эта несостоявшаяся смерть (смерть по ошибке – будто название третьесортного водевиля) как-то странно унижала Верди, его годы, его славу, все нажитое, превращала в обыкновенного человека, прикованного к смертному одру. Как-то это никак не сочеталось... Вторую новость принес ему племянник. Племянник завел недавно породистую собаку и начал ее дрессировать. Но во время дрессировки собака взбесилась и убежала. Поймать ее не смогли. Наконец, третья новость ворвалась в кабинет с полноватой и полнощекой женщиной – из поденщиц, которых Шредер (он не держал управляющего, но сам управлял поместьем) нанимал для полевых работ. Она, вытаращив глаза, заголосила:

– Синьор! Синьор!.. Мы такое видели! Небесное явление! Будто сами ангелы поднимались от земли. Как облака! Жара такая! А они поднимаются от земли. Мы работали! А они поднимаются. Мы сорвали цветы и побежали к ним, но они поднимаются. И исчезли! Исчезли! Ах, синьор, это было так... так чудесно!

Шредер выслушал ее монолог в полном молчании, но эта – третья – новость оживила его гораздо больше, чем взбесившаяся собака. Шредер хотел было объяснить этой неграмотной женщине, что видела она вовсе не ангелов или мадонну, а всего лишь облачное явление природы, но... зачем ее разочаровывать? Когда-то давно ему казалось: еще один шаг, и все тайны мира откроются, все флаги будут водружены на башни взятых городов.

«А может, это просто я старею?» – мысленно спросил себя Шредер, благостно кивая поденщице, которая никак не могла отдышаться и вся такая полногрудая, горячая, дышала жизнью ему в лицо.

Новелла шестая. Близ острова Маргарита

Близ острова Маргарита вечером того же дня в лучах закатного солнца... нет, в маре, которое окружает вспухший диск садящегося в туман солнца, небольшая паровая яхта пробиравась на траверсе большого океанского парохода вроде из Маракайбо в Кадикс. Ее капитан Рикардо Иларио Арболеда-и-Морено курил сигару и посматривал с капитанского мостика то на нового матроса за штурвалом, то на владельца яхты – богатого немца-мизантропа дона Карло, который развалился в кресле на самом носу.

В детстве Рикардо, оливковолицый житель горного поселка в Кундинамарке, впервые увидел громадную ширь Карибского моря и на всю жизнь заболел страстью к морским путешествиям. Жена, пока не умерла, ругала его за это пристрастие, не давала уйти и наняться матросом на корабли, бороздящие Атлантику. Он воевал за правительство в восьмидесятых. Был ранен и получил хорошие земли. Но любил море. Рискнул пойти в первый раз матросом, быстро стал штурманом, потом капитаном. Когда в прошлом году началась новая гражданская война, он держал нейтралитет: хотел сохранить землю. Его старший сын Хильберто встал на сторону либералов и ушел в горы, а младший вступил в армию консерваторов. Вот уже полгода ни от одного, ни от другого не было вестей – сельва поглотила их, и лишь редкие газетные сообщения обозначали поступь повстанцев в тихоокеанских штатах. А Рикардо по-прежнему водил каботажные рейсы, пока его, немного пьяного от нелюбви к нему красивой мулатки в Маракайбо, не завербовал дон Карло.

Рикардо не сразу понял, что от него требуется. Он должен был вести небольшую, но проворную и устойчивую к штормам яхту дона Карло от Маракайбо вдоль побережья на восток, потом на юг, пройти Магеллановым проливом, войти в суровые воды Перуанского течения и двигаться к тихоокеанским портам Коста-Рики или Сальвадора. Далее повернуть назад и проделать тот же самый путь до Маракайбо или до Картахены. Но прибыв в Картахену, снова повернуть и проделать тот же путь. И так далее. Немец хорошо платил, и Рикардо поначалу не стал спрашивать о цели этого маятникового движения вокруг континента. Никаких грузов яхта не развозила, в порты заходила только по надобности. Немец не принимал никаких гостей, не интересовался женщинами и не получал писем, зато много читал. Он – настолько белокурый, что непривычному к такой расцветке волос Рикардо казалось, что в эти волосы вплетена безжалостность – день за днем сидел на носу яхты и смотрел на синие волны, побережье, джунгли, мангры и пампасы, горы и ледяные глыбы на далеком юге. Он почти не говорил. Ел мало, но весьма изысканно – повару,

столь же молчаливому, как и его хозяин, тоже из Германии, немало приходилось трудиться на тесном камбузе.

За три месяца они проделали первый цикл плавания и теперь начинали второй. Если вначале любопытство Рикардо не просыпалось, то сейчас оно приняло характер какой-то особой тревожности за себя, за яхту и за все плавание. Зачем этому угрюмому немцу понадобились блуждать, как «Летучий голландец», одним и тем же путем? Даже научными интересами объяснить это не получалось – хозяин не вел никаких наблюдений, и если поймал однажды рыбу-пилу, то лишь для украшения кают-компания: рыбу выпотрошили, особым манером засушили и повесили над обеденным столом. Не было ему ответа.

Рикардо ненавидел своего хозяина.

Новелла седьмая. Осака

Утром того же дня господин Отомо Тадакацу в своем доме на окраине Осаки впервые примерял фрак. Фрак был куплен за немалые деньги в лавке французских товаров, и Отомо, который служил на броненосном крейсере «Чиода» в звании лейтенанта и почти всегда одевался в военно-морскую форму, пожалел было о таких тратах. Самурай, который не должен даже прикасаться к варварской одежде, не мог устоять перед очарованием плавных линий черной ткани – мужского цвета и цвета воина (к тому же синтоистские священнослужители, как известно, носят черные шапочки в качестве символа просвещенности). Поэтому сейчас господин Отомо с очень серьезным выражением лица рассматривал себя в большом зеркале, также приобретенном в той же лавке ранее. Его красивая жена в кимоно цвета аой, всегда улыбающаяся и веселая, которую Отомо поддразнивал, называя «госпожой кошкой», с изумлением смотрела на мужа. Надев варварские одежды, он настолько преобразился, что перестал быть ее мужем, и ее посетило странное чувство, будто скоро (не далее как ближайшей ночью) она отдастся совершенно другому мужчине (это чувство немного возбудило ее, но, как благовоспитанная женщина, она сдерживала эмоции и лишь улыбалась). Для полного одевания господину Отомо не хватало еще шелкового цилиндра и трости (такое убранство жена Отомо видела однажды на картинке из далеких стран). Заметив некоторое смущение мужа, она произнесла самым приятным из своих голосов:

– Господин мой, вы прекрасно выглядите в этом наряде. Он будто сшит на вас. Я всегда думала, что эти гандзины просто не умеют носить свою же одежду, и эта одежда сможет раскрыть свою сущность только лишь на нас – людях Земли Богов.

Мать господина Отомо, еще хорошо помнившая битву при Тоба – Фусими, также улыбалась, сидя в большом кресле-качалке и обмахиваясь бумажным веером.

Новелла восьмая. Мечавник

Сербский крестьянин Милан Андрич потерял двух детей-близнецов. Разом. Они умерли от лихорадки вечером третьего дня. Сегодня он должен был хоронить их в маленьком почти квадратном гробике, который соорудил местный гробовщик. Не глядя на свою жену, замкнувшуюся в своем отдельном горе, сидящую у давно потухшего очага, грустного, как всякий потухший очаг, он принес со двора гробик, аккуратно застелил его особой тканью, потом уложил в гробик обоих близнецов, добавил (хоть и языческий это обычай) их общие игрушки – глиняных зверей и маленькую деревянную лопатку. Застыл на несколько минут, потом зажег единственную свечу. Оставалось ждать гостей. Мечавник – небольшое селение, но на похороны придут все, почти все.

Два маленьких существа покинули этот мир. Никогда они не станут воинами в последней битве с османами за освобождение всей сербской земли, никогда не вспашут землю плугом, никогда не поведут под венец милых девушек с красными лентами, вплетенными в косы. У всех умирают дети. Всегда. Правда... один доктор-грамотей, говорят, рассказывал Джордже Михайловичу, что будто бы лекарства позволяют спасти многих, очень многих. Если сразу хватиться. Но как?... Да и что толку? Для бедных людей лекарства дороги. А чтобы стать богатым, надо или удачно торговать, или идти в слуги к богатым господам, или как тот доктор-грамотей. «Бог дал, бог и взял», – так сказал ему вчера после заутрени отец Душан. Что тут ответить? Это ушлый торговец или доктор-грамотей могут что-то ответить, но что может ответить неграмотный двадцатисемилетний крестьянин Милан Андрич? Может быть – когда-нибудь, – дети будут выживать...

На пороге появились первые гости.

Новелла девятая. Сардис, штат Алабама

В тот же самый день на другой стороне земного шарика суд города Сардис, Алабама (Северо-Американские Соединенные Штаты) решал вопрос о разводе. До двухсот любопытных – преимущественно мужчин – заполнили зал суда, где должен был проходить процесс. В окна заглядывают мальчишки в широкополых шляпах. Все как обычно: судья в мантии, прокурор с трубкой в зубах, присяжные... Вообще-то, право на суд присяжных отсутствует в случае подачи иска на получение развода, но супруга подавшего на развод мужа настояла, к ней прислушались, и

процесс обещал стать важным прецедентом (так, во всяком случае, считает главный редактор «Сардисского Меркурия» Захария Стромонт, посвятивший целую колонку предстоящему судебному заседанию – он восседал, еще более величественный, чем судья, в первом ряду зрителей, одетый как джентльмен, с волосами, прилизанными новомодным французским бриллиантином). А вот истец – мужчина лет тридцати, владелец небольшого ранчо в окрестностях Сардиса – выглядел невзрачно. Когда впоследствии жены присутствовавших на суде мужчин просили рассказать, во что был одет разводящийся Сайрус Кэмпбелл, никто не мог вспомнить таких подробностей. Его жена в полную противоположность мужу была одета знатно, но с присущей двадцатипятилетней женщине скромностью. Ее черно-синева-тое платье дополняла темно-темно-красная шапочка и черные перчатки. Несмотря на жару, от нее веяло каким-то холодом, и можно было удивиться, как она не потеет (впрочем, есть люди, которые вообще не потеют).

– Итак... – произнес судья.

Это магическое слово привело в действие всех присутствующих: истец сел на свой стул, его жена сняла шапочку, но не перчатки, прокурор спрятал трубку в карман жилета, редактор «Сардисского Меркурия», который в жару принес с собой бутылку ледяного лимонада и уже собирался отпить немного, ловко спрятал ее от посторонних взглядов, присяжные заняли скамьи, зрители смолкли.

Захария Стромонт отвлекся: его совершенно не интересовали процедуры открытия суда, представления присяжных и т. д. Все это он видел и слышал уже несколько сот раз, начиная с детства, когда десятилетним мальчишкой будущий джентльмен и муж очаровательной миссис Дженнифер Стромонт пробрался в здание суда, где слушалось дело под председательством ее отца – собственно, так они с Дженни и познакомились. Мысли в направлении очаровательной жены надолго отвлекли Стромонта от окружающего мира, и лишь когда судья предоставил слово прокурору, он вновь стал различать, что говорят и делают вокруг.

Прокурор обратился к истцу:

– Мистер... – как назло, фамилия истца вылетела в этот момент из его памяти. – Мистер... э... мистер Кэмпбелл (все облегченно вздохнули, как после удачной тирады из уст заики), вы должны изложить нам мотивы, заставляющие вас расторгнуть брак. Тем более что ваша жена, миссис... Кэмпбелл (прокурор едва не чертыхнулся на свою забывчивость), категорически против развода.

Стромонт закивал. Понятно, почему миссис против: для дочери занудного учителя воскресной школы брак с землевладельцем

два года назад стал отличной партией, и скромная девушка в серой фланели в мгновение ока превратилась в надменную женщину, правящую изящным – и недешевым, между прочим, – экипажем. Все шло хорошо, и вдруг – месяц тому назад – как гром среди ясного неба: Сайрус Кэмпбелл подает на развод.

Кэмпбелл замялся. Одно дело заявить: «Хочу развестись», но совсем другое – публично рассказать всему городу, всему округу о действительной причине. Он начал издали:

– Ваша честь... я должен произнести неприятные мне слова... и поверьте... никогда бы не вынес личные... чувства на публику... э-э-э... но... я... я... любил миссис Кэмпбелл... и... рассчитывал... м-м-м... на взаимные чувства... с ее...

– То есть вы утверждаете, – прокурору надоело ждать конца этим мучениям истца, – что причиной развода является нелюбовь вашей жены к вам?

– Да, – кивнул Кэмпбелл.

– Мой муж жлет, – только и выдавила из себя миссис Кэмпбелл.

– То есть вы, миссис Кэмпбелл, утверждаете, что вы любите вашего мужа.

– Да!

Все взоры опять обратились на Кэмпбелла.

– Мне трудно объяснить... я хочу объяснить... любовь... это не только слова... и я...

Стромонт первым из присутствующих догадался, о чем речь. Достаточно было посмотреть на миссис Кэмпбелл, чтобы окончательно в этом убедиться. От нее веяло той особой холодностью, какую распространяют вокруг себя старые девы. Сдержанность превращалась в бесчувственность, приличие оборачивалось ханжеством, религиозный фанатизм, вдолбленный папашей в ее голову еще в детстве, отвращал от грехов плоти. И напротив простой сельский парень, изрядно натрудившийся за день и желающий простого женского внимания. Стромонту, которого вдруг оставила жажда, стало жаль Кэмпбелла, ведь теперь из-за своего маленького горя он прославится на весь штат в качестве дикого развратника, что бы там ни присудил суд. Редактор подумал о том, что ему, Захарии Стромонту, повезло, ведь все размолвки (а миссис Стромонт была еще тем бесенком!) не стоили и одного взгляда его жены. И вспомнил ту милую девятилетнюю девочку в лиловом платице на балконе зала суда, которая надувалась от важности: судит мой отец!

Новелла десятая. Варшава

Утром того же дня на извозчиьем дворе пригорода Варшавы – Праги подрались два извозчика. Они и раньше не терпели друг

друга – огромный чернявый поляк с лицом, будто сошедшим с полотен Матейки, но каким-то нагловатым и даже подловатым, он всегда был в хорошем настроении – насмешливый и язвительный, он задирали других извозчиков и нередко пускал в дело свои огромные кулаки; другой – рябой белорус из-под Смоленска, на лице которого застыло вечное выражение какого-то горя, обиды, хотя никто не знал, что за горе, и что за обида, – он прибыл по пачпорту совсем недавно и едва успел освоиться в шумной столице: путал улицы и однажды привез грузного потного пана вместо Венского вокзала к Королевскому дворцу, за что пан вместо платы дал ему в морду. Мелкие стычки между ними не могли пройти даром, и вот сейчас, когда Анжей публично оскорбил его мать, назвав ее шлюхой, смолянин не стерпел и кинулся в драку. Он бы измолотил обидчика, но тот умело увернулся и с оглоблей в руке отскочил на открытое пространство. Несколько других извозчиков, которые пришли из соседнего трактира и ковыряли спичками в зубах, наблюдали сцену. Неподалеку фыркали лошади.

– Мою мать... мою мать... – стенал Синев (так его фамилия значилась по пачпорту), а обидчик не упустил удовольствия еще раз оскорбить его:

– Твою, шлюхин сын. Ха-ха! – Анжей слышал это выражение от одного католического монаха, вроде венесуэльца – там так ругаются, за Атлантикой.

Нет, реальная драка не похожа на картинную – редко бывает, что один из дерущихся красивым ударом сразу валит противника, да и оба они делают много лишних движений. Но скоро стало понятно: Анжей побеждает. Он ударом оглобли выбил передние зубы Синеву, и тот, плюясь кровью, кидался на обидчика, но лишь раззадоривал его. Извозчики смотрели и ругались. Наконец Анжей кулаком сбил Синеву с ног и дважды ударил по голове. Синев терял сознание, но продолжал стенать:

– Мою мать... мою мать...

Никто не подошел разнять их, и Анжей, еще два раза ударив, спокойно ушел в регистраторскую умыться, а его жертва валялась в пыли и навозе, вздрагивая от спирающего дыхания.

А еще в этот самый день – 25 августа 1900 года – в веймарской клинике умер Фридрих Вильгельм Ницше и родилась моя прабабушка – выпускница Белостокского института благородных девиц, который во время империалистической войны был эвакуирован в Москву. Ее родители хорошо знали родителей будущего польского писателя Витольда Гомбровича.

Станислав Янчишин НЕ БОЙСЯ!

Никто их не ждал. Но они пришли! Пришли внезапно. Пришли ниоткуда. Жестокие, могучие, неуязвимые демоны. Они брали у людей всё, а непокорных, усомнившихся в их силе, убивали. Демоны разили огнем, дымом и громом, казалось, нет силы, что сможет их остановить.

Внешне демоны напоминали людей, но тела их покрывала странная одежда, кожа была подобна камню – ее не брали ни копые, ни стрела. Прислуживали им младшие демоны, различные по своему виду. Одни носили старших по небу, другие – по земле, наполняя округу смрадом и грохотом. Были у них звери, рывшие землю или способные в один миг сломать самое толстое дерево. Чудовищам подчинялись невиданные силы, взметавшие к облакам огромные скалы.

Сперва люди старались задобрить непонятных пришельцев, принося им в дар лучшее мясо и рыбу, шкуры и меха. Но демоны, почуяв добычу, становились все более жадными, требовали больше, больше, больше... Поначалу они призвали много сильных мужчин и дали им тяжелую бессмысленную работу. Люди изнемогали, валя лес, перетаскивая камни, копая ямы. Несогласных избивали, а вскоре стали убивать; тех же, кто перед ними заискивал, угощали диковинными кушаньями и дурманящей водой.

Вскоре демонам захотелось самых красивых девушек и жен. Такого в роду Сайгака еще не бывало. Покориться означало бы не только опозорить себя, но и нарушить все людские законы, подвергнуть человечество опасности появления невиданных чудовищных ублюдков. Все родовые обычаи издавна запрещали людям скрещиваться с не людьми.

Вожди Сайгаков отказали, и демоны, расвирепев, пришли в поселок, разорили его, убивая всех, кто попадался под руку. Род Сайгака погиб, лишь немногие уцелевшие донесли грозную весть до слуха соседей. Возроптали окрестные роды, но слишком уж далекой казалась беда. Каждому шептал его второй голос: «Может, Сайгаки сами виноваты – чем-то оскорбили могучих демонов. Успокойся, это же не твою жену или сестру взяли демоны на забаву, не твоих родичей убили...»

Но беда пришла и к тем, кто так думал.

* * *

«Только бы не нашли, только бы не поняли! Нет, не должны... Куда бежать, сколько бежать? Кто же мог подумать? Куда они

пойдут теперь? О-о-о! Что же мне теперь делать-то?! Ну что, что, что, что, что?..»

* * *

Теперь демоны явились к вождям Бобров и угостили тех сладкой водой, что дурманила разум, принесли удивительные подарки. Через неделю род Бобра превратился в рабов. Мужчины умирали от непосильного труда и от колдовства, навеянного демонами. Те, кто работал в большом доме, где крепчайший камень от нестерпимого жара становился мягким, заболели странной болезнью. У них выпадали волосы, тело покрывалось язвами. Упивавшихся гнали на работу силой. Вскоре у мужчин уже не было ни сил, ни желания беспокоиться о судьбе своих жен и детей. Редкие беглецы рассказывали ужасные вещи о том, как чудовища расправляются с непокорными: жгут огнем, что нельзя погасить водой, бьют молниями, опаивают соком, от которого человек становится тупым и покорным...

А потом в округе стали пропадать девушки...

Однажды на рассвете в поселок рода Волка прибежала дочь одного из старейшин, исчезнувшая накануне. Истерзанная, с безумным огнем в очах, она поведала Матерям о тех ужасах, которые демоны творили с ней и другими человеческими женщинами. До вечера слушали Матери в отдаленной хижине ее рассказы, совещались. А после они сказали свое твердое слово: «Такого терпеть нельзя!» И Камень, самый искусный воин рода, прокричал боевой клич и зажег сердца Волков гневной речью, и побежали к соседям гонцы с вестью.

Собравшиеся на Великий Совет вожди и старейшины постановили – война!

Более тысячи храбрых воинов сошлись вместе, зажгли боевые костры и произнесли страшную клятву. Подобно стремительным оленям обрушились храбрецы перед рассветом на стан врага. Но осветили их лучи холодного света, и изрыгнули демоны огонь...

* * *

– Да не трать, ты патроны зря, Лысый...

– А тебя это сильно колбасит?! – Лысый снова тянется к бутылке. Он уже и на ногах с трудом стоит.

– Студент правильно говорит, – подает голос Чича, здоровенный детина в камуфляже. – Патроны экономь, а падаль эту древнюю нужно добивать вот так... – Он подходит к скорчившемуся от боли молодому воину. Живот у того разорван, а левая ступня держится лишь на сухожилии. – Ну что, гадина, совсем плохо? Щас подлечим. – Мелькает штык-нож, слышится хрип. – Всего делов-то.

Жутковатый все-таки тип этот Чича. Никто из пацанов ничего толком не знает о его прошлом, с Батяном он почти накоротке, и все же пашет, как все, в караулы ходит. Но повадочки!..

– Правильно, Чича, резать! – Лысый хватает валявшееся рядом копые и начинает с остервенением всаживать его в распростертые вокруг тела. – Суки! Падлы! Жеку замочили, козлы! Суки! Уроды! Всех, всех!.. – Неловкое движение, и копые ломается. Яростно матерясь, Лысый хватает автомат и выпускает остаток рожка в кусты. – Патроны жалеете? Да я б их...

– Лысый, чо ты, как баба, психуешь? Напился уже, блин. А ну, вали в лагерь!

Лысый останавливается и вызывающе смотрит на Чичу.

– А ты мне кто, папа-мама?

– В лагерь... я сказал! – Взгляд Чичи тяжел, а слова – будто свинцовые гири.

Через несколько секунд Лысый сдается и уходит, пиная по дороге трупы дикарей.

– Опять нажрался, урод. Ща спать завалится, а мы работай! – это в разговор вступил околавившийся неподалеку Шуля, юркий, небольшого роста парень с невероятно прыщавым лицом. Он уже притащил охапку каких-то бус и подвесок. – Жеку он пожалел, как же! Жека ему триста баксов остался должен, а Лысый – жмот, вот и кипешует.

Пацаны хохочут. Лысый им смешон. Кстати, никто толком не знает, почему его прозвали так. Совсем ведь не похож: на голове – неопрятный черный хаер с претензией на какую-то моду. Последние недели Лысый совсем не в себе, то бренчит на гитаре, то часами может молча сидеть, подергивая ногой, то, охваченный приступом ярости, начинает крушить все вокруг. Правда, в драку не лезет – комплекция не та, постоянно пьян... или с похмелья. Невротик, в общем.

– Дурак! – веселится Чича. – В конечном раскладе триста зеленых – понт! А ты, Шуля, уже набрал чего-то?! – в его голосе слышен оттенок презрения.

– Да так, мелочевка... – Шуля жметя, он ведь и сам жмот порядочный.

– Ну покажи, покажи!

Шуля резко свистит, и из кустов выскакивает абориген чудовищного вида – высокий, худющий, с длинными черными волосами. Лицо дикаря покрывает короткая густая щетина. Рот растянут в угодливой улыбке и потому заметно – верхнего левого клыка не хватает. Из одежды имеются лишь затасканные меховые штаны, такие же первобытные, как и он сам. В руках «чудовище» тащит объемный рюкзачок – переносную «казну» Шули. Дикаря

зовут Дурень, и служит он в качестве посыльного при пацанах уже несколько дней.

– Короче, – важно поясняет Шуля, – здесь сердолики, хризопразы, янтарь. Жемчуг – так себе, яшма попадается.

– Драгоценные? – усмехается Чича, его толстые пальцы перебирают добычу.

– Нет, ты, Чича, не понимаешь, а я когда-то по этому делу учился. Даже за это дома можно неплохие бабки выручить, если по уму. Уже килограмм пять такого набрал. Вон, Студент тоже не теряется.

Студент и вправду не теряется. Он рассматривает наконечник сломанного Лысым копья.

– Во, козел, сломал! Сломал, блин. Хороший ведь был образец, – ворчит он, пристально осматривая оружие убитых. Пацанам давно известно, что Студент собирает разную каменную лабудень. Внезапно он кидается к одному из тел.

– Что нашел? Опять какая-нибудь первобытная хрень? – смеется Чича.

– Да так, интересный образец, – у него всё образцы.

Чича, усмехаясь, смотрит на дрожащие руки Студента и, пожав плечами, отворачивается. А Шуля интересуется:

– Шо там, Санёк?

– Вот, смотри, какая фигня. Соображаешь, что за камень?

– Студент показывает небольшой, покрытый резьбой, искусно отполированный топорик.

– Нефрит?!

– Точно, – подтверждает счастливый добытчик, пряча находку под бронезилет. – Воздем, наверное, был, – кивает он на тело огромного крепкого мужчины с проседью в бороде, увешанного бусами из волчьих клыков. В руке покойник продолжает держать длинное копье, губы плотно сжаты. Если бы не страшная рана во лбу, могло бы показаться, что он сейчас вскочит и ринется на ненавистных врагов. Но нет, не вскочит.

– Слышь, Санёк, я давно поговорить хотел. У тебя ж там какие-то края есть, ну, насчет вот этой археологии... Может, вместе толкать будем? И удобней и безопасней, а?

Студент оценивающе смотрит на Шулю.

– Ладно, в лагере перетрем, – заканчивает разговор прыщавый парень.

Слышен рев моторов. Со стороны базы несутся два джипа.

– Братва, хорош развлекаться! Батян приказал съездить в поселок Тарпанов и навести шмон. Я огнемет прихватил, повеселимся! А доходягами пусть «шакалы» занимаются, – кричит

Гарик, крепко сбитый молодой человек в тельняшке, опоясанный, на манер киногероя, пулеметными лентами.

«Братва» без возражений заскакивает в машины и уносится, а со стороны лагеря легкой трусцой приближаются несколько союзных дикарей. Помогают, прислуживают, подбирают то, чем побрезговали хозяева. Это – «шакалы».

* * *

...Страшна была битва. Как барсы атаквали воины, но демоны били их громом на расстоянии, с воем вонзали в ряды храбрецов злобных духов. Убийственные смерчи пронеслись по рядам людей. Тех, кому удавалось подойти ближе, чудовища поливали жидким огнем, но воины всё шли и шли вперед. Тогда вождь демонов выдохнул удушающий дым. От него не было спасения. Страшное колдовство разъедало глаза, жгло глотки, не давая дышать. Дрогнули сердца у самых стойких, и люди побежали прочь, а демоны настигали их и разили, разили!

Очень немногим удалось выжить в то утро. В наказание за дерзость вождь демонов Батян приказал уничтожить поселки Волка, Тарпана и Змея. Уцелевшие люди были схвачены и обращены в самое тягчайшее рабство. Ужас сковал народы. Оставалось покориться неуязвимым чудовищам, платить дань, давать работников, делать все, что они прикажут. Ибо надежды не было.

И появились такие, что стали сами, по доброй воле, прислуживать жестоким демонам, получая подачки и объедки с их кровавого стола, «шакалы».

* * *

Жарко. Пацаны отдыхают под тенью огромного дуба, раскинувшего свои могучие ветви на самой окраине лагеря. Где-то надрывается Круг: «Владимирский централ, ветер северный...» Чича устался в потрепанный томик Шитова, Студент и Шуля перебирают свои находки, тихо переговариваясь. Лысый сидит чуть в сторонке, нервно подергивая ногой и то и дело прикладываясь к пластиковой бутылке. В ней – то ли кола, разбавленная самогонном, то ли самогон, разбавленный колой, уже не понять. Автоматы свалены в сторонке – бояться-то нечего.

– Вот смотри, это – листовидный кремневый наконечник. Здесь таких много. А это – костяной. Ареал их распространения лежит восточнее. Такие стрелы обладают лучшими аэродинамическими свойствами, лучшей баллистикой, то есть – дальше летят, – Студент поясняет новому деловому партнеру тонкости «ремесла».

– Ага, короче, кремневых тут полно...

– Ясный красный! Сейчас же неолит. Это я потом объясню. Ты, я вижу, в камнях неплохо шаришь, так что ищи обсидиановые и нефритовые изделия. Они ценятся особенно высоко, хотя, бывает... вот, – из коробки появляется длинная и тонкая пластинка кремня. – Видишь, какая искусная работа? Сделай такую труднее, чем выковать железный нож, к примеру. Глянь, какое острое лезвие получилось. Один неверный удар мастера – и всё, загублена вещь.

– Да заткнитесь вы! – орет Лысый – Задолбали своей археологией!

– Сам заткнись, – небрежно бросает Студент.

Лысый буквально взрывается. Он подбегает, но не кидается на обидчика, который выше его на голову и шире в плечах, а начинает топтать его ценный товар и тут же валится от резкого тычка.

– Ах ты, сука! – ревет Студент, сжимая кулаки. – Ты знаешь, на какие бабки сейчас попал?

– Кто сука?! – Лысый пытается встать, но вновь падает на траву, это в «беседу» вступил Чича. Лысый негодует: – Шо ты, Чича, за кого мазу тянешь? Шо это падло на меня гонит? Слышал, он меня сукой назвал. Пацаны...

– Правильно назвал, – голос Чичи спокоен, но Лысый слишком хорошо его знает. – Ты нормальному пацану товар попортил, должен ответить.

– Да я отвечу, но он же меня сукой обозвал при пацанах! Слышь, ты, Студент, ты борзый, да?

Не совсем понятно, как Лысый собирается, если что, драться со Студентом, ведь его противник больше и сильнее. Похоже, вся эта выходка – просто истерика.

– Сиди спокойно, базарь тихо! Рабы рядом.

Пацаны переглядываются. А ведь Чича прав. Это закон – не ссориться при дикарях, не устраивать разборки. Поддерживать авторитет надо не только оружием.

Но Лысый заводит себя все больше и больше.

– Кого бояться, скотов этих, лохов этих первобытных? Я, что ли, их бояться должен, вот этих козлов?! – бесится он.

На беду, мимо как раз проходит один из рабов, тащит какие-то бурдюки. Не помня себя, Лысый пинком опрокидывает его на землю и начинает молотить несчастного дикаря тяжелыми армейскими ботинками, вымещая свое раздражение. Он бьет так остервенело, что через минуту все уже кончено, тот лишь хрипит, но щуплый, брызжущий слюной, матерящийся «хозяин» продолжает избивать почти бездыханное тело.

Хлопок выстрела. Фонтанчик пыли взметнулся у самых ботинок Лысого. Шагах в двадцати стоит Батян с пистолетом в руке.

Шеф не очень любит стрельбу – видно, на этот раз Лысый его действительно достал. Сам Батян выглядит колоритно: новенький американский камуфляж, ноги обуты в «казаки» на высоком каблуке, чтобы казаться выше; венчает композицию чудовищной афро-американской расцветки кепка какого-то клуба. И хотя пузатый Батян выглядит несколько комично, Лысому совсем не до смеха. Чича уже стоит у него за спиной, готовый выполнить любой приказ шефа, но Батян лишь подзывает буйна к себе.

– Что, гарсон, нервишки расшатались? – Лысый пару сезонов отработал официантом в Судаке и не любит, когда ему это напоминают. А Батян хорошо это знает.

– Да понимаете, Михал Ильич...

– Ты, козел, – Батян словно приговор читает, – только что угробил работника, здорового и сильного. Завтра он должен был отправиться на урановую...

– Да ну что вы, Михал Ильич, ну погорячился я. Бока запорол...

– Не перебивать!.. Так вот, этот дикарь должен был пахать на меня. И на всех пацанов. Понял? Ты его убил, а я – потерял бабло.

– Шеф, ну чего там зверьков этих жалеть... Зато остальные спокойней будут...

– Туго врубаешься? Я не о нем, я о своем убытке! Ты, сывка, меня прокидал, ты всю братву прокидал!

Лысый бледнеет, бормоча невнятные оправдания, а Батян продолжает:

– Нервы, значит, расшатались. Подлечим. Отправим, наверно, вместо этого, тебя на уран. А? Поработаешь, успокоишься...

– Батян!.. Простите, Михал Ильич, простите...

На Лысого страшно смотреть, он пытается упасть на колени, но вездесущий Чича подхватывает штрафника за ворот рубашки.

– Чича, – шеф закуривает короткую толстую сигару, распространяющую фруктовый аромат, – ты парень авторитетный, по базару с этим недоумком. Да приберите быстрее доходягу! Он, наверно, сдох, в такую жару быстро вонять начнет.

– Сделаем, Батян! – Чича круто разворачивается на каблуках, волоча за собой Лысого. – Студент, обеспечь!

– Дурень!

На зов Студента прибегает один из аборигенов с красной повязкой на руке. Студент выдает несколько слов на местном наречии. Дикарь подобострастно склоняется, затем, свистом подозвав двоих рабов, дает им указания. Труп уносят.

– Дурень? – удивляется Батян.

– Точно так, Михал Ильич, – смеется Чича. – Это Студент придумал. Клички для наших «шакалов». Дурень у них вроде бугра,

наверно, потому, что самый высокий. Недели три, как у нас. Да вы у самого Санька спросите.

– Студент, значит? Молодец. Ну-ка, иди сюда. Слышу, язык их хорошо выучил.

– Что вы, Михаил Ильич, так, самое необходимое...

– Не скромничай. Для всего актива кликухи выдумал?

– Конечно! Вон тот, с плеткой – Дебил, а есть еще Чухан, Урод, Чмо...

– Как ты сказал? – Батын хохочет, пацаны подхватывают. Кажется, эта затея понравилась шефу. – Слышь, отойдем-ка. – Успокоившийся Батын берет Студента за локоть, и они медленно начинают удаляться. – Слышал я, что у тебя какая-то новая задумка есть.

– Совершенно верно, Михаил Ильич. Если бы была возможность перебросить оборудование в Южную Африку...

– При чем тут Южная Африка? – настораживается Батын.

– Алмазы! Понимаете? Богатейшие месторождения алмазов. А условия для разработки намного легче, чем, скажем, в Якутии.

– Так, стоп. Давай по порядку. Ты детали обдумывал? Прежде чем мы наведемся к этим неграм... там кто сейчас живет?

– Э-э... Согласно археологическим данным – бушменоидные племена.

– Бушменоидные, – усмехается Батын. – Тебя с какого курса истфака вытурили?

– С третьего, – кривится Студент.

– Не беда, Саня. Тебя ведь Саней зовут? Так вот, думаю, хватит тебе в нарядах париться. Нужен мне консультант по всей этой древней хренотени...

Шеф со Студентом уже удалились, и ребята, внутренне расслабившись, вновь спокойно присаживаются на траву.

– Пошел наш Студентик на повышение, – затравленно шипит Лысый.

– Ты вообще молчи, урод, – косится на него Чича. – Студент только что твою задницу из пекла вытащил. Радуйся, что у шефа настроение поднялось!

– Да-а, – вздыхает Шуля и вдохновенно, хотя и не к месту произносит: – Батын все-таки у нас башковитый!

– А то! – подтверждает Чича. – Батын наш скоро круто поднимется. И мы вместе с ним, кто поумнее...

– Точно, я себе сразу «мерс» куплю, шестихатый...

– Мерс-шмерс, – передразнивает Чича. – Мелко плаваешь, Шуля. Шире смотри. У нас целая планета в кармане. Батын дело конкретно поставил. Уже и жилка золотая, и плантари маковые, а главное... – он многозначительно понижает голос, – урановая

руда! Ты хоть представляешь, сколько килограмм этого добра стоит?.. Тут империей пахнет.

Пацаны притихли и смотрят на Чичу, как ученики на восточного мудреца, лоя каждое его слово, а «сэнсэй» продолжает:

– Я так мыслю, что мы здесь серьезно обосновались. Завтра отправим первый груз. Наши закупают всё, что надо, подкрепление прибудет, вот тогда и развернемся!

– Нет, ну Батян-то в натуре Аль Капоне! – восхищенно шепчет Шуля.

– А как он этих физиков долбанных нашел, – подключается Лысый. Он уже оклемался и спешит выказать лояльность. – Блин, жертвы демократии недокормленные...

– Да, – подтверждает Чича, – с физиками это он ловко, а то б их быстро перехватили или государство захапало.

– Наше захапает, жди! Оно им лоховские зарплаты, и те годами не выплачивало. Как у них еще бошки работали. – Лысый достает сигареты и угощает пацанов. – Скорее уж, америкосы или японцы...

– Хм... Верно базаришь, Лысый. Не все еще мозги пропил, молодец, – весело смеется Чича. – Эх, тут бы фазенду себе отгрохать... Места-то какие – шик! А рыбалка! А охота! А что, нормальный ход! Теперь тихо, с последнего кипеша уже месяц прошел, а всё нормально.

– Классно мы их тогда сделали! – возбужденно бьет кулаком по земле Лысый. – А Батян-то, как только Жеку завалили, сразу приказал газ пустить, чтоб ни одна падла не ушла. И правильно! Мы же – бессмертные демоны, а Батян – царь демонов!

– А-ха-ха! Царь демонов... – дружно хохочут пацаны.

– Ну нормально, – отдышавшись, резюмирует Чича, – значит, рабсила бесплатная, стройматериалы – тоже. Рабы на нас пахать будут, а «шакалы» – плетками махать. Будешь махать? – это уже сидящему невдалеке на корточках Дурню. – Будешь?!

Дурень угодливо улыбается, пытаясь распознать, что кроется за интонациями непонятного демонического языка. Он жалок: глаза бегают, спина верноподданно изогнута. «Шакалу» ничего не понятно и потому – страшно. Дикарь что-то бормочет, то и дело поправляя сползающую на локоть «шакалью» повязку.

– Эй ты, обезьяна, шо лыбишься? С тобой демоны говорят, – Лысому хочется получить разрядку, отомстить за недавно испытанное унижение – унижить того, кто несравненно слабее его. – Ну, ты, чучело, возьми «бум-бум»!

– Че это ты придумал? – удивляется Чича.

– Тихо, не ломай прикола! Они же боятся автоматов. Особенно жахаются после того, как Гарик на прошлой неделе два проводка

подключил к «калашу» и заставил раба схватиться. Так паленым воняло! Теперь близко бояться подойти, колотятся.

– А-а-а, понятно. Слышь, Шуля, ты немного по-ихнему волокешь – прикажи!

Шуля выкрикивает пару коротких рубленных фраз, властно указывая на лежащие под кустом автоматы. Прямо не мелкий прыщавый бандитишка, а олимпийский бог – уж такой он величественный! Дикарь действительно трясется всем телом и начинает что-то умоляюще лепетать, но Шуля еще более грозным тоном повторяет приказ. Дикарь медленно приближается к оружию, то и дело оглядываясь на Шулю. В глазах его ужас, они будто кричат: «За что?!», но демон непреклонен.

– Гляди! Щас усытятся со страху, – обрадованно шепчет Лысый, Чичу сотрясает беззвучный хохот.

Наконец «шакал», решив, видно, скорее покончить с этим ужасом, хватает автомат.

– Бам!

Дикаря всего передергивает, а пацаны весело гогочут.

– Глянь, живой! Молодец, Дурень, так служить!

Несчастный Дурень стоит на коленях, отрешенно глядя на автомат в своих руках, кажется, еще не понимая, жив он или уже мертв. Пальцы дрожат, медленно ощупывая металл. Щелкает случайно задетый предохранитель, переведя оружие в режим автоматической стрельбы. От этого звука абориген вздрагивает, вновь начиная осмысленно воспринимать происходящее. Это вызывает новый приступ смеха (пацанам совершенно нечего бояться – отсоединенные магазины спокойно лежат в подсумках на травке). Постепенно и на лице Дурня проступает улыбка. Еще бы – он жив, ничего плохого с ним не случилось и уже не случится. Ни за что не случится!

* * *

«Как же вы, гады, мне надоели!!!»

А дальше все просто.

Присоединить магазин, дослать патрон в патронник и глянуть последний раз в эти осточертевшие нелюдские рожи. Затем – очередь. Шуля падает, так и не успев ничего понять, тупой и самодовольный. Валится ничком Чича, пытавшийся выхватить из кобуры «стечкин», а в глазах Лысого навсегда застывают страх и непонимание.

И никакой тревоги, ведь в лагере привыкли к выстрелам!

Еще выстрел – в бредущего из-за кустов сонного Коляна. Его смерть видят рабы: демоны смертны. СМЕРТНЫ!

Очередь по вышке – и Гарик, утомленный полуденным зноем, так и остается в своем кресле. («А нечего было пластины из броники вытаскивать! Жарко? Теперь тебе всегда будет жарко!») Ножи, отличные стальные ножи – в руки рабам, нет, уже не рабам...

Демоны смертны. Одна граната – в люк БРДМ, другая – в окошко караульного домика. И очередями, очередями по облевнившимся, забывшим опасение, изумленным негодьям. Демоны смертны. Вокруг кипит резня, восставших не остановить, ведь демоны смертны! Со стороны завода доносятся хлопки взрывов, горит вертолет, пылают какие-то бочки...

– Студент, у меня кончились патроны! – захлебывается Батян.
– Патронов дай!

– Я не взял... – лепечет «консультант по древней хренотени».

Нет патронов? Это хорошо. Толпа медленно обступает двух последних, еще живых, «демонов». Один миг – и их разорвут, но тут в центр выходит Дурень с автоматом на плече. Дикарь ступает спокойно, левой рукой делая знак не трогать окруженных. Его слушают, на него смотрят с обожанием. Дурень останавливается шагах в пяти от Батяна и медленно направляет на «сладкую парочку» ствол.

– Санёк, – у Батяна подрагивают губы, рука все еще сжимает ненужный пистолет, – переводи, только точнее, убедительней. Они нас еще побаиваются. Я же – царь демонов!

Студент переводит. Не очень точно, но весьма красочно; на-верное, он так не старался ни на одном экзамене. Предложения Батяна примитивны: царь демонов высоко ценит Дурню, погибших слуг не жаль. Дурень должен перейти на его сторону. Тогда мудрый Дурень получит много вкусного мяса... мягких шкур... красивых камней... женщин и пьяной воды. Дурень станет великим, он будет самым главным «шакалом»...

– Сам ты – «шакал»! – слышится ответ, и выстрел обрывает короткую никчемную жизнь красавчика Студента.

Оставшийся совсем один Михал Ильич вдруг, холодея всем телом, понимает, что слова эти сказаны были по-русски!..

* * *

...И тогда нашелся Рыболов из рода Гепарда. Он говорил, что демоны – вовсе не демоны, а лишь хитрые колдуны, овладевшие могучим оружием. Они сильны, но смертны. А любое оружие можно направить против хозяина! Многие сомневались, но нашлись и несколько храбрых помощников. Лазутчики проникли в стан врага, втерлись в доверие, и когда настал час, пришла неминуемая расплата...

* * *

– Что уставился, дядя? На мне узоров нет и цветы не растут. – Я стою перед этим подонком и наслаждаюсь. Увы, всегда был склонен к мелким театральным эффектам.

– Ты кто, парень? – видать, он мучительно пытается сообразить, кто же из конкурентов меня подослал.

– Иван Федорович Крузенштерн – человек и пароход! – обожаю любимые цитаты, к месту и просто так.

А Михал-то Ильич, как и все профессиональные негодяи, соображает быстро. Через несколько секунд очухался, и вот уже сыплются обещания: много баксов, тачка-дача... Говорит уверенно, ведь он привык быть хозяином положения, вот только глаза, глаза выдают потрясение и животный, нечеловеческий страх.

Я обрываю его:

– Все это мне уже предлагалось. Только что, забыл? «Много мяса, красивых камней, пьяной воды...» Скучно, не вижу разницы. Придумай-ка что-то свежее!

Он реагирует мгновенно. Конечно же, он меня просто недооценил. Я достоин большего, а здесь – громадные перспективы. Горы полезных ископаемых, нетронутые леса, чистые реки, наивные лопухие дикари – все это может быть нашим. И никаких налогов, никакой конкуренции. В общем: Рокфеллера за пояс заткнем, а Билл Гейтс будет служить у нас на посылках. Мы, оказывается, можем править вместе или – поделим Землю. Как я смотрю на владение, скажем, Северной Америкой? И Южной, в придачу?..

– И вообще, неплохо бы объявить себя региональным богом, – меня уже начинает тошнить от этой мрази. – А ведь ты, Мишаня, даже не шакал. К чему оскорблять милых симпатичных зверей? Ты – упырь! Воючий подлый кровосос. Ты испоганил человеческую мечту. Машина времени, параллельные миры – сколько было сюжетов, как этим зачитывались! А ты своими щупальцами попытался засунуть эту мечту под себя, растоптав несчастных романтиков-ученых. Дома ты, наверно, был негодяем мелким, неудачливым. Теснили тебя со всех сторон, и вдруг – такой шанс!

А я-то, дурень-дурень, думал, что сбежал от вас навсегда, смогу отдохнуть, забыть про всё... Рыбку всласть половить! Ты знаешь, сволочь, как я люблю ловить рыбу? Так нет же, вы меня и тут достали. Что ж вы всюду лезете, как дерьмо из забитого сортира?!

Целая планета, Земля нашего прошлого, не имеющая иммунитета к таким тварям, как ты! И ведь не забрался куда-нибудь в меловой период – опасно. Там же динозаврики. Ты стал кромсать молодую, только нарождающуюся человеческую цивилизацию,

насиловать ее. Еще бы, ведь нужны рабы – запуганные, темные, покорные...

Там, дома, вы пируете всласть, топчя человеческое достоинство, упиваясь своей властью, упыри проклятые! Вы всё изгадили, отравили, заразили ненавистью, облапали.

Ты, жалкий и трясущийся, признающий только силу, стоишь сейчас передо мной. Ты и сейчас, сквозь страх, презираешь меня, за то, что я не приму твоего предложения (перспективы же!). А зачем мне соглашаться? Чтобы наполнять платиновый унитаз, играть в поло человеческими головами, свергать и назначать президентов? Глупости это все, туфта, по-вашему.

Я хотел спрятаться от ваших «зинок-картинок», «этапов» и «централов» здесь, но дома, дожирая последние куски нашего мира, вы яростно грызетесь между собой, вам уже тесно. Ты первым ворвался сюда, чтобы набить брюхо новой порцией человечины. Вот этого я тебе не прощу!

А знаешь, я не стану тебя убивать... Да не тряси ты головой, дай досказать! Не стану, ведь эти смелые, но наивные ребята могут обожествить меня – победителя демонов. Нет уж, пусть знают, что демонов не бывает.

* * *

Я разворачиваюсь и иду прочь. За спиной слышен вой отчаяния, яростные крики, удары, хруст – это рвут на части неудавшегося повелителя Земли. Правильно. Как говорил один мой знакомый ангел: «Когда людям становилось неважно, они устраивали революции!» Правильно, но смотреть не хочется.

Боже, как я устал! Не хочу работать внештатным спасителем человечества... Хочу прилечь на бережку, закинуть удочки, а самому глядеть, как одно облачко наползает на другое. Хочу дождаться ночи и смотреть, смотреть, смотреть на звезды – огромные и такие близкие... Но ведь так не получится. Слишком долго я бегал. Эвон как далеко убежал! А что толку? Нет, нельзя быть беглецом всю жизнь. Я больше не Рыболов и не Дурень. Я не боюсь!

И что делать с горами оружия, оставшимися после этих упырей? А ведь на их место могут прийти новые людоеды, еще более хищные. Что ж, это моя Земля и мои люди. Я их не оставлю. И их необходимо подготовить. Как? Огонь люди давным-давно освоили. Возможно, пора подумать об азбуке... и геометрии.

Уже вечер, и до рассвета есть время подумать. А солнце взойдет утром. Обязательно взойдет!

МНЕНИЕ**Анна Проценко
ПСИХОЛОГИЯ СТРАХА*****Новелла Александра Апалькова «Вечно»***

Психологи знают об эмоциях, буруевающих нас, гораздо больше, чем мы полагаем, веря расхожей сентенции о тайнах человеческой души. Взять, например, монографию Фрица Римана «Основные формы страха». Но психологов мало, а читателей много. Да к тому же читатель вовсе не жаждет сухого академического изложения. Вот и не угасает интерес к художественным произведениям, в которых страсти человеческие представлены в конкретных образах, волнующих сердце.

Новелла Александра Апалькова «Вечно» (издательство «Склянка Часу». Канев, 2017) пропитана тихим страхом.

Возлюбленная центрального персонажа, студента выпускного курса, отличника Ивлева говорит ему странные слова.

«– Ах, зачем всё это? – шептала она и прижималась с невероятной силой. – Не надо! Только этого не надо! – противилась она моим рукам, пробиравшимся к ней под платье.

– Ты же мучишь меня, – пробивался я.

– Я люблю тебя, – опускала они свои черные глаза.

– Почему нет?

– Тебя выгонят. Меня заберут».

«Тебя выгонят. Меня заберут». Станный, необоснованный страх? И странно то, что девушка отказывается сообщить, где она живет, и номер ее телефона Ивлев не знает. И странный совет дает Ивлеву доцент Горяев. Вот диалог:

«– Вы что, – спрашивал меня доцент Горяев, – газет не читаете?

– Читаю, – улыбнулся я виновато, – после занятий.

– Глупо! (...) Если с утра не прочел (...) – и читать не стоит».

Ивлев попытался – по совету своего преподавателя Вележнева – попасть в дом к доценту Горяеву. И что?

«Дом на Ключовке был с облезлой стеной. На стене красовалась самодельная в потеках табличка: «Здесь жила актриса Л. Берестецкая»

Я позвонил в круглый, спрятанный в приямке стены звонок.

– Вам шо надо? – спросила старая еврейка, запахивая халат, дверь приоткрыв на цепочку.

– Доцента Горяева.

– Приходите завтра.
– Но...
– Приходите завтра, – исчезла она за дверью в своем затейливом тряпье».

Через несколько дней Ивлев повторил попытку.

«– Зайдите завтра, – оборвала меня снова старая еврейка, все в том же, запахнутом на ходу, халате. (...) «Я видел этот халат, – засело в моем мозгу, – видел. Где?» – крутился во мне вопрос».

Страх хозяйки квартиры? Откуда?

По ходу повествования ситуация понемногу проясняется.

Вележнев, встретив Ивлева возле того дома, спрашивает:

«– Вы были у Горяева? (...) Ведь правда?

– Нет.

– Но? – кивнул он головой в сторону Клочковки.

– Его нет дома, – сжал я желваки, – или меня к нему не допускают.

(...)

– Теперь, – зажег Вележнев сигарету и стрельнул спичкой в лужу, – его двери не всем открываются. Она, видать, во всем чувствует подвох. Ложь, одним словом. А ведь не бросила его таки. Не предала».

Становится ясно, что «старая еврейка» – жена Горяева.

Но при чем здесь: «А ведь не бросила его таки. Не предала»? Это Ивлеву уже не надо объяснять, потому что Вележнев все, нужное для понимания, сказал о Горяеве раньше:

«– Он был известным поэтом. Его имя гремело в тридцатых.

(...)

– А где же (...) можно прочитать его стихи?

– Нигде!

– Почему?

– Их все сожгли, порезали, изъяли».

Проясняется и казавшееся странным замечание Горяева о газетах. Вележнев объясняет Ивлеву: «Если бы в то утро Горяев прочел газету, (...) он бы все сообразил. И смог бы скрыться. Сел в поезд – и на «стройку века», за Урал. Затеряйся там среди всяких людишек из захолустья. Трудись-помалкивай. Но (...) за газетой он не пошел. (...) А пополудни за ним пришли».

Ивлеву так и не удалось побывать у Горяева до смерти кого-то из этой пары – или обоих вместе; так ведь тоже бывает у любящих друг друга людей...

«Я пришел на Клочковку. На доме уже не было таблички. У двери стояли две табуретки. И – ни души. Я позвонил. Никто не отвечал. Я толкнул двери. Створки открылись. Я ступил через

порог. Войдя с яркого света, я жмурился. Миновал коридор, вошел в комнату.

– Есть кто дома?

Слышно было только, как муха билась о стекло.

Я огляделся: книжные шкафы. Старинные, дореволюционные. Они шли от самого пола, устланного домотканым рядом из старых лоскутов, до потолка. Книги, книги, книги. Их корешки, старых переплетов, тисненых, кожаных, шли по всему периметру комнаты».

Неразгаданным оставался только халат на «старой еврейке», жене Горяева. Но Ивлев разгадал и эту тайну. Жена Горяева – это именно та актриса Л. Берестецкая, табличку о которой он видел на доме, и именно та красавица, которая запечатлена на полотнах Коровина и Мурашко в том самом халате!

У двух незаурядных личностей – талантливого поэта Горяева и талантливой актрисы Берестецкой – страхи, начавшиеся в 37-м, окончились в 85-м, вместе с их жизнями...

Страхи окончились. У тех, кто из этой жизни ушел.

Но остались не ушедшие. И в новых реалиях, в реалиях даже перестройки, страхи – пусть и в новых формах и не в прежних масштабах – остались.

Странные слова, которые произносит возлюбленная Ивлева («Тебя выгонят. Меня заберут») тоже продиктованы страхом?

И почему она предлагает: «Давай (...) останемся между дружбой и страстью»?

Женская хитрость? Если даже да, то не только.

Сидя с возлюбленной в кафе и разглядывая свою уже пустую вазочку из-под мороженого, Ивлев увидел в ее глянце «мужика с депутатским значком». Этого человека Ивлев уже видел: именно с ним, с этим человеком, девушка однажды уезжала:

«– Я буду на «Спортивной», – сказала она мне в гардеробной, – после пяти вечера. Да, – обернулась она беспечно к своему провожатому, появившемуся из-за ее спины, – едем. Опоздаем – и нам влетит.

Через окно я видел, как они садились в бежевые «Жигули». Она и мужик в галстук. На лацкане его пиджака был депутатский значок».

Тут похоже на двойную игру девушки. А там, в кафе? Станным кажется поведение там «мужика с депутатским значком».

Что-то вроде разгадки мы получаем в конце новеллы.

«25 апреля 1986 года я приехал в Харьков. 26-го меня вызвали в деканат.

(...)

За длинным столом сидели люди.

Одних я знал; был среди них и Вележнев. А возле него мужик с депутатским значком.

На мое приветствие декан сказал:

– Как вы посмели? – и вытер вдруг вспотевшее лицо носовым платком.

(...)

– Да что с ним волынить, – поднялся мужик со значком, – он тут устроил, понимаешь ли, разгул грязной любви, а с ним цацкаются.

Декан не садился. Стоял и говорящий.

– Позвольте слово, – поднял руку Вележнев.

(...)

– Наш подопечный, – начал Вележнев и указал на меня пальцем, – видимо, не знал, что эта девушка, – он запнулся, – эталадычица, или, назовем ее, жрица страсти – несовершеннолетняя.

(...) Его руки подняли со стола листок. И Вележнев зачитал, что ей всего четырнадцать лет, и что она в рамках эксперимента (...). Ей с младенчества давали ферменты роста...

– Довольно! – прервал тот, со значком депутата.

Вележнев умолк, но продолжал стоять.

– В общем, так, – развернул мужик и свой лист, – или тебя, умник, осудят за малолетку, или подпиши этот документ и катись к чертям собачьим».

М. Шеверногая в рецензии «Время для развития личности», опубликованной в киевском журнале «Радуга» (№ 5-6, 2017), трактует этот эпизод так: «От него, угрожая тюрьмой, требуют подписать какой-то документ. И непонятно, кого этот документ касается: девушки или Горяева. Возможно, кого-нибудь еще, не названного в повести, ведь фантазия «внутренних органов» непредсказуема».

А эпизод, на который ссылается М. Шеверногая, на «чертях собачьих» не заканчивается.

«– А как быть с экзаменами? – спросил декан. – Допустить?»

– Гнать в шею! – заорал человек со значком. – Одним больше, одним меньше.

Вдруг распахнулись обе створки дверей. Вбежал человек. И напрямик к декану.

Он что-то шепнул ему на ухо.

– Какой ужас! – сказал тот. – Чернобыль. Чепе. Товарищи, меня и вас, – он показал глазами на мужика со значком, – вызывают в горком, срочно.

А я не понимал уже, было то правдой или слиянием истины и сна».

М. Шеверногая оставляет читателю надежду на хеппи-энд: «В чужие игры часто приходится играть многим из нас. А выйти, со-

хранив лицо, удастся не всем. Главному герою повести – Ивлеву, – мне кажется, повезет. Но только благодаря страшной трагедии». «Ивлева собирались выгнать из вуза, но не успели – получили известие о ЧП на Чернобыльской АЭС. Величайшая трагедия, погубившая многие жизни, стала в какой-то мере спасительной для одного человека», – пишет М. Шеверногая.

И ту же мысль выражает Д. Вакуленко в эссе «Калейдоскоп», опубликованном в международном журнале «Склянка Часу * Zeitglas» (№ 84, 2017): «Неожиданное известие о трагедии на Чернобыльской АЭС поставило точку в этом фарсе, разыгранном в деканате вуза, из которого уже вознамерились выгнать досрочно своего выпускника-отличника».

«Поставило точку» – как бы не так! Это чернобыльский реактор дал сбой. А государственная машина продолжала работать бессбойно. Так что дилемма – подпись или тюрьма – никуда от Ивлева не ушла.

Александр Апальков не дает в новелле ответа, как Ивлев разрешит эту дилемму.

Но М. Шеверногая, несмотря на свой оптимизм, высказанный в одном месте рецензии, высказывает, однако же, в другом месте той самой рецензии другое предположение: «В конце повести мы видим, что Ивлев, возможно, – следующий Горяев...» Это правдоподобнее... Хотя... Ивлев ведь может и подписать...

И Д. Вакуленко, и М. Шеверногая полагают, что не только Ивлев влюблен в девушку, но и она влюблена в него. Д. Вакуленко даже высказывает предположения о характере дальнейшей жизни будущей семейной пары.

Хм... А как же тот факт, что девушка не дает Ивлеву номер своего телефона и не сообщает, где она живет? А как же тот факт, что девушку время от времени сопровождает «мужик с депутатским значком»? И – еще более – как же тот факт, что в кафе, куда Ивлев пригласил девушку, оказывается все тот же наблюдающий за ними «мужик с депутатским значком»? А не является ли сама эта девушка участницей провокации? У Д. Вакуленко тоже мельком проскакивает вроде бы та же мысль: «Не “на живца” ли ловит этот охотник-оперативник свою добычу?» А поймав Ивлева «на живца», отправит девушку на другое задание, где у нее будут уже и другое имя, и другой возраст...

Страх 1937 года остался в прошлом. Однако же, как пишет М. Шеверногая, «время как бы закручено в спираль, события повторяются, но на новых уровнях».

АВТОРЫ О СЕБЕ

Д. В. Амурский (псевдоним). Родился в 1970 году в Хабаровске. В 1992 году окончил МГУ.

По образованию – математик. По образу мыслей – доверчивый скептик. Волею судеб – владелец терьера.

Сергей Беляр (псевдоним). Родился в Бресте в 1978 году. В 2003-м с отличием окончил Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина.

В 2011 году занял 3-е место в номинации «Малая проза» Брестского областного конкурса «Мы рождены для вдохновения» и 2-е место в литературном конкурсе фантастических рассказов издательства «Новая реальность» (Москва). В 2014 году занял 1-е место в конкурсе издательства «Новая реальность».

Печатался в альманахах, газетах, журналах и сборниках Бреста, Калининграда, Красноярска, Минска, Москвы и Санкт-Петербурга.

Владимир Булат. Родился в 1974 году в Запорожье. В 1980 году переехал в Ленинград. Окончил факультет культурологии Санкт-Петербургского института культуры.

Прозаик, эссеист, публицист, историк.

Вадим Вербицкий. Живу в Одессе.

Марзия Габдулганиева (псевдоним). Инженер-конструктор. Работала на авиационном заводе в Ташкенте, на заводе компании «ТВЭЛ» в Удмуртии.

Пишу в жанрах реализма, фантастики, мистики. Мои рассказы публиковались в сборниках фантастики для детей, журнале «Невский альманах» (Санкт-Петербург), газете «Калина красная» (Глазов).

Алекс Грарк (псевдоним). Родился в 1947 году. Живу в Ефремове. Образование – высшее (инженер-технолог производств нефтепереработки и синтетического каучука). 50 лет проработал на Ефремовском заводе синтетического каучука.

С юности влюбился в фантастику, любимыми авторами были и остаются братья Стругацкие, Ефремов, Войскунский и Лукодянов, Лем, Кларк.

Василиса Грунина. Родилась и выросла в Санкт-Петербурге.

Не мыслю свою жизнь без хороших книг. Люблю литературу, которая возвышает над повседневностью, напоминает об извечных ценностях, ради которых, собственно, и живет каждый человек.

Андрей Зорин. Родился в Москве, на Патриарших прудах. По образованию – юрист. Женат, трое детей.

Максим Кирилук. Родился в 1986 году в Гайсине. В 2009 году окончил Уманский государственный педагогический универси-

тет им. П. Тычины по специальности «учитель истории и права». Работая заместителем директора аграрной компании.

В прозе равняюсь на творчество Брэдбери и Достоевского.

Мои стихи публиковались в районных и областных печатных периодических изданиях. Однако самой серьезной считаю публикацию своих произведений на интернет-портале «Проза. ру» (приглашаю всех на свою одноименную страницу).

Открыт и рад диалогу со всеми, кто желает обсудить любую интересную тему или творческую идею!

E-mail: maks_kl@meta.ua

Анна Проценко. Родилась в 1999 году в Киеве. Студентка факультета психологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко. Каратистка. Черный пояс. Чемпионка Украины.

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии, гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском госуниверситете им. Т. Г. Шевченко.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Владимир Торин. Раннее детство провел в Одессе, в сиротском приюте мадам Коган. Мадам Коган была строгой женщиной, но доброй (где-то в глубине души), а еще она использовала детей из приюта в качестве маленьких воришек. Она просто обожала норковые и песцовые шубы и дорогие украшения, а все это стоит денег. Она называла нас своими маленькими мышками, потому что мы, мол, могли пролезть в любую щель. Нам постоянно приходилось придумывать очередные уловки, чтобы облапошить наивных джентльменов и дам с Потемкинской лестницы и Приморского бульвара и при этом не попасться. Но однажды мадам Коган была разоблачена, и полиция уже готовила облаву на приют. Пришлось сбежать. Какое-то время я и еще несколько ребят из приюта жили в Воронцовском маяке на краю Карантинного мола. Смотритель маяка, старик Брюгвин, которого мы называли Брюквин, разрешил нам остаться там на какое-то время – мы прежде постоянно таскали ему газеты и рыбу с Привоза. Тогда мы не знали, что маяк используют контрабандисты для встреч. Как-то ночью они нагрянули, мальчишки разбежались, а я замешкался и попал к ним в лапы. Меня взяли на шлюп «Мышь», и там я пробыл около года. Однажды сбежал. Вернулся в Одессу еще не скоро.

Юлия Цыбульская. Живу в Оренбурге. Писать еще только учусь. Пока самое приятное для меня событие – это победа в конкурсе «ХИЖ-2017».

Руслан Шагманов. Родился в 1973 году в Мелеузе. Со школы увлекался фантастикой, с 1990 года начал пробовать собственные силы в литературе. В 2000 году дебютировал публикацией в журнале «Бельские просторы» (Уфа).

Пробую писать в разных жанрах и направлениях. С 2017 года участвую в различных литературных конкурсах. Рассказ «Добрых дел Мастер» занял 2-е место на конкурсе «Фэнтези без границ» портала «Перекрестки миров».

Юлий Шанс (псевдоним). Родился в 1966 году. В 1989 году окончил Московский институт электронной техники в Зеленограде. Живу в Новотроицке, работаю начальником информационного отдела городской больницы.

Мои рассказы уже публиковались в альманахе «Порог-АК».

E-mail: julius-chance@mail.ru

Елена Шмидт. Родилась в Москве, сейчас живу в Пятигорске. Окончила Керченский торговый институт.

Писать начала с детства – стихи и сказки, рассказанные на свой лад. Потом перешла на публицистику. Сейчас пишу, в основном, фантастику. Печатаюсь в периодических изданиях и сборниках. Принимаю участие в сетевых литературных конкурсах, в которых иногда получается выходить в финал и даже занимать призовые места.

Андрей Якушкин. Живу в Новосибирске. Геофизик.

Публиковался в сборниках и периодике. Призер интернет-конкурсов фантастики.

Участник группы энтузиастов экстремального водного туризма.

Станислав Янчишин. Родился в 1972 году в Воронеже, но большая часть жизни связана с Украиной. С 2004 года живу в Израиле.

Первая публикация – рассказ «Вернись, Тур!» (журнал «Порог», Кировоград, 2004). В 2016 году вернулся к литературству, чему очень рад. Историк, режиссер, актер театра.

ПРИЗЕРЫ ВЫПУСКА 26

По итогам голосования членов жюри и самих авторов лучшими произведениями 26-го выпуска альманаха признаны:

- «Системный трепет» (Вадим Чеботарев, Санкт-Петербург).
- «Карьера под чужим небом» (Д. В. Амурский, Москва).
- «Лемони» (Владимир Торин, Одесса).

Авторы этих произведений получили денежные призы.

**Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
*porog-anturage@yandex.ru***

**Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте:
в информационном листке украинской фантастики
«OldNews»
rusf.ru/oldnews/
на библиографическом сайте «Архив фантастики»
archivsf.narod.ru/
на сайте «Лаборатория Фантастики»
fantlab.ru/
на сайте «Миров двух между – на пороге»
*korepanow.narod.ru/***

Підп. до друку __.06.2018. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3.
Замовлення № 515.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua